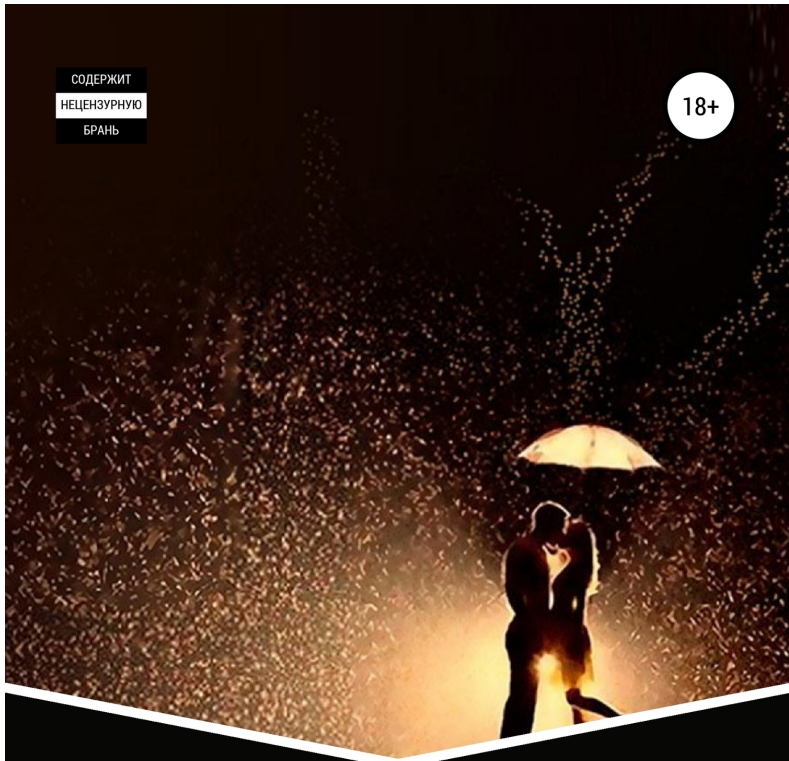

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Байков

Достигая крещендо

Михаил Денисович Байков

Достигая крещендо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57292583

SelfPub; 2020

Аннотация

Размеренная и спокойная жизнь молодого епископа на Лазурному берегу неожиданно принимает новые обороты. Из родной России приходят странные новости, побуждающие его к действию... На фоне проблем личности разворачивается нешуточное противостояние в верхних эшелонах власти, среди сильных мира сего. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава I	9
Глава II	18
Глава III	31
Глава IV	40
Глава V	52
Глава VI	60
Глава VII	72
Глава VIII	79
Глава IX	97
Глава X	104
Часть вторая	114
Авторское предисловие	114
«ЗАТОЧЕНИЕ»	115
1	116
2	123
3	132
4	141
5	148
6	156
7	165
8	171

9	178
10	183
11	191
12	204
13	209
14	216
15	226
16	236
17	241
18	250
Вместо эпилога	256
Часть третья	261
Глава I	261
Глава II	269
Глава III	283
Глава IV	296
Глава V	308
Глава VI	321
Глава VII	335
Глава VIII	354
Глава IX	376
Глава X	383
Эпилог	396
1	396
2	412

*Посвящается
Анне Комиссаровой*

Пролог

Душные лучи солнца прорезают окна мотеля, впиваясь в глаза постояльцев. Но им всё равно. Утомлённые не только от долгой дороги, но и от самой такой жизни, мужики продолжают храпеть мимо ног. Им действительно всё равно на то, что встать надо было час назад, а ответственность за груз в трёх фурах полностью отсутствует, если наниматель не сказал, что там.

Они спят... Но тем, кому груз интересен не до сна. Артемий Клёнов третий час потеет в оперативном штабе, ожидая пробуждения дальнобойщиков.

– Екатерина Алексеевна, может лучше их задержать в мотеле? Мои ко всему готовы...

– Жди, Тёма... Не надо нам публичности.

Клёнов недовольно хмурится в ответ своими ржаными бровями, но должен подчиниться.

«Проснулись», – передают оперативники.

– Ждём, когда поедут, – распоряжается Екатерина Алексеевна. Клёнов сурово пыхтит.

Дальнобойщики медленно завтракают, не подозревая о мучениях, которые они причиняют напряжённо ожидающим сотрудникам Службы безопасности. Через двадцать минут, наконец–то, выстраивают свою колонну и начинают двигаться по Минскому шоссе.

– Пора... – шепчет Клёнов.

– Тихо, – отвечает ему Екатерина Алексеевна, но в слух объявляет, – Начинаем операцию.

Вслед за фурами выезжает Cadillac, для конспирации красного цвета.

«Через четыре минуты блокируем дорогу».

Екатерина Алексеевна и Клёнов напряжённо следят за движением колонны.

– Тут перекроют гаишники... – бормочет Артемий. – Здесь заблокируют...

– Группа готова? – командным голосом спрашивает Екатерина Алексеевна. – Через три минуты захват.

«Блокируем дорогу», – сообщают из кадиллака.

Екатерина Алексеевна кивает Клёнову, чтобы выезжал на место. Он мгновенно срывается с места. «Поставили дуру руководить, я это от Китая вёл...»

– Артемий Алексеевич, что делать? – спрашивает его, больше ради формальности, наблюдатель ГИБДД.

– Так фуры останавливайте, идиоты – отвечает Клёнов тоном человека, от которого всё зависит, хотя и знает, что всё идёт по плану.

«Начали проверку документов. Все лишние удалены».

«Группа, начали», – отвечает Екатерина Алексеевна.

Клёнов, мчащийся по шоссе с более чем штрафной скоростью, слышит театральные возгласы спецназа, лишённые романтизма вздохи, фразы и словосочетания обескураженных

дальнобойщиков, перебирающих большой словарный запас, пару выстрелов в небо...

– Ну, что у вас? – спрашивает он.

«Пока только тушёнка, товарищ капитан».

– Ну тогда мне заверните...

«Я вам заверну! Артемий, чтобы через две минуты был на месте. Без него фуры не осматривать».

– Да, ребят, будьте аккуратнее, если там то, что мы ду-
маем, – заботливым голосом произносит Клёнов, продолжая
недоброжелательно отзываться о Екатерине Алексеевне про
себя.

«Тут, конечно, товарищ капитан, ужас...»

Часть первая

Глава I

Жизнь приморского города расцветала к вечеру: бульвары искрились длинными линиями фонарей; автомобили переставали раздражать прямоходящих людей; ласковое днём Средиземное море волнительно высказывало своё возмущение; кучки туристов топтали набережные; местные жители азартно толкали иностранных гостей к посещению забегаловок, переполненных атмосферой Прованса и завитками хрустящего хлебного аромата...

– Trois brioches, s'il vous plaît, et deux bouteilles d'eau minérale, – делал заказ мужчина с акцентом, приближённым к итальянскому.

– Je suis rapide... – отвечал далеко не на провансальском диалекте житель бывших французских колоний в Африке, кивая из-за прилавка.

В голове покупателя мелькнуло сомнение – если единственное число «brioche», надо ли склонять его на французском? Хотя сожалеть о знании языка не стоило – очевидно, что продавец этой пекарни прекрасно понял бы суть заказа на любом языке, ведь уже через мгновение булочки лежали в бумажном пакете с пятнышками масла, а сам французский

подданный, широко улыбаясь, протягивал мужчине две бутылочки минералки и, раскатисто мыча, сообщал цену:

– Neuf euros!

– Grazie, – ловко прозвучала итальянская благодарность от мужчины, прикладывающего кольцо к терминалу, и мягко улыбающегося продавцу из-под своей опрятной, слегка рыжеватой бороды.

У двери в пекарню мужчину нетерпеливо поджидал его спутник – человек лет тридцати, с жёсткой щетиной, грубыми светлыми волосами и северными чертами лица.

– Господин капитан, надеюсь, вы не заждались?

– Спаси Господи, – оскалился раздражённо «господин капитан».

– А гэбисты в Бога веруют? – весело продолжал мужчина, увлекая своего спутника за собой.

– Саш, а в кого ещё? – с усталым отчаянием отвечал «гэбист».

Они быстро шли по улочкам Ниццы среди шумного потока людей. «Саша» со вкусом жевал купленные кулинарные сувениры французского кондитерского дела и всматривался в людей, гуляющих в жёлтом свете фонарей.

– Здесь теракт в 2016 был? – вяло спросил у него спутник.

– Рядом, Тёма, на Английской набережной... Стыдно такого не знать!

– У меня специальность другая, Саш...

«Саша» театрально вздохнул, поправляя белый шарф, и

молча, но в душе жалея о лишних покупках, довёл Тёму до оперного театра Ниццы.

– И сколько времени? – язвительно спросил «Саша» уже в гардеробе.

– Семь тридцать пять!

– А «Пиковая Дама» во сколько?

– В восемь, – звучал спокойный ответ.

«Саша» чопорно окинул Артемия сверху вниз, оценивая выбор наряда для светского вечера – тёмно-синий костюм в тонкую полоску и однотонный голубой галстук.

– И когда ты успел переодеться? – снимая весеннее пальто, поинтересовался «Саша».

– В номере. У меня было несколько минут...

– Эф-ффектно, не думал, что у гэбистов есть стилия...

– Князев, хватит палку-то перегибать, – промычал Артемий, в свою очередь отмечая экстравагантный внешний вид друга (чёрный френч; брюки, заправленные в высокие кожаные сапоги; белый шарф, небрежно накинутый на шею; акkuratный перстенёк на мизинце).

– Да ладно, без обид... Просто настроение хорошее, Тём... Слишком редко видимся, отвык от юмора моего.

– А сам-то павлином разоделся, – с положительной оценкой отметил Артемий.

– Ну, не в рясе же расхаживать по операм, – улыбнулся «Саша», демонстративно постукивая пальцами по запонкам с выгравированным голубем.

– Посмотри на неё! – начинал возвращаться в привычные рамки юмора Артемий. – Сразу видно театрального работника со стажем – бюст, как изгибы бельэтажа, а рюмка коньяку срослась с пальцами! Стаж, одно слово.

– Как ты не ласков к театральным служащим, – лукаво улыбался «Саша». – Хотя я помню ещё театралку Ропотову в десятом классе. Таких в европах не держат!

– Таковую нигде не держат! Мы тут на долго?

– Ох, Тёма, опера всегда долго. Но к Селини мы успеем, его жена поёт Лизу, а он без неё точно не закончит свою тусовку.

– Всегда удивлялся твоему пониманию благочестивой жизни...

– Ну, давай об этом не будем, – замах руками «Саша». – О богословии не в Оперном театре. К тому же ты мой гость, которому, в силу профессии, довольно редко везёт вырваться из страны.

– Я всё равно не на долго и лишь по двум вопросам... – начал серьёзно говорить Артемий.

– Двум? – удивился его спутник. – Я думал только встречу выпускников ты хотел со мной обсудить.

– Да, но ещё и по работе кое-что нужно уточнить.

– Тебе исповедь нужна? – лёгкий смешок вырвался из

«Саши».

– Нет. Это касается всех нас... Но тебя, наверное, будет заботить больше...

«Laisse moi passer», – прервала сосредоточенную речь капитана Службы безопасности эффектная брюнетка в прелестном, но не соблазнительном платье, пробираясь к своему месту в партере. Артемий, параллельно пытаясь перевести её фразу, с чисто мужским интересом осмотрел фигуру и уступил путь. Его друг последовал примеру, но не стал осматривать всю незнакомку, а лишь заглянул в её глаза, найдя в них безумную сосредоточенность. К его мгновенному безразличию она села на соседнее место, распахнула свой клатч без явной принадлежности к бренду и достала смартфон в чёрном чехле с маленьким серебряным гербовым орлом. «Саша» лёгким толчком привлёк внимание Артемия к даме, взглядом сказав ему: «Наша».

Артемий лукаво улыбнулся, а в глазах проскользнула хищная искорка. Его друг осуждающе нахмурился, указывая взглядом на его обручальное кольцо. Тот гордо хмыкнул и чуть надулся. «Саша» усмехнулся и решил продемонстрировать свои таланты:

*– Что наша жизнь – игра,
Добро и зло, одни мечты.
Труд, честность, сказки для бабья,
Кто прав, кто счастлив здесь, друзья,
Сегодня ты, а завтра я.*

*Так бросьте же борьбу,
Ловите миг удачи,
Пусть неудачник плачет,
Пусть неудачник плачет,
Кляня, кляня свою судьбу.*

Продекламировал «Саша» арию Германа, стреляя взглядом на сцену, зрителей, удивлённого выходкой Артемия, и, собственно, брюнетку, наблюдающую за «Сашей» с долей приятной ироничности на лице.

– Русских легко узнать, – улыбнулась она ему.

– Ну, арабов на много легче, – понимая, что брюнетка оценит, отвечал «Саша». Она усмехнулась.

– По вам трудно сказать, что вы не политкорректны.

Артемий закатил глаза – хоть он и любил поболтать в пустую, но предпочёл воздержаться от вмешательства в назревающий флирт.

– Мой несколько экстравагантный внешний вид, – жеманно разговаривал «Саша», – не имеет никакого отношения к политкорректности... Хоть в силу своей профессии я терпим ко всем, но столкновение двух культур переношу с трудом...

– Арабы в Оперу не ходят, – с политической ноткой в голосе заметила брюнетка.

– Это и плохо. Мне было бы гораздо спокойнее, если они ассимилировались с европейской культурой.

– Возможно... Вы упомянули о профессии, наверное, нам

надо представиться? – вновь улыбнулась брюнетка, обнажив полоску белых зубов.

– Скажу по секрету, с этого следовало начинать, – почти у самого уха брюнетки прошептал «Саша». Артемий совсем выпал от такого поведения.

– Я с вами абсолютно согласна, – отвечала брюнетка, повернув голову так, что их глаза смотрели друг в друга. Свет в зале начинал гаснуть, и Артемий чувствовал некоторую неловкость.

– Позвольте представиться, – не отрывая головы и не отводя глаз, говорил «Саша», – Евгений, vikарный епископ Европейского экзархата.

Артемий по реакции брюнетки, чуть–чуть отстранившейся от головы Александра, понял, что последний выиграл в этом раунде флирта.

– Что ж... Весьма неожиданная встреча, – сказала она, быстро справившись с растерянностью и даже вновь приблизив голову. – Со мной же всё проще, Елизавета Орлова, здесь просто отдыхаю.

– Как? Елизавета Николаевна? – в той же позе продолжал епископ.

– Да, – с оттенком гордости ответила она с внешней невозмутимостью.

– Заместитель Руководителя Администрации Президента России по связям с общественностью? – отчеканил каждое слово Александр голосом знающего человека.

Орлова пристально посмотрела на него с огнём в глазах и, прищурившись, после паузы хитро спросила:

– Вообще–то я также курирую СМИ и интернет–пространство.

– А–а–а, – протянул игриво епископ. – Реальность создаёте?

– Ну, если пропаганда убеждает людей, тогда да. Создаю реальность для всех.

– А интернет? – удивлённо спросил епископ.

– А что он? Его контроль важнее... Но признаться и проще. А вы фонд «Благословение» возглавляете? – увела разговор в сторону Орлова.

– Да что вы... Я лишь идейный вдохновитель, руководят другие.

Даже приветственные аплодисменты зала не смогли прервать разговор епископа и федерального чиновника. Но если обычно беседы между подобными людьми носят формально–деловой характер, то эта пара просто общалась на различные темы – от работы до самой оперы, её истории и смыслах.

Клёнов тем временем ощутил себя несправедливо забытым и, пытаясь не обращать внимание на своего друга и его собеседницу, тщетно пробовал вникнуть в суть «Пико-

вой дамы». Лишь в антракте епископ представил его Орловой, которая не обратила на Клёнова никакого внимания, ограничившись надменно–властным кивком головы. Артемий Алексеевич вновь осознал, что посещение культурных мероприятий выходит за пределы его стиля жизни.

Глава II

– Тёма, она поедет с нами, – быстро шепнул епископ Клёнову. – Знакомство такое подарок судьбы!

Артемий не питал нежных чувств к гражданским служащим, считая их, как и все его коллеги, за людей, влияющих на жизни и судьбы миллионов людей, но ограниченных от ответственности за свои действия. К женщинам на высоких должностях Клёнов совершенно не мог привыкнуть, а потому не разделял деловой заинтересованности своего друга, видевшего в Орловой выгодное знакомство.

Через восемь минут к компании, не покинувшей здание, присоединилась воздушная блондинка.

– А вот и наша Лиза! – встретил её с широкой улыбкой Евгений. – Арию, конечно, чуть–чуть пережала, но оvationи совершенно заслуженные!

– О, кардинал, ты, как всегда, говоришь ядовитые вещи! – отвечала сопрано, смеясь лёгкими звуками.

– Знакомься, Ольга, – продолжал епископ. – Елизавета Орлова и мой школьный друг Артемий Клёнов.

– Вы чудесно пели сегодня, – располагаяще улыбнулась Орлова, протягивая руку Ольге. Их властные ладони соприкоснулись и, не желая действовать первыми, мягко вернулись обратно.

– Евгений, Селини не предупреддал, что вас будет трое.

– Думаю, твоему мужу совершенно всё равно, сколько я приведу с собой гостей, – отвечал Ольге епископ, слегка задетый такими словами.

– К тому же я из российского правительства, – усмехнулась Елизавета Николаевна, пронзая взглядом типично дерзкую сопрано. Той оставалось промолчать и сказать тихим голосом с ноткой досады:

– Я сяду сзади, кардинал...

Под весёлую музыку французского радио, со скоростью 160 километров в час, кабриолет епископа мчался по ровным дорогам автострады, растрёпывая ветром волосы Евгений, развевая причёску Орловой и продувая Клёнова и Ольгу, сидящих сзади. Внизу сверкали огни побережья, а в море, как лампочки гирлянды, качались разноцветные точки яхт. В чёрном небе рассыпались звёзды, а слева тянулись плавные линии гор. Частые туннели не воспринимались, как желтые порталы в иные миры, а становились проводниками наслаждения красотой природы, сросшейся во едино с человеком. Проезжая яркое Монако, Орлова еле слышно спросила:

– Почему кардинал?

– Так меня называют богатые друзья–бездельники, – тоже прошептал Евгений так, что только Орлова услышала его.

В Бордигере епископ с чувством истинного знатока местности ловко провёл кабриолет по изгибам дорог, въехав в оживлённый ночью город. Полоса каменистого пляжа, погружённого в густую темноту, сменялась яркой набережной

с улыбающимися людьми и рядом рестораничек с беспричинно радостными посетителями. Остановившись буквально на одно мгновение, можно было почувствовать счастливое умиротворение беззаботной жизнью, лишённой глубокого смысла, но способной дарить размеренное веселье – быстрая эмоциональность итальянской речи, постукивание бокалов и мелодичные звуки переливания вин, удивительный запах блюд, оставляющей в самом сердце послевкусы домашнего уюта...

Кабриолет свернул с набережной, и мир изменился. Справа продолжало шуметь море, слева была каменная стена, покрытая густой зеленью и цветами. Освежающая сырость с каждым вздохом разливалась по телу, и все пережитые впечатления как бы собрались вместе и шептали каждому нечто, причиняющее удовольствие.

Епископ сделал несколько поворотов, и машина начала подниматься по закрученной дороге вверх, проезжая мимо осветлённых вилок с шумными компаниями. Через ещё один поворот взору предстал холм с рядами виноградников по пологим склонам, на плоской вершине которого грозно возвышался серый особняк, с маленькими квадратными окнами, хаотично вырубленными в тех, казалось, средневековых стенах.

– Мы приехали, – пробудил пассажиров спокойно улыбающийся епископ.

Кабриолет въехал в открытые кованые ворота и припар-

ковался рядом с роскошными автомобилями приезжих гостей Ривьеры. Поднявшись по широким каменным ступеням к дому, галерея первого этажа которого закрывалась резными колоннами. Участок рядом с домом светился огнями, а пространство пронзалось громкой музыкой и шумными разговорами людей.

– Beh, finalmente vi ho aspettato! ¹ – обратился дружелюбно морщинистый хозяин в белом смокинге сразу ко всем.

– Scusa, abbiamo passato troppo tempo a goderci l'opera, – мгновенно ответил Евгений тенором, для поцелуя протягивая руку с перстнем. – Olga era incredibilmente bella! ²

– Oh, opera! Figaro è qui, Figaro è là! – отвечал Селини, принимая руку Евгения и обращаясь ласково к своей жене. – Olga, mi annoio qui senza di te! ³

– Roberto, questo è il mio amico Artemio e un importante funzionario di Mosca, Elisabetta, – заговорщически представил остальных епископ. – Elisabetta ⁴.

– E'un piacere conoscerla. Vi prego, divertitevi!.⁵ – с чисто

¹ Ну, наконец–то я вас дождался! (*фр.*)

² Прости, мы слишком долго наслаждались оперой, – мгновенно ответил Евгений тенором, для поцелуя протягивая руку с перстнем. – Ольга была ослепительно прекрасно! (*фр.*)

³ О, опера! Фигаро здесь, Фигаро там! – отвечал Селини, принимая руку Евгения и обращаясь ласково к своей жене. – Ольга, без тебя мне скучно! (*фр.*)

⁴ Роберто, этом мой друг Артемий и важный московский чиновник – Елизавета. (*фр.*)

⁵ Безумно рад нашему знакомству! Прошу вас, развлекайтесь! (*фр.*)

итальянским темпераментом твердил Селини.

Селини, с повисшей на его плече воздушной Ольгой, направился развлекать другую группу гостей, оставив епископа и его компанию вольными делать что угодно на этой вечеринке.

– Кто он? – поинтересовался Артемий.

– Психиатр, – вальяжно бросил Евгений.

– Брр... – недовольно сморщился Клёнов. – Ещё один богатый бездельник...

– Во-первых, кого ты имеешь в виду вторым, произнося «ещё»? – остановился епископ, вновь получивший расслаблено юмористическое настроение. – Во-вторых, у него докторская степени криминалиста. Не совсем бездельник, даже твой коллега в некотором роде. И в-третьих, что ты имеешь против психиатров?

– Смотрят постоянно свысока, в душу лезут, да и считают себя умнее других.

– Это психологи, дорогой мой, – усмехнулся Евгений. – Они препарировать тебя, потешая профессиональное самолюбие и восторгаясь своим гениальным раскрытием особенностей исследуемого индивидуума...

Двор виллы был заполнен гостями, занятыми разговорами и сплетнями за бокалом игристых напитков. Им был мало интересен потрясающий круговой обзор с виллы. Изгибы побережья Италии с одной стороны и Франции с другой, волны гор, огни городов и шум моря давно стали для них

естественным.

– Бордигера лучшее место для закатов и рассветов. Мыс с часовней, мимо которой мы проехали, выходит и на восток, и на запад. Каждый день солнечный диск поднимается со стороны Италии, озаряя всех светом и пронизывая влажный утренний воздух, проходит по небосводу и вечером медленно садится во Франции, поджигая горы и унося с собой жару, – проговорил епископ, которому вид был интереснее происходящего.

– Поэтично, – улыбнулась ему Орлова. – Я здесь вижу много знакомых лиц, например, правительственного «Достоевского», – при этих словах какой-то толстый мужчина неуклюже отвернулся от острого взгляда Елизаветы Николаевны, но по своей невезучести опрокинул бокал, мгновенно разлетевшийся на маленькие осколки.

– Фёдор Михалыч, вас легко узнать, – окликнула его Орлова, смеясь.

– Ага... – пролепетал смущённый Фёдор Михалыч. – Доброй ночи, Елизавета Николаевна!

– Я думала, вы на форуме в Женеве, – иронично говорила она.

– Тут недалеко, развеется решил... Выходные...

– Так среда вроде? А завтра вообще в Кремле собрание.

– Ааа... уже среда? – испуганно сморщился Фёдор Михалыч.

– Долго у вас длятся выходные! – захохотала Орлова. –

Чтобы завтра вечером у Божесова были...

Фёдор Михалыч чуть не последовал за разбитым бокалом, но предпочёл промолчать и очень быстро исчез с этой вечеринки, уехав в кортеже с тремя автомобилями. Артемий тем временем уже погрузился в атмосферу. Русскоговорящие барышни стайкой окружили его.

– Вы из России? – интересовались наиболее молодые из них.

– Да, да... – отвечал он, в свою очередь больше интересуясь закусками. – А вы откуда приехали?

– Вообще–то мы местные, никуда нам приезжать не надо – с жирным оттенком гордости отвечали дамы постарше, заслужившие право причислять свои саратовские души к обитателям Ривьеры.

– Да... отлично... – безэмоционально говорил Артемий, немного задевая заслуженных дам.

Епископ Евгений занял своё любимое место на вилле Селини у самого края, перед навесным обрывом. Вечеринка дышала.

– Кардинал! – выпорхнула из ниоткуда Ольга. – Ты обещал мне аккомпанировать!

– Разве? – равнодушно спросил Евгений, но бодро последовал за Ольгой к сцене с белым роялем и контроллерами.

– Скажи что–нибудь очаровательное, – шепнула Ольга епископу, пока сама подгоняла под себя стойку микрофона.

– Amici, tutti voi conoscete la voce dell'Opera di Olga Selini. Ma oggi ⁶... Впрочем, большинство собравшихся понимает по–русски, – все засмеялись с небольшим облегчением нелюбителей переводить итальянскую речь. – Поэтому просто представляю вам Ольгу в амплуа джазвумен с восхитительной песней ZAZ «Je veux». Поёт Ольга Селини, аккомпанемент – я за роялем, и наш несравненный диджей, похлопаем! – все гости зааплодировали.

Епископ сел за рояль, демонстративно перекинул белый шарф, встряхнул волосами, выражая уверенность, и ударил сильными аккордами начало песни. Играя глазами с гостями, он ритмично отбивал свою часть аккомпанемента, пока диджей не подключился к этой музыке, постепенно добавляя в неё новые краски. В момент мощного звукового толчка Ольга вступила с яростным вокалом, совершенно не похожим на то, что было с нею в опере. В её агрессивной подаче и наглых движениях читался профессионализм, смешанный с искренним состоянием души. Каждое слово песни она произносила отточено, будто зазубрила французский текст, хотя языком владела очень хорошо. В проигрыше диджей заглушил аккомпанемент Евгения, создавая глубокие комбинации звуков, пронизывающих всех собравшихся энергией. В нужный момент он оборвал свои беснования, и стала слыш-

⁶ Друзья, вы все знаете оперный голос Ольги Селини. Но сегодня... (фр.)

на игра епископа, перебиравшего клавиши, дающего музыке новую силу. Достигнув крещендо, епископ соединился в едином порыве изощрений диджея и эмоционального пения Ольги, спевшей этот припев гораздо легче, возможно, из-за более динамичного сопровождения. В последних строках песни епископ подстроился под Ольгу и допел с ней слова до конца, разбавив пугающую страстность своим голосом. Номер завершился ловкими арпеджио епископа Евгения. Все были под впечатлением и заплодировали в едином порыве, выкрикивая «Bravo».

– Надеюсь, – шепнул Ольге Евгений, пока обнимал её, – Ты просто переигрывала. Так эту песню можно петь только тогда, когда чем-то недоволен.

Она улыбнулась ему многозначительной улыбкой, но в глазах читался восторг от произведённого эффекта.

– Откуда они знакомы, Артемий? – спросила неожиданно Клёнова Орлова.

– Кажется, она училась в консерватории, когда Князев был студентом–выпускником и проходил практику в Совете Федерации, – сухо ответил Артемий.

– В Совете Федерации? – удивилась Орлова. – Разве он не богослов?

– Обычно он говорит на это, что пути Господни неисповедимы, – отшутился Артемий.

– Так что он заканчивал?

– Скажу только, что он был единственным московским

студентом из всех студентов парней и девушек, который ни разу не курил кальян.

– Будто остальные курили? – с улыбкой спросила Орлова.

– Конечно, в Москве невозможно студенту пройти мимо. Говорю и как бывший студент, прошедший через ощущение свободы от родительского контроля (зачем ещё поступает большинство людей), и как человек, занимающийся определённым контролем...

– Вам не кажется, что у Ольги отнюдь не оперный голос? – спросила Орлова.

– Да если бы я в этом разбирался! – хихикнул Артемий.

– А в чём вы разбираетесь? – попыталась захватить врасплох его Елизавета Николаевна.

Он пронизывающе на неё посмотрел.

– Да так... Госслужба.

– То есть вы тоже здесь работу прогуливаете? – весело заметила Елизавета Николаевна.

– Да в отпуске я... – грубовато ответил Клёнов.

– Клёнов, Клёнов... что-то припоминаю... – выбрала другую стратегию Орлова. – Вы ведь сотрудник Службы безопасности?

Артемий удивился.

– Ну, да.

– Это ведь вы занимались делом «Дальнобойщиков»?

– Я не уверен, что могу с вами об этом говорить...

– Напротив, с кем, как не со мной. Я детально разрабаты-

вала этот вопрос вместе с Красенко.

Упоминание директора Службы безопасности не вызвало в Артемии приятных эмоций.

– В таком случае, вы знакомы с ситуацией даже лучше меня.

– Знаете, дело крайне опасное оказалось, не зря мы выпустили только одно заявление «Задержана группа дальнобойщиков» с туманным пояснением. Вы всё–таки проводили арест, а потому лучше Красенко знаете груз фур... К тому же он так любит преувеличивать, своей любимой фразой «героическое действие», – передразнила Орлова.

Подобное отношение к директору Службы безопасности никогда бы не могло возникнуть в служебной беседе, но эта лёгкость, с которой Орлова произносила имя директора, высмеивая его поведение, расслабила Клёнова и всё больше расположила его к Орловой.

– Да, – усмехнулся по–доброму Артемий. – Он ещё тот кадр. Что же он наплёл?

– Сущие пустяки, просто предоставил опись, маршруты, заказчиков и прочую официальную информацию... Лучше скажите, на какой стадии следствие?

– Но всё равно по секрету скажу. Мы пытаемся распутать сложную систему подрядчиков и фондов, через которые проходил заказ. Такого объёма хватило бы на ужасные вещи...

– Подозреваемые есть? – спросила прямо Орлова.

– Это секретно, но если честно, то нет.

– Интересно, что вы не знаете подозреваемых в деле национальной безопасности, – протянула Елизавета Николаевна, допивая бокал Lambrusco и понимая, что Клёнов совершенно ничего нового не сказал. – Были бы вы не женаты, я бы предложила вам потанцевать.

– Не будь вы женой премьера, я бы согласился.

– Я бывшая, – сладко проговорила Орлова. – К тому же он не ревнивый.

– А моя жена очень ревнива.

Орлова засмеялась, причинив большое удовольствие Клёнову. Ещё полчаса они беззаботно болтали о всякой ерунде, найдя друг друга интересными собеседниками. Артемий с удовольствием рассказывал комичные истории служебной жизни, Орлова высмеивала наиболее популярных и видных чиновников Правительства.

Наконец, гости стали разъезжаться. Епископ отыскал их и предложил ехать немного в других условиях. Артемий не без зависти отметил Мазерати мягкого синего цвета. в автопарке друга, вызванный епископом из Ниццы.

– Надеюсь в будущем мы встретимся, – на ломаном русском с неожиданным кавказским акцентом проводил Селини Елизавету Николаевну.

– Мой дорогой доктор, – отвечала ему Орлова, находящаяся в приподнятом настроении от местного игристого. – На будущее может рассчитывать тот, кто имеет что-то в настоящем.

Селини улыбался, совершенно не понимая смысла сказанного.

– Сіао! – крикнул он в след.

– Вижу с ревностью вы и правда не знакомы, – пошутил Клёнов.

– Пустяки, – устало произнесла Орлова сонно.

– Такая философия не понятна итальянцам... Они как раз чувствуют настоящее, не думая о будущем, – заметил благодушно епископ.

«Потому будущее у них и есть» – заговорил внутри засыпающей Орловой государственный деятель.

Глава III

За месяц до описанных событий на Ривьере в Москве произошло странное заседание Правительства. Мрачные и уставшие министры в одинаковых костюмах неторопливо шептались между собою в зале заседаний Совета безопасности Сенатского дворца.

– Я совсем замучился...

– Да, дикая неделька.

– Вам бы отдохнуть, – заметила заботливо министр культуры.

– Эта чехарда закончится, тогда улечу на недельку, – мечтательно ответили ей, сладко причмокнув.

– Журналистов нет и хорошо, а то я усну сейчас...

Шушукались министры социального блока, обсуждая головную боль друг друга, от скуки доходя даже до обсуждения здравоохранения. В другом конце стола, чуть ближе к «трону», шептались вице-премьеры:

– Вы не с пустыми руками, надеюсь?

– Нет... Но Начальник не по этим вопросам зовёт, просто трёп послушаем.

– Да от Николаича–то ладно, он о своём послании будет болтать... Я про Божесова, если мы без цифр будем, он завтра же нас ***.

– Меня сегодня...

– С чего бы?

– Я с женой на благотворительный вечер «True liberals» еду... Божесов тоже приглашён.

– Ой, дурак... – протянул собеседник. – За такие мероприятия и двести девяностую повесить могут.

Прошло всего две минуты, а свободы темы разговоров начинали заканчиваться. Оставалась только надоевшая всем работа... К счастью, появился Президент – Сергей Николаевич Лапин. Все быстро двинулись к своим местам, выражая своё почтение Первому лицу кивками. Тот быстро сел, расстегнул пиджак и раскрыл папку с бумагами. Все нахмурились и тупо уставились в перпендикулярную глазам точку стола. Лапин обвёл их взглядом, готовясь заговорить, но остановился на пустых креслах.

– Так, – сказал он, прикрывая твёрдый голос смешливой интонацией. – Где товарищ премьер?

Никто не двинулся.

– Где министр иностранных дел, где министр обороны? – продолжал Лапин.

– Игорь Сергеевич в ООН, Максим Петрович летит из Мурманска... – робко, не поднимая головы отвечал вице-премьер.

– Ох, – тяжело вздохнул Лапин. – Подождём...

Им было взаимно неудобно. Нельзя было назвать Сергея Николаевича ограниченным и глупым человеком. Он просто не обладал харизмой и самоиронией, которая была у Боже-

сова, хотя шутил иногда очень удачно и метко. В 2024 году именно его Божесов обошёл на выборах... Карты в руках ВВП сложились так, что Божесову не удалось занять возделенное кресло Президента. Лапин смотрелся там гармонично – тихий, спокойный, местами здравомыслящий и вечно твердящий что-то про экономику и постоянный рост в накоплении средств. Но жена его занималась бизнесом, а потому на протяжении одиннадцати лет Лапин активно взаимодействовал с предпринимателями – они выполняли госзаказы, строили стадионы, получали субсидии и выигрывали тендеры. Когда же приходило время думать о социалке, то в игру вступал Божесов – он хорошо справился с эпидемией 2025 года, успешно преодолел последовавший за ней экономический кризис, боролся с безработицей и старался воспитать хоть какое-то подобие гражданской дисциплинированности и ответственности. Лапину же на это было всё равно – он сидел у себя в Кремле, выслушивал доклады, ставил подписи, принимал порой смелые решения, миролюбиво относился к странам-соседям и партнёрам, хотя был способен постучать туфлём по столу. При всём этом, Сергей Николаевич был начитан, образован, мог хорошо вести переговоры, отстаивать внешние интересы России, а также обладал хорошим вкусом в изящных искусствах. Министр из него получился бы отличный... Но в Правительстве заправлял Божесов, и хоть формировал его не сам, но министры прониклись симпатией именно к нему, а не Лапину.

– Друзья мои, я очень рад, что вы пришли на маскарад...
– мурлыкал Божесов себе под нос, вальяжно входя в зал заседаний. – Сидите, сидите... Сергей Николаевич, извините ради Бога, был на маникюре, секретарша–дура, забыла перенести, – Божесов поиграл в воздухе кончиками пальцев.

– Садитесь, Михаил Александрович, – невозмутимо произнёс Лапин. – Теперь можем начинать...

– Вольно, товарищи, – скомандовал министрам Божесов, снимая солнечные очки. Их взгляды оторвались от стола, и тела расслабились...

– Как вы все понимаете, – говорил Президент, – Положения из моего Послания Федеральному Собранию должны исполняться уже со следующего месяца. Вопросы обороны у нас, к счастью, уже не стоят в приоритете, но и на Космическую программу, лично к вам, Михаил Александрович, обращаюсь... мы расходовать средства не можем. В приоритете остаётся здравоохранение и строительство... Сколько это выходит в среднем?

Божесов вопросительно посмотрел на вице–преьера, который не подготовил статистику.

– Ну, мы пытаемся привлечь дополнительные средства, – бойко стал отвечать Михаил Александрович, ища хоть какие–нибудь данные в планшете. – На развитие здравоохра-

нения, НИИ, зарплаты бюджетным служащим, оборудование и прочее будет направлено дополнительно полтриллиона... Со строительством немного сложнее, потому что нужно понимать, что именно мы строим. Одно дело больница, тогда это в счёт финансов здравоохранения, другое дело дорога, тогда это в региональные центры поступают деньги. Но около 300 миллиардов будет направлено...

– Но вы проконтролируете, чтобы деньги реально работали на людей. Чтобы была польза... Создайте наблюдательную Комиссию.

– Это обязательно, без Комиссий у нас бумаге не растёт, – отвечал иронично Божесов. – А вообще, Сергей Николаевич, пользуясь случаем, хочется сказать, что система национальных проектов была эффективнее. Когда есть чёткое планирование с лёгким контролем потока бюджетных средств, работать всем, даже как бывший прокурор говорю, гораздо удобнее! А не вот эти популистские фразы «здравоохранение поднимем», «мосты построим», а на деле мосты горят и здравоохранение, как было на уровне после эпидемии, так и осталось!

– Популизма больше в ваших словах, Михаил Александрович, – отвечал размеренно Лапин. – Мне лично больницами заниматься? Или для этого у меня есть такие, как вы?

– Возможно и так, в экономике я не силён... Но то, что вы обошли семьи в своём Послании меня искренне задевает!

– Так вы ж холостой? – усмехнулся Лапин, не произведя

впечатления на министров.

– С такой социальной политикой и жениться–то страшно! – играючи отшучивался Божесов, вызывая улыбку на лицах министров.

– Ладно. Если вы не настроены на ночь глядя обсуждать цифры, поговорим о желанной вами «генеральной линии партии» ...

Божесов располагаяще улыбнулся Лапину, как будто дал право на существование его шутке.

– Пока Администрация Президента готовит поправки в Конституцию, мне хочется поинтересоваться о ваших личных, пусть немного субъективных, желаниях в этом вопросе...

Министры, почувствовав источник преференций, оживились и вступили в беседу – каждый находил что добавить или хотя бы просто озвучивал свои мысли об основном законе. Божесов хмуро смотрел на эту беседу, но решился добавить:

– Сергей Николаевич, моё мнение довольно простое. Менять Конституции ради продления срока полномочий довольно опрометчивое решение...

– Заметьте, что такое уже было.

– Двадцатый год не в счёт, – отмахнулся Божесов. – Инициатор этой реформы всего лишь оттенил таким образом перемены, ради эффективного нашего с вами дуумвирата. Вы же сейчас забираете себе всю власть и только.

– Это будет решать референдум, – заметил Лапин.

– Я курсовую писал о референдумах, Сергей Николаевич, – уверенно сказал Божесов. – Между прочим, единственная курсовая на пять! Поэтому прекрасно знаю, как дипломированный юрист, что согласно действующей Конституции, мнение народе не важно.

– Но я, как политолог, вам отвечу, что спросить их всё же требуется, – скривился в улыбке Лапин.

– Тогда хоть Бога из преамбулы уберите, – решил шуткой завершить препирательства Божесов.

– Вы что–то конкретное поменять хотите? – понял Лапин суть претензий Божесова.

– Да. Предлагаю создать хоть какую–нибудь видимость, Сергей Николаевич. Давайте пойдём от противного. Поправки 2020 года смехотворны, так может быть уберём откровенный бред? На этом сможем и компанию построить и популярность некую снискать...

– А именно? – не скрывая любопытства спросил Лапин.

– Как минимум вернуть нашу главную скрепу, наш священный «подряд», – источал сарказм Михаил Александрович.

– Вы же знаете, что мне подряд совершенно не нужен, – улыбнулся коварно Сергей Николаевич.

– Прекрасно понимаю, но предлагаю вам игру, а про «подряд» говорю так, красного словца ради... Я предлагаю нам вместе идти на выборы.

Повисла пауза, министры испуганно стали смотреть по

сторонам, будто их при этом не было.

– Это интересное предложение, – промычал Лапин. – Мы его обязательно обсудим тет-а-тет... Ещё какие-нибудь более относящиеся к Конституции замечания?

– Да, пожалуй, нам следует пересмотреть 75 статью, – в этот раз министры оживились и в единодушном порыве вздохами и покашливаниями выразили недовольство. Особенно отличился министр финансов, сказавший: «Такое не трогают!»

– Вы видите, Михаил Александрович, – развёл руками Президент. – Есть вещи, не подвластные ни нам, ни народу... Увы, господа, на этом мы должны завершить. Благодарю всех.

Министры в приподнятом настроении покидали зал. Божесов быстренько пожал всем руки, сказал кому надо парочку суровых фраз, испепелил взглядом министра финансов, кивнул Президенту и направился к выходу.

– Вы в рассадник демократии? – коварно спросил Божесов вице-премьера.

– Да, – невозмутимо стойко ответил вице-премьер, понимая, что речь идёт о благотворительном вечере «True liberals».

– Я к ним заскочу, наверное. Без меня не компрометируй-

те их, – и, хлопнув по плечу вице–премьера, выбежал из Сенатского дворца к ожидавшему кортежу из четырёх автомобилей.

Президент Лапин у себя в кабинете подошёл к аппарату спецсвязи.

– Красенко, – волевым голосом произнёс он.

– Слушаю, господин Президент? – отозвалось через двенадцать секунд.

– Давай топить его, – был тихий ответ.

Глава IV

– Что–то есть важное? – спросила у Божесова его пресс–секретарь Мари.

– Болтовня пустая... Как говорится, на его месте должен был быть я! А сейчас сидим, деньги переливаем...

– И когда мы будем действовать?

Божесов проницательно посмотрел на Мари и задумчиво произнёс:

– Знаешь... Я начал. Он думает, что я буду баллотироваться, и несомненно начнёт играть против меня, дурак!

Мари ждала пояснения последнего слова.

– У него было одиннадцать лет, и он ни разу не сделал ничего, что могло меня опорочить! – развил свою мысль Божесов. – Наоборот, реформа образования, борьба с эпидемией, активная позиция во внешней политике. И главное полный контроль созданной мною военизированной службы в минобране!

– Это глупо, – произнесла сдержанно Мари.

– Вот именно, если не моя внешняя сдержанность, то было бы двоевластие.

– Что–нибудь скажем Орловой? – спросила Мари.

– Да, дай–ка телефон... А пока едем к либералам.

– Надумал?

– Ну, лишь через пару месяцев будут в лагерях пахать, а

пока, пусть веселятся!

Мари грустно посмотрела на Божесова, напротив прибывающего в самом весёлом расположении духа и набравшего Орлову:

– Лиз? Я сказал ему, – таинственно произнёс он, не скрывая улыбки. – Начинаем и делаем всё до поправок. Отслеживай всю информационную повесткой обо мне, кажется, до него дошла моя опасность.

– О, Михаил Александрович! Вы всё–таки посетили нашу оппозиционную клоаку? – встречала Любовь Аркадьевна премьера, заглушая своим голосом сильно бьющую музыку.

– Как же я могу вас оставить без внимания, – отмахнулся галантно Божесов. – Вы же оракулы оппозиционной молодёжи, как тут пройти мимо?

– Издёвка чувствуется, Михаил Александрович, – прищурилась Любовь Аркадьевна. – Мы же знаем, что вам на электротат больше всех наплевать.

– Абсолютно, терпеть не могу избираемые должности. Лицемерие и ответственность минимальная. Одно дело отвечать перед толпой, играя на противоречиях и добиваясь большинства, другое – качественно работать перед одним человеком. Это труднее, а потому мерзавцев–бюрократов я знаю меньше, чем мерзавцев–депутатов. Впрочем, для вас

они все на одно лицо?

– Вы к нам несправедливы, мы ценим право граждан голосовать и считаем, что прямых выборов в России должно быть больше, хоть вы и считаете иначе... Хотя с народом общаться любите, – направила Любовь Аркадьевна премьера в другой коридор, а не в общий шумный зал. – Охраны мало, возможность написать сообщение в соцсетях есть...

– Постоянно пишут, кстати. Много интересного, кто-то здоровья желает, кто-то проклинает, а кто-то и по делу что-нибудь сообщает... Читаю в дороге обычно, мемчики шлют бывает, а это, понимаете ли, очень важно.

– Жалеют, что вы не стали президентом? – спросила Любовь Аркадьевна, выводя Божесова на балкон зала к самым важным гостям.

– Ой, зря смеётесь, если бы я выиграл в 2024, тогда вы бы со мной в команде работали, – игриво ответил Божесов, ловко подхватывая бокал, проносимый официантом.

– Да? – повела бровями Любовь Аркадьевна, разыгрывая удивление. – И почему же?

– Вы же знаете, я беспартийный, – хитро прищурился Божесов. – И, если бы я пришёл к власти, единственными, на кого мог бы опираться, стала бы военизированная служба, которая подчинялась мне, пока я был министром юстиции. А тут бы чистки начались, я бы не смог договориться ни с большинством правящей партии, которую, по сути, обманул, играя на выборах против их начальника, ни с парламентской

оппозицией, которая однозначно подчинялась предыдущему составу Кремля. Только сила, репрессии и люстрация помогли бы мне снискать поддержку у ваших сторонников...

– Врёте вы опять, – обычной интонацией разоблачителя коррупционеров произнесла Любовь Аркадьевна. – Из каждого угла твердите, что у нас нет поддержки среди населения, а сейчас...

– Это на выборах, – прервал спокойно Божесов. – На выборах вас и правда никто не поддержит на необходимом уровне... Но отрицать то, что активная часть населения, интересующаяся политикой, стоит за вами, было бы глупо... Я вам просто политтехнологию объясняю – мне, как «не своему» пришлось бы опираться, во-первых, на верные себе силы, а, во-вторых, на активную часть населения. Оппозиционно настроенная молодёжь всегда на вашей стороне, вот и всё. Просто ваш флаг подхватил бы.

– Беспринципный вы человек, Михаил Александрович, – погрозила пальцем Любовь Аркадьевна. – Хотя, справедливости ради, у властных партий был бы противовес в лице молодёжных организаций...

– «Гвардии»–то? – чуть не подавился шампанским Михаил Александрович. – Я на этот русланд–югент смотреть не могу!

– Неожиданно, я думала, вы поддерживаете молодёжную активность в плане политики, чего только ваши школьные парламенты стояли...

– Это системная реформа образования, – проговорил Божесов. – Часть предвыборных обещаний... Но отвечу вам откровенно, нынешние школьные парламенты идеальны по сравнению со всякими «гвардиями», «армиями», и тем более, Господи прости, добровольцами и волонтерами в политике. Одно дело за животными ухаживать, другое дело человек–свиней двигать во власть...

Любовь Аркадьевна не ожидала такой ненависти к добровольчеству и организациям молодёжной политики от премьера, который часто разносил её политическое движение оппозиционного толка в публичном пространстве. Сейчас же он с величайшим пренебрежением высказывался о том, что должен был бы любить, но делал это с улыбкой, очаровательными движениями рук и юмором.

– Кто бы не пришёл к власти, – продолжал Божесов. – Коммунисты, монархисты, либералы, фашисты, капиталисты, не важно. Школьники, участвующие в школьных парламентах, никак бы не пострадали, потому что Школьный парламент это орган власти, решающий локальные проблемы образования в регионе и городе. Школьники не входят в партии и не исповедуют какие–то взгляды, они просто реально делают процесс обучения лучше – вызывают директоров для вопросов, согласовывают статьи бюджета, направленные на воспитательную деятельность... Словом, совершенно аполитичны, а потому могут спокойно переживать смену правящих элит...

– Ну, в этом вы правы, я понимаю. Когда, допустим, мы придём к власти, то Школьные парламенты трогать не будем, потому что навыки там даются очень нужные... Но не совсем ясно ваше отношение к партийным организациям молодёжи, почему вы их так не любите?

– Ну, во-первых, сейчас их состав сократился, – схватил какую-то закуску с подноса Божесов. – В сторонниках партий остались действительно убеждённые молодые люди. Во-вторых, карьеристы, желающие урвать кусок успеха от участия в жизни правящей региональной (молчу уж про федеральную) партии, исчезли тоже. В-третьих... В-третьих, я же вам говорю о 2024 годе, когда, откровенно говоря, судьба страны была многим не понятна. Никто власть не любил, но кто-то её и вовсе ненавидел, кто-то против неё протестовал, кто-то считал, что вся эта политика глупость, кто-то думал также, но наоборот лицемерно примазывался к власти, думая, что совершает инвестиции в своё будущее...

– И между прочем не прогадали, – опять захохотала Любовь Аркадьевна.

– Ну, тогда не прогадали, – согласился Божесов. – Но вот если бы я победил, тогда однозначно у всех, кто работал добровольцами или стажёрами в партии-власти, не было бы никакого будущего.

– Да вы диктатор похлеще Путина! – воскликнула Любовь Аркадьевна, заметив, как поморщился Божесов от имени.

– Вы поступили бы также, только ваши сторонники лют-

рировали всех, кто имел отношение к правящим кругам, даже муниципального уровня...

– Почему вам так добровольцы не нравятся? – ускользнула от этой щекотливой для оппозиционера, любящего протестовать, но никогда не занимающегося практической политикой, темы Любовь Аркадьевна.

– Понимаете, *власть должна ухаживать за стариками, животными, беречь природу, а с этими волонтерскими движениями получается, что «выполняйте, дурни, нашу работу даром, а за неё медальки получайте», глупо...* Любой труд для власти должен оплачиваться...

Хотя Я в большей степени критикую молодёжь, которая до 2024 года состояла в каких-то политдвижениях, «подрабатывала», допустим, на выборах – письма писала, на письма отвечала, подписи собирала, подарки разносила, людей забалтывала, призывала голосовать и всячески поддерживала кандидатов в местные или региональные депутаты. Это ужасно как минимум по тому, что в большинстве случаев старшеклассники и студенты не верили в своих «работодателей», делали это для галочки в своей книжке, для каких-то баллов и прочей ахинеи... Откровенно говоря, занимались политической проституцией, – Божесов прищурился с омерзением. – Вы прекрасно понимаете, что в политике делать нечего, если вы не верите в неё... Но даже если эта молодёжь верила в своё дело, то они ни черта в жизни не разбираются!

– Михаил Александрович, – прервала Любовь Аркадьевна.

на. – Вы как–то очень категорично выражаетесь! Не думала, что буду спорить о том, что молодёжь, занимающаяся политической агитацией за партию–власти, это не политическая проституция, но вы меня вынуждаете! Слишком категорично вы говорите, будто всем нужно платить за помощь в политической агитации, но что делать кандидатам, не имеющим отношения к партии–власти и не способным платить сторонникам?

– Ну, Любовь, – ласково мурлыкал Божесов. – Я премьер–министр, дайте мне расслабиться в этой приятной обстановке от напряжённых рабочих моментов. Позвольте быть категоричным, потому что с безапелляционным утверждением не согласиться гораздо проще, чем с размазанной формулой, имеющей доказательства и предусматривающей несколько точек зрения.

– Вы и философ к тому же!

– Ага, ещё и крестиком вышиваю... В категоричном высказывании я делаю лишь одно утверждение, с которым вы можете легко не согласиться, а если я начну его доказывать, то, чтобы опровергнуть меня, вам придётся отвечать на каждый аргумент, – улыбнулся Божесов. – «Земля плоская» – один научный факт и вы докажите мне обратное! «Земля плоская, потому что реки текут в разных направлениях, самолёты не корректируют высоту при дальнем перелёте, расчёты ведутся с учётом плоскости Земли и прочее» – тут вам уже необходимо опровергнуть каждый аргумент... Надеюсь,

вы понимаете, что категоричность не так плоха?

– Забавно, – тупо прошептала Любовь Аркадьевна. – Хотя, наверное, доказывает обратное... Что же вы говорили о политической проституции?

– Ох, Любовь. На простого народного кандидата можно поработать и бесплатно, но жирный боров с мандатом двадцатипятилетней давности пусть платит (хотя на таких и работать не надо). Ну, представим – вы одиннадцатиклассник и помогаете правящей, как вы говорите «партии жуликов и воров», а по-нашему партии «Единение», на региональных выборах. Допустим, обзваниваете наивных пенсионеров, убеждаете их прийти на выборы или, ещё глупее, сидите в избирательном штабе местного губернатора, который, – Божесов театрально перешёл шёпот. – Ещё не заявил о своём участии в выборах и от вас требуют держать эту информацию в тайне, потому что, по их представлению, народ тупой и не понимает, что губер за три месяца до выборов дешёвую интригу создаёт вокруг своего выдвижения...

– Вы похлеще меня оппозиционер, – усмехнулась Любовь Аркадьевна, раскрывая Божесова с совершенно неожиданной человеческой стороны.

– ...Короче, вы работаете на власть. Не верите в неё абсолютно, потому как человек мыслящий, – (тут ощущалась издёвка), – Но делаете это ради абстрактных бонусов для дальнейшего трудоустройства или поступления в вуз. Это ли не проституция? Ведь вы не горите своей политической ак-

тивностью, вам достаточно быть в теме! И вы не понимаете, что со временем эта нелюбимая народом власть сменится и вас заклеят, как пособника. До 2024 действительно некоторые были на пределе и могли запросто перерезать провода квартиры, в которой живёт человек, состоящий в партии «Единство», не отличающейся лоском кадров. Так что мне лично не понятна мотивация, загоняющая нормальных и адекватных школьников и студентов в эту политическую помойку... Поэтому я говорю, что Школьные парламенты удобнее и риск для будущего от них меньше, – заключил Божесов улыбаясь.

– Но... – начала Любовь Аркадьевна.

– Может быть, уже хватит? Я демагогией привык заниматься на работе, а тут вы на откровенности зовёте.

– Конечно, конечно... Уже уходить собираетесь?

– В целом можно, – пожал плечами Божесов. – Отметился на оппозиционном вечере, поболтал с лидером либерального несистемного движения... Думаю, теперь можно ехать спать. Пиар вполне приятный!

– Удивляюсь вам, Михаил Александрович. Бывший прокурор, случайный губернатор и министр юстиции, фиктивный кандидат в президенты! А чутьё у вас... Будто смолоду в политической организации! – засмеялась Любовь Аркадьевна.

– Плохая шутка. Вы танцуете *Shuffle*? – проговорил Божесов и тут же нагло вывел Любовь Аркадьевну на открытую

площадку, приковав внимание всех собравшихся. – Повеселим публику?

Под электронную музыку Божесов делал чёткие, заранее отрепетированные движения, перебирая ногами с огромной скоростью и красотой, хотя весь этот эпатажный андеграунд походил чем-то на еврейские танцы. Плавности движений не хватало Любви Аркадьевне – в какой-то момент она, совершенно не ожидавшая такого шуточного приглашения, чуть заметно пошатнулась и не упала только благодаря Михаилу Александровичу, вовремя подхватившему её и тем самым завершившему танец.

– Вы ведь не зря сидели одиннадцать лет в кресле премьер-министра? – спросила сильно запыхавшаяся Любовь Аркадьевна, пока ещё не закончились аплодисменты. – Столько наблюдаете за политикой, при этом столько несистемных убеждений...

– Не понимаю, к чему вы клоните, – как ни в чём не бывало произнёс Божесов, раскланиваясь. – Я домой, завтра день важный. Первые обсуждения генпрокурора.

– Один же после вас занял место в Лимске, пока вы губернатором там трудились? Вы его продвигать будете... Не коррупция, с которой вы боретесь? – спросила уже хищными интонациями Любовь Аркадьевна.

– Нет ничего проще борьбы с коррупцией, дорогая. Создал министерство со страшным названием, поставил ошалелого человека во главе и дал триста человек спецназа.

Всё. Начнут бояться! Правда, скоро министр в Москве будет редко, предпочитая больше Европу, но так, увы, устроена жизнь.

Он ушёл, весело помахав рукой другим приглашённым чиновникам.

– Хитрец, – подошёл к Любове Аркадьевне её пресс–секретарь.

– Не то слово, – процедила она в ответ обыкновенным голосом. – Совершенный нестандарт, страшно представить, как он оказался в своём кресле...

– Я про ваш танец! Представляете заголовки: «Премьер спас от падения несистемную оппозицию».

– Пиарщик... – прошипела Любовь Аркадьевна.

Глава V

Артемий Клёнов сидел на веранде ресторана своего отеля, вяло пережёвывая какое-то случайно заказанное обеденное блюдо из морепродуктов. Солнце агрессивно горело, нагревая асфальт, камни пляжа и стегая людей, покорно и не без удовольствия подставляющих ему свои спины.

Клёнов сидел в тени веранды, на автомате рассматривая окружающих, и напряжённо о чём-то думал... Прошло десять минут, и в лучах солнца на веранду зашёл епископ Евгений в синем подряснике, солнечных очках с синими стёклами и синих же мокасынах. Близоруко оглядевшись, он уверенно направился к столику Артемия.

– Обедаеть? – принимая вольготную позу, сказал он.

– После такой ночи это ещё завтрак, – неотёсанно усмехнулся Клёнов.

– Выспался?

– Просто восхитительно! Никогда так хорошо не спал!

– Это всё чарующая красота моего голоса, – снял очки епископ с наигранной гордостью.

– Да конечно! – усмехнулся Клёнов. – А игра какая! Где же ты в школе себя просаживал.

– Педагог апатию привил, – серьёзно проговорил Евгений, немного смутив Клёнова и делая официанту какой-то знак.

Артемий недолго помолчал, вновь раздумывая о том, что

надо было сказать...

– Послушай, – начал он размеренно. – Спасибо, что вырвал меня из страны.

– Без проблем, это не такая трудная для меня задача, хоть ты и сотрудник спецслужб, – серьёзно отвечал епископ.

– Но, – продолжал Клёнов. – Меня уже вызывают в Москву, потому что возникают новые подробности одного дела...

Официант принёс епископу бутылочку Шабли и сыры. Это вторжение в попытку взвешенного разговора отшибло у Артемия готовность откровенничать.

– Ну? – отряхнул его Евгений, играя с вином в бокале.

– Да ладно... Давай не здесь об этом.

– Как скажешь, – отвечал епископ. – Тогда о встрече выпускников. Я прекрасно помню твоё предложение встретиться всем в 30 лет «в каком-нибудь незабываемом месте», – передразнил интонации Клёнова епископ.

– Ага.

– И наверняка ты предлагаешь мою виллу в качестве локации?

– Ага, – кивнул самодовольно Клёнов.

– В такие моменты, – поднося бокал к губам, говорил Евгений. – Жалеешь, что учился в приличной школе... Учились бы в обыкновенной, тогда половина одноклассников была невыездными по судимостям или кредитам...

– Очень смешно, – оборвал эти рассуждения Клёнов. – Ты согласен провести встречу у себя на даче?

– Друг мой, – протянул епископ это обращение. – Дача – это Кузьминки, а у меня вилла, на которой Мане между прочем жил!

– Так он же у Селини жил? – удивился Артемий.

– Там Клод Моне, а на моей вилле Эдуард Мане. «Музыка в Тюильри», «Олимпия», «Гитарреро»? Нет? Ничему МХК не научило...

– Никогда в этом не сомневался, – пресёк Артемий стёб Евгения. – Так ты согласен или нет?

– Если это не потребует дополнительных затрат, – уклончиво ответил епископ.

– Как будто тебе так трудно! – возмутился Артемий.

– Тёма, тебе в твоём возрасте и должности пора уже знать, что я зарабатываю очень мало, имея личных финансов в разы меньше, чем ты на госслужбе. Всё моё благополучие – это корпоративные традиции.

– Машины, костюмы, украшения... – перечислял ехидно Артемий.

– Пожертвования, – сказал епископ. – Автомобили и дома мне не принадлежат. Это банкира Нарьевича, мы с ним виделись у Селини. Он, кстати, учредитель «AnnaBank», который косвенно контролирует 17% финансового рынка России и входит в топ–десять инвесторов госкорпораций.

– Тю–тю–тю, какие мы важные! И говоришь после этого, что денег нет? – улыбался Артемий.

– Тём, моё богатство не в пластиковых карточках, а в ви-

зитных, – произнёс с важностью и глубокомыслием Евгений, давая понять, что разговор в таком ключе необходимо завершить.

Он посмотрел на лазурное море счастливым взглядом ослабленного человека.

– Но я, конечно, согласен, – добавил он. – Даже перелёт бесплатный организуем за счёт моего фонда.

– Хоть о чём-то договорились, – промычал Артемий.

– А вторая вещь?

Артемий типично для себя повздыхал несколько минут, Евгений, молча ожидая, потягивал вино.

– Я пойду, наверное... Вещи собирать... – решил на какой-то шаг Клёнов, уверенно добавив: – Заплати.

И пошёл в отель. Епископ Евгений отодвинул бокал и сложил очки параллельно краю стола. Он посмотрел в море, глубоко вдохнул воздух, перевёл взгляд в небо и, положив кусочек сыра в рот, незаметно для посетителей перекрестился...

В номере Артемия уже царил беспорядок. Немногочисленные вещи были разбросаны по всему обозримому пространству, а два маленьких дорожных чемодана всё ещё оставались пустыми. Клёнов копошился в каждом углу, больше заботясь о халатах отеля, чем о своих собственных вещах...

– Жаль, что ко мне не заедешь, – проговорил Евгений.

– Ой, Саш, не до твоих дач и замков с видом на море, – ответил Артемий, продолжая складывать халат, повернувшись спиной к епископу.

В течение шести минут Клёнову не нравились формы, которые халат принимал в его руках. Наконец он получил что-то приемлемое и развернулся. Евгений спокойно складывал его костюм во второй чемодан (первый он уже успел запаковать). Артемий решил не удивляться, поэтому просто сел на стул, готовясь о чём-то сообщить. Епископ был готов его внимательно выслушать.

– Короче, Саш... – начал Клёнов неуверенно. – Мне хоть и нельзя, но, наверное, я должен рассказать тебе...

Евгений спокойно кивнул.

– Это касается Инги, – сказал Артемий твёрдо. Евгений недовольно сморщился.

– Болезненная тема, господин капитан, – проговорил он.

– Да, понимаю... Но ей угрожает большая опасность.

– Связанная с твоей деятельностью? – удивился Евгений, всё ещё не обрадованный этим разговором.

– Да, – уверенно сказал Артемий, закрывая окно на Променад, чтобы стало тихо. – Как знаешь, Лапин исправляет Конституцию для выборов в следующем году... Месяц назад по наводке ГРУ у меня была операция под кураторством начальника Собственной безопасности... Ничего не обычного, просто три фуры ехали из Белоруссии. Ну, может быть

наркотики, так мы думали. Перехватили в общем, постреляли, водилы ни в какую, в полном **** от происходящего, – епископ недовольно причмокнул от подобных эмоций Клёнова. – Открыли фуры, всё чинно, ящички с яблочками стоят в три ряда, вроде всё нормально? Но в одной фуре 10 тонн газа ядовитого, в другой семь с половиной тысяч единиц огнестрельного оружия разного. В третьей патроны.

Епископ сидел по–прежнему, не показывая никаких эмоций.

– И? Как это касается Инга, и тем более меня? – нетерпеливо спросил он.

– Да сейчас, сейчас! – усмехнулся Артемий. – Через несколько дней меня и куратора расследования вызвал директор Красенко. Сказал, что Екатерина Алексеевна отстраняется от этого дела, типо не в её юрисдикции... Потом остался я. Красенко сообщил, что к делу нужно подойти с другой стороны, и в этот момент в кабинет зашёл капитан Мирович, который занимался расследованием левого финансирования движения «True liberals».

– Та–а–к, уже лучше – протянул Евгений, начиная понимать, к чему клонит Клёнов.

– И теперь наши с ним дела идут в связке, а Красенко настаивает на том, что груз был заказан либералами для провокаций перед поправками в Конституции, – заключил Артемий.

Епископ молчал со стеклянным взглядом. В его голове

происходил анализ сказанного.

– Я так понимаю, Инга в движении занимается чем–то важным? – спросил он.

– Настолько важным, что *она* попадает в число тех, кто будет отвечать за фуры, – отвечал Артемий, спешно добавляя, – Если, конечно, будет доказанна причастность движения.

– Да, – сдержанно произнёс Евгений, сжимая губы. – По твоим словам, всё уже и так ясно. «True liberals» хотят устроить миниреволюцию, а Правительство предотвратит всё это и уберёт главную оппозиционную силу на момент голосования по Конституции. Изощёрённо. В этом задействован Божесов, – говорил внешне спокойный епископ, но в ускоренном темпе произношения этих слов чувствовалась беспокойство, понятное Артемию.

– Саш... – добавил тихонько Артемий. – Не случайно нас объединили с Мировичем... «True libarals» финансировалось из Правительства, и поэтому Красенко *убедительно дал нам понять*, что мы должны установить хоть какую–нибудь связь именно Божесова с этими фурами...

Епископ сощурил глаза и отстранённо промычал:

– Это, конечно, ужасно... Безвыходная ситуация, если всё так серьёзно... Спасибо, что сказал об Инге. Нужно что–нибудь придумать...

– Ну, я даже не знаю. Это практически нереально.

– От тебя мне помощь и не нужна. Ты себя компрометиру-

ешь в таком случае, а ты должен заниматься этим следствием, – быстро проговаривал епископ, закрывая эту тему. – Я тебя в аэропорт сейчас завезу.

– Хорошо.

В холле отеля, епископ Евгений, с блеском интриги в глазах, спросил о том, где сейчас госпожа Орлова. Ему ответили, что она только что уехала в Монако в Музей океанографии.

– Мерсі, – кивнул Евгений и пришёл на парковку, где в его кабриолете на водительском месте сидел Клёнов.

– Только вздумай скорость превысить, Красенко покажется очень милым человеком, – сказал Евгений с мягкой улыбкой, позволяя Клёнову довезти себя до аэропорта.

Глава VI

Сразу после проводов Артемия, епископ на всех парах помчался в Монако, не обращая никакого внимания на жаркие лучи солнца и блестящее море. Его голова была забита только словами Клёнова, и он думал, как повлиять на эту ситуацию. Незаметно для себя он оказался у величественного здания Океанографического музея, вокруг которого, как всегда, стояло множество посетителей. Не зная, как именно отыскать Орлову, он уже раздумал встретиться с ней здесь и решил просто прогуляться в садах Святого Мартина, а Орлову найти уже в Ницце. Но она сама увидела его примечательную фигуру в подряснике и окликнула, выходя из музея.

– Как будто вы меня ищете, – подошла она к епископу.

– Если честно, то да, – улыбнулся ей Евгений, быстро окинувшей её голубой комбинезон из лёгкой ткани. – Вы прекрасно выглядите. Это Kiton?

– Kiton, – подтвердила Орлова. – Вчера вы тоже были в нём, но сегодня в «рабочей одежде».

– Вчерашний вечер исключение. Я не люблю «брендовый шмот», предпочитаю больше шить на заказ в скромных ателье или поддерживать местных производителей.

– Вы живёте во Франции, где местные производители часто лучше брендовых, – справедливо заметила Елизавета Николаевна.

– Я не виноват, это безвыходная ситуация, – засмеялся на этот ироничный упрёк епископ. – В России я люблю отечественную одежду.

– Прямо как Божесов, – ответила Орлова. – Премьер хоть и похож на франта, но бренды не переносит и ненавидит. Всё на заказ в московских ателье.

– Я хотел вас пригласить вечером на другую вечеринку. У меня на вилле. Там будут политики ЕС, поэтом, возможно, будет чуть интереснее и перспективнее...

– Я могу, – согласилась Орлова не раздумывая. – Только мне ещё предстоит одна встреча в Казино. Поэтому лучше вам заехать за мной вечером.

– Хорошо. А сейчас можно составить вам компанию? – предложил Евгений.

– Разумеется, я хотела посетить Собор Святого Николая, думаю, вы лучшая компания для этого дела.

Епископ довольно улыбнулся, и они лёгким прогулочным шагом направились к Собору по садам Святого Мартина.

– Я люблю Ривьеру, – говорила Орлова. – Но можете себе представить, я госслужащий с двадцати двух лет и до сих пор у меня нет виллы и яхты!

– Это довольно похвально, Елизавета Николаевна.

– Мне все так говорят, – отмахнулась Орлова. – Особенно те, у кого виллы и яхты находятся не только во Франции и Италии.

– И от чего такая аскеза? – спросил епископ.

– Я не материалист, а трудоголик. Удовольствие и смысл нахожу в своём деле, а не в квартирах, виллах, самолётах и других ценных вещах... Но выглядеть мне всё равно нужно презентабельно, – добавила она спешно, заметив, что епископ смотрит на её крупные сапфировые серьги. – Я всё-таки, как вы сказали, создаю информационную реальность, поэтому должна одеваться презентабельно.

Они зашли в прохладный и совершенно пустой Собор.

– В католических храмах есть своя очаровательность, – произнесла Орлова, садясь на скамью.

– Безусловно, – согласился епископ.

– Сидя в такой тишине приходится задумываться об истинах жизни и её смысле, – прошептала Орлова, смотря слегка вверх на развешанные в центральном нефе государственные флаги Княжества.

– И что вы думаете об этом?

– Мой смысл прост – служить своей стране и делать жизнь моих сограждан лучше. А истины... Разве не для всех они одинаковы?

– У каждого своя истина, Елизавета Николаевна. Кто-то считает себя центром Вселенной и строит истину на этом основании, кто-то, наоборот, безумно принижает себя, кто-то на подобии Раскольникова строит теории...

– Но все они не правы, – завершила за епископа его рассуждения Орлова. – Это довольно простая мысль для человека вашего уровня.

– Что ж поделать... Евангелие от Иоанна «И познаёте истину, и истина сделает вас свободными». Но всеми бесспорно принимается только одна истина, Елизавета Николаевна...

– Какая же?

– Человек смертен, – улыбнулся епископ.

Орлова решила развить эту популярную мысль:

– Если человек смертен, тогда вся его жизнь бессмысленна, тогда чем бы он не занимался, куда бы не вкладывал свои интеллектуальные способности, всё завершится и исчезнет. Значит, и смысла нет?

– Почему же? Исходя из положения, что каждый смертен, можно вывести как минимум два смысла. Первый – прожить жизнь в удовольствие, познавая красоту мира, лентяйничая и, что называется, кайфуя. Вместо погони за социальной успешностью, материальным благополучием. Второй интереснее – можно достичь бессмертия.

– Даже знаю, что вы скажете о бессмертии, – усмехнулась Елизавета Николаевна.

– Возможно, – лукаво улыбнулся епископ. – Но по мнению учёных–атеистов бессмертия в религиозном смысле не существует.

– Это по мнению учёных, к коим я себя не отношу. Вопрос существования Рая и Ада очень дискуссионный, но жизнь после смерти – это вопрос сознания. Заметьте – не души, о её наличии тоже можно спорить, в то время как существова-

ние сознания очевидно... Хочется верить, что наше сознание будет жить и после смерти тела.

– Вы слишком депрессивны для чиновника, – решил смягчить беседу Евгений. – Я ж говорю о бессмертии историческом. Чтобы люди, носители как раз сознания, помнили о твоём существовании, даже после смерти тела... Но увы, таких бессмертных мало...

– Ну, как же! – смутилась Орлова. – Писатели, художники, архитекторы, композиторы, военачальники, политики. Многие из них бессмертны в вашем понимании.

– Неа, – мигнул одним глазом епископ задорно. – Давайте выйдем с вами на площадь и спросим прохожих, знают ли они даже не о творчестве и историческом вкладе, а хотя бы о существовании Гессе, Кафки, даже Достоевского. Знают ли о Ренуаре и Вучетиче. О Масканьи и Рубинштейне. О Жукове или Саладине... Сомневаюсь.

– Но это показатель не смертности названных личностей, а необразованности людей, – заметила справедливо Орлова.

– При этом, Елизавета Николаевна, – продолжил епископ. – И политики также смертны. Фараоны были божествами в умах людей, обладая абсолютной властью и творя действительно великие дела. Но попробуйте назвать хоть какого-нибудь фараона сейчас с пониманием его вклада в истории? Вряд ли получится.

– Допустим, но это необразованность! Очень печально, что в наше время люди перестали заниматься изучением до-

стижений предыдущих поколений, не знают искусства, не понимают музыку, а лишь зациклены на себе, своём успехе, карьере и в редких случаях на своём внутреннем мире, но ценен ли этот мир, если полностью игнорировать и считать ненужным познание философии и истории, живописи и литературы? Если думать исключительно о практическом и рациональном, считая, что мысль о «Человеке» не так важна на данном этапе? – произнесла горячо Орлова.

– Это вновь вопрос смертности и конечности нашей жизни, Елизавета Николаевна. Просто сегодня все думают в большей степени о материальном и бытовом благополучии... А образование перестаёт быть путём к истине, превращаясь в простую формальность получения диплома. Но когда человек попадает в аварию, то думает он не о том, что завтра в квартиру придут сантехники и не о том, что презентацию нового проекта проведёт кто-то другой. Он думает о том, что жизнь обрывается, а полноценно-то он и не жил. И, наверное, для меня гораздо интересней старушка-смотрительница музея, чем PR-специалист газовой компании... Конечно, вовсе не обязательно знать, что Гайдн написал более сотни симфоний, но однозначно те, кто изучает жизни, кто читает, кто наблюдает, анализирует и рассуждает о людях, об искусстве и о самой бытие, такие люди прекрасны... Но по факту, ничто не вечно, и одинаково смертен и философ Аристотель, и амбициозный-технократ Илон Маск.

– Так и кто же тогда бессмертен?

– Я могу назвать вам три имени, – как ни в чём не бывало бойко ответил епископ. – Но перед этим спрошу вас, как политика страны, которая одержала победу в самой страшной мировой войне. Кого помнят яснее Сталина, Рузвельта, Черчилля или Гитлера?

Орлова сжала губы и на несколько мгновений задумалась. Ответ был очевидным. Чьё имя стало нарицательным для злодейств и мерилом любого зла, о ком мы вспоминаем, когда желаем охарактеризовать кого–нибудь с ужасной стороны?

– Гитлера, – ответила наконец Орлова. – На данный момент этот человек безоговорочно вписал себя в историю.

– Верно... Пройдёт ещё несколько лет, а по Красной площади пройдёт парад к столетию Победы и, наверное, память о ней начнёт молниеносно затухать, парады будут только по юбилеям, а вскоре и вовсе сойдут на нет. Забудут Сталина, Жукова, Конева, Тимошенко, Рокоссовского, Ворошилова и Василевского. Но о Гитлере будут помнить, потому что это квинтэссенция ненависти... Иногда даже говорят «внутренний Гитлер», ведь он не столько человек, сколько бренд зла, который мы используем в повседневной жизни.

– Всё же, кто эти, три бессмертных человека? – спросила Орлова, пропустив мимо ушей слова о фюрере.

– Будда, Христос и Мухамед, – спокойно ответил епископ. – Только эти три реально существующие личности бессмертны, даже если предположить, что религия – это ложь,

то эти три человека всё равно известны абсолютно каждому. Как думаете, почему?

– Потому что они создатели идей, затрагивающих вопросы, интересующие человеческое сознание. А идеи такого уровня вписывают людей в историю и в сердца потомков. Кстати, всё–таки есть политик, который обрёл себя на бессмертие...

– Ленин? Не смешите...

– Нет, нет, – со смехом прервала Орлова. – Мао Цзэдун.

Евгений посмотрел в её горящие глаза. В этот момент в Собор зашла группа туристов с азиатской внешностью.

– Боюсь, что вы правы! – засмеялся в ответ епископ.

В назначенный час епископ Евгений ожидал Елизавету Николаевну у дверей отеля, дружелюбно улыбаясь и кивая многочисленным прохожим. Легко было узнать в нём церковника – в кабриолете он сидел облачённый в угольно чёрный подрясник с вышитыми узорами, плотно охватывающий его туловище и свободный (хоть прохожим этого было не видно) в ногах; шляпа цвета кофейного молока защищала Евгения от знойного солнца. Поигрывая маленьким серым термосом, вечно сопровождавшим его в машине, Евгений увидел Орлову, выходящую из отеля в сопровождении одного из своих охранников. Епископ не захотел помогать Ели-

завете Николаевне садиться в автомобиль и играть для неё роль галантного джентльмена – цели общения с Орловой в его голове уже окончательно оформились после слов Клёнова и разговора в Монако.

Орлова молча села в кабриолет, совершенно не задетая равнодушием Евгения и даже, как казалась, обрадованная им. Она властным движением руки, ни сделав ни одного лишнего действия хоть какой–нибудь частью тела, дала понять телохранителю, что он свободен.

– Снова здравствуйте, Елизавета Николаевна, – отъезжая от отеля, поздоровался епископ. Орлова, повернув голову, ответила ему уставшим голосом.

Возможно подобное вялое поведение было вызвано тем, что цвет их шляп от солнца был похож. Но, с другой стороны, иная их одежда сильно отличалась – Елизавета Николаевна была одета в чёрное платье с открытой спиной, а вокруг неё разносился тонкий аромат местного парфюма, купленного на недавнем шоппинге. Не решая заниматься анализом причин усталости Орловой, епископ решил на простой способ всё узнать:

– Вы кажетесь уставшей, – сказал он. – В Казино не повезло?

Орлова сняла солнечные очки и чопорно посмотрела на Евгения совершенно другим взглядом нежели в Монако.

– Неудача небольшая постигла, – сказала она, выбрав путь доверительной беседы, признавая в Князеве духовное лицо.

– Ваше платье великолепно, поэтому вряд ли вы проиграли в Казино всё.

– Это приятно слышать, – немного расслабившись ответила Орлова. – Голой и правда не осталась. Но дело в работе...

– Как, у вас тоже рабочие неприятности? – посмеялся епископ.

– У вас тоже? – поинтересовалась Елизавета Николаевна.

– Коллективная проблема, требующая решения. Прошлое беспокоит в некотором смысле... Мой друг, с которым мы ездили к Селини, мало меня обрадовал.

– У молодых гэбистов часто возникают проблемы, – опытно говорила Орлова.

– Возможно... – уклончиво, понимая, что сейчас не лучшее время для обращения по своему вопросу, отвечал Евгений. – Так что у вас?

– Ох, встреча сорвалась с одним важным человеком из Европарламента... Так-то пустяки, просто протокольные формальности теперь придётся начинать... К слову, вы меня на коррупцию не толкаете подобной поездкой? – улыбнулась Елизавета Николаевна.

– Смотря, как вы это расцените, но с точки зрения закона никакой коррупционной составляющей! – отшутился Евгений. – А пока просто насладитесь вечерней красотой цветущего департамента Приморские Альпы.

Они уже выехали из города, но Евгений провёл автомобиль мимо съезда на автостраду, двигаясь по узким доро-

гам дальше, в горы. Нагретый воздух благоухал истинными ароматами Прованса – лавандой и сухим сеном. Участки со средневековыми мрачными деревьями чередовались с зарослями и отвесными склонами гор, с которых открывался головокружительный вид на мерцающую прибрежную равнину и многочисленные посёлки. Внизу Орлова увидела ровные виноградники, спускающиеся в темноту вечера. Часы частых церквушек отбивали половину восьмого...

Евгений свернул с основной дороги на более невзрачную и ещё более тёмную. Свет ближней деревни, находящейся на возвышенности, был ориентиром для Орловой. Епископ поднял крышу кабриолета, стало уютнее. Автомобиль делал петли на постоянных крутых поворотах, ведущих всё выше и выше... Заехали в деревню, в которой кипела французская вечерняя жизнь – пожилые люди, вероятно, самые многочисленные обитатели, сидели в уличных ресторанчиках на ровной площадке перед резким спуском с горы, потягивали вино под дымящиеся мясные блюда. Князев въехал в густую кипарисовую аллею, стоявшую границей между деревней и другой частью возвышенности.

– Добро пожаловать в мои владения, – осклабился Евгений, подведя кабриолет к резным воротам.

– И это вы говорили хвалили меня за отсутствие яхт и вилл, – усмехнулась Елизавета Николаевна, всматриваясь в территорию.

Во дворе поместья, у фонтана стояло 4 автомобиля од-

ной марки. Дорожки от фонтана вели к крыльцу опрятного несимметричного замка с двумя этажами по фасаду, окошечками цокольных и чердачных помещений, и с тремя встроенными башенками.

– Это молодое здание, – пояснил епископ. – Лет двадцать назад построили...

– Французский классицизм, – проговорила Орлова.

– Я вас проведу через другой вход, – предложил Евгений.

Они обошли кругом весь замок, в окнах которого горел свет. Со ступенек крыльца с заливным лаем к епископу сорвалась собачка.

– Франя, тихо! – скомандовал он очень спокойно и Кавалер–кинг–чарльз–спаниель замолк, не мешая визуальной экскурсии.

Задние пространства поместья были ещё более потрясающими – дорожки, проложенные ровными линиями и обсаженные по краям кустами лаванды, вели к маленькому пруду. По периметру плотно росли огромные деревья. Оставшийся на просторе газон тянулся до самого обрыва, с края которого открывался умопомрачительный вид на Средиземное море, зелёные склоны гор и изгибы побережья.

– Нас ждут, – лукаво шепнул Евгений на ухо замороженной Орловой.

Они вошли в дом.

Глава VII

– Миш, какие комментарии мы даём о назначении генпрокурором Сергея Смолова? – спрашивала пресс-секретарь у Божесова, входя в его рабочий кабинет.

– Ну, как думаешь? – спросил её ласково Михаил Александрович, не отрывая глаз от монитора. – Я сенаторам такие субсидии наобещал за Сергея Васильевича, что придётся сокращать лапинские расходы на здравоохранение... Конечно, самые положительные комментарии! Скажи, что лично я знаю его по Лимской области, что он профессионал и прочее... Хотя добавь, что у нас с ним были разногласия в вопросе, ну, например, эвтаназии. Но покажи, что мы с ним друзья.

– Поняла, – Мари не собиралась уходить. – Но, Миш, он знает меня, как подозреваемую по делу «Четырёх» 2018 года. Это не опасно?

– О тебе он и без поста генпрокурора знает, молчит же? Мари скептически кивнула.

– Мари, для меня очень важен свой генеральный прокурор. Смоллов тоже грешный, поэтому, если начнёт пасовать, мы его быстро закроем. А пока он мой.

– И он наверняка не знает о компромате?

– Абсолютно, – прошептал коварно Божесов.

Мари молча сидела на одном из диванов кабинета Боже-

сова. Он продолжал смотреть в монитор погружённым взглядом.

– Ты правда хочешь предложить Лапину устроить выборы с твоим участием? – задала наконец Мари давно интересующий вопрос. Михаил Александрович оторвался от компьютера и улыбнулся, не показывая зубов. Его взгляд не выражал ничего, но внутри шло обдумывание ответа.

– Это был бы прекрасный сценарий с легальным переходом власти. Ясно, что я выиграю у него. Особенно, если выборы фальсифицировать...

– Но ведь это не твой путь. Твои планы масштабны и потому требуют какой-то социальной встряски... Как ты сам говорил. Что это будет? – робко спросила Мари.

– Ну, радость моя! Прости, но никто, кроме Орловой, не знает план. Я бы и рад рассказать все тоталитарные подробности, – улыбался Божесов. – Но это тайна. Поэтому просто жди, когда мы выиграем. А пока иди в свою чудесную квартиру в Хамовниках, отдохни в китайских интерьерах и наберись сил, впереди много работы.

Мари сказала что-то в ответ и вышла из кабинета, простившись с Михаилом Александровичем. Он посидел ещё несколько минут, пролистывая какие-то документы, и достал телефон.

«Всё по плану?» – написал Орловой Божесов.

«Потом расскажу. На ужине у епископа, – пришёл ответ. – В целом, ничего».

«Завтра чтобы была у Лапина. Он будет объяснять стратегию освещения реформы в СМИ».

– Машину мне, – немного грубовато сказал он в селектор.

Через двадцать минут Божесов инкогнито приехал в Управление Собственной безопасности, а именно к своему человеку – Екатерине Алексеевне, занимавшей пост начальника Управления. Со Службой безопасности у Божесова не складывались отношения со времён его работы прокурором, поэтому свой человек на ключевом посту организации был для него безумно полезен. Если директор Красенко напрямую подчинялся Президенту, и влиять на его решения Божесов не мог, то должность Екатерины Алексеевны давала доступ ко всем сотрудникам, всем данным и, в некотором смысле, ко всем операциям.

– Здравствуй, здравствуй моя Императрица! – мурлыкал Михаил Александрович, входя в кабинет к Екатерине Алексеевне.

– Привет, Миш, – не отрывая взгляд от стола отвечала Екатерина.

– Я, представь себе, по делу...

– Даже знаю какому.

Михаил Александрович, словно кот, молниеносно расположился на диване в комфортной для себя позе.

– Ну–с, что можешь поведать интересного?

Екатерина Алексеевна отложила бумаги и посмотрела на Премьера.

– Что вы все смотрите так, будто вас от любимого дела отрывают, – пошутил он.

– Что ты, вовсе не отвлекаешь.

– Тогда рассказывай о наших проблемах.

– Ну в общем. Под тебя Лапин копает.

Божесов смерил её презрительным взглядом и засмеялся.

– Ну, могу только пожелать ему удачи! Я абсолютно чист.

– Да всё проще. Они фальсифицируют, – заметила Екатерина Алексеевна.

– Так... И что именно? – уже озаботился Божесов.

– Посмотри, – кинула она папку на диван. – Это копия дел «Дальнобойщиков» и бюджетного финансирования «True liberals». Меня отстранили, но как обычно, пока приказ прошёл через канцелярии, я успела заказать копии.

Божесов с азартом пролистывал дело, почувствовав в себе тягу к прокурорскому прошлому. Он внимательным взглядом читал каждую страницу, улыбаясь в определённых местах.

– Мило, мило, – сказал он, оторвавшись от папки. – Они на основании моего присутствия на дискотеке «True liberals» хотят установить тайный сговор? Сказать, что деньги к ним отправлял я? Третьекурсник в суде всё это развалит.

– Не скажи. Я не знаю, что им удалось нарыть кроме этой

папки.

– То есть установление моей причастности к финансированию возможно?

– Конечно. Любой министр и его замы могли проворачивать эти операции, даже в счёт своих бюджетов. Всё равно по договорённости это повесят на тебя. А там и полноценное уголовное дело, и отставка в связи с утратой доверия.

– Кать, – задорно улыбнулся совершенно спокойный Божесов. – По Конституции Премьер уходит отдельно от Правительства. Поэтому даже со статьями 278, 279 и 283, к которым они наверняка меня и подводят, возникнет серьёзный политический кризис. Сейчас такая ситуация, что перед поправками в Конституцию расчищать министров и будоражить их воспалённое сознание опасно, к тому же с такой формулировкой против их руководителя. А вот после или во время... Здесь можно и шоу устроить.

– Им будет не до веселья.

– Зато мне! Представляешь, что можно на этом уголовном деле построить?! Какую мощную пиар–компанию. Да они сами себе яму выкопали, зайка моя! – его глаза загорелись демоническим блеском.

– Удивлена, что ты радуешься этому, – заметила Екатерина Алексеевна спокойным, почти безучастным голосом.

– Это удача, – протянула сладко Божесов, раскинувшись на диване и потянувшись. – Теперь мы год ждать не будем до выборов! Теперь мы устроим всё раньше и с новыми, более

крутыми перегибами!

– Для начала надо будет найти крысу в Правительстве, того, кто совершал переводы «True liberals», – оборвала восторги Екатерина Алексеевна. – Я понимаю, что ты желаешь встряхнуть систему, чтобы строить свою, но нужно ведь готовиться.

– Ну, да. Ну, да... – задумался Божесов. – Только я вижу, что способов практически нет.

– Так надо было меня делать директором Службы, – не без обиды прошептала Екатерина Алексеевна.

– Ха! А кто дела эти ведёт? – не обратив внимание на её слова, спросил Божесов.

– Капитан Мирович и капитан Клёнов занимаются. Мирович вёл финансирование с самого начала.

– Ну-с. С ними можно договориться? Компромат, угрозы?

– Ты что хоть! Я так рисковать не буду. Они же и закроют всех нас за шпионаж и госизмену. С силовиками так не надо!

– Я и сам своего рода силовик, – пожал плечами Божесов. – Прокурор вообще-то... Говоришь, Мирович занимался финансированием?

– Да, и его как раз можно подкупить через третьих лиц.

– Нет, нет. Это скучно и опасно. Я другое придумаю... Нам нужно максимально затормозить дело в части связи «True liberals» со мной. То есть, чтобы этот момент начали заново рассматривать... – он задумался.

– Клёнов, кстати, летал в Ниццу, – сказала Екатерина Алексеевна. – Сегодня прилетел, так что можно использовать его поездки, как своеобразный компромат... Да и молодой он ещё, всё хочет делать справедливо, поэтому под либералов копает весьма вяло и посредственно...

– Так убьём его, – спокойно произнёс Божесов.

– Клёнова?!

– Да нет! Ты меня вообще слушаешь? Мировича. Тогда Клёнову придётся формировать уже собственное мнение о финансировании и, возможно, связываться с нашей крысой.

– Но...

– Семейное положение у кого какое?

– Мирович не женат, родители в Твери работают правоохранительной системе... Клёнов проще, семья, жена, ребёнок. Родители в Лимске, бизнес.

– Лимске? – переспросил Божесов. – Так это наш с тобой родной город, Катенька. Точно Мировича грохнем, – он встал и решительно пошёл к выходу.

– Кстати, тебя-то я слышал. Клёнов справедливый. Отлично, значит, будет копать против Лапина. Я подтолкну. Спокойной ночи, я поехал обмывать нового Генерального прокурора. Точно пригодится.

Глава VIII

В гостиной особняка епископа было четыре человека, бурно беседующих между собой. Все были одеты довольно торжественно. Появление хозяина остановило разговор, и заставило гостей повернуться.

– Добрый вечер, дамы и господа, – поклонился им епископ, говоря на русском. – Позвольте представить вам Елизавету Орлову, Заместителя Руководителя Администрации Президента России по связям с общественностью.

Елизавета Николаевна гордо кивнула.

– Мадам Лимазо, государственный секретарь при министре социальной политики Франции, – представлял гостей Евгений. – Месье Бийон, первый советник французского еврокомиссара...

При представлении месье Бийона глаза Орловой хищно заблестели, когда ей представили этого человека.

– Сергей Авраамович Нарьевич, – продолжал епископ, – Предприниматель, меценат и просто хороший человек. Учредитель «AnnaBank»... Преподобный отец Дирош, священник этой деревни...

Все сказали пару формальных шуток и дежурных фраз, сказали на хорошем русском языке, что немного позабавило Орлову... Улучив свободный момент в беседе на особенности внутренней политики Франции, Елизавета Николаевна

шепнула Евгению:

– С Бийоном у меня и не состоялась встреча в Казино! Вам спасибо огромное, Ваше преосвященство... Вы мне Богом посланы!

– Все мы Богом посланы, – позволил себе профессиональную шутку епископ.

Плавно переместились из гостиной в просторную столовую с окнами, из которых открывался вид на побережье и надвигающиеся с моря тёмные тучи, подсвеченный последними лучами солнца. Два молчаливых официанта бесшумно скользили между стульями, подливая в бокалы местное Белле и принося новые блюда.

Разговоры были различные и велись по непонятной Орловой причине на русском языке. От проблем здравоохранения Франции и бюджета Евросоюза на 2036 год до проблем Католической Церкви, фонда Русской Церкви «Благословение» и политической жизни России.

Елизавета Николаевна не отставала ни от одной темы обсуждения, развёрнуто высказывая своё мнение по каждому вопросу. Разумеется, о России спрашивали в основном её.

– Как Родина поживает? – прожорливо спрашивал у неё Нарьевич.

– Как будто вы не знаете, Сергей Авраамович? Только две недели назад уехали, – бодро отвечала Орлова.

– У нас за это время произойти может всё что угодно, сами понимаете! Сергей Николаевич активно Конституцией зани-

мается?

– Всё у нас тихо, мягко, стабильно и системно... Ваш университетский друг Лапин занимается пиаром. Правительство Божесова его всячески поддерживает, хотя сам Божесов не в восторге. В нём говорит прокурор, понимающий истинную причину изменений в Конституции.

– Так почему премьера не выгоняют? – интересовался старичок–священник.

– Что вы, святой отец, – отвечала за Орлову мадам Лимазо, – После его борьбы с инфекционным кризисом 2024 года он народный герой! Не правда ли? Кстати, он против упрощённого представления о семье, как союза мужчины и женщины?

– Ну, абсолютно точно, его неформальность обожают... Но по поводу семьи и вообще этих специфических ценностей у него своё мнение.

– Да? И какое же?

– Божесов не любит семьи. Он считает, что родительский контроль и воспитание должны быть минимальными, что и реализовал в своей образовательной реформе.

– Ах, да... В некоторых местах он скопировал образцы английской частной школы–пансиона. Что ж...

– Статистически, это очень взвешенная система, – добавил Бийон. – Мне Божесов очень нравится, у всех Европейских Комиссаров о нем положительное мнение. Его борьба за снятие санкций действительно прекрасна.

– Согласна, – улыбнулась ехидно Елизавета Николаевна. – Не каждый русский политик смог отобрать базы НАТО в Прибалтике и успешно блефовать военными действиями. Хах!

Месье Бийон сконфузился от неприятного воспоминания из истории Европы.

– Да, тогда он был хорош...

– Так что о правах человека? – повторила коварно мадам Лимазо.

– В России все равны в своих правах, – констатировала Орлова. – Но Божесову нравится говорить, что у нас нет прав мужчин и прав женщин, а есть права человека, которые едины для всех.

– Здорово...

– Но он в своём мнении о социальном устройстве непоследователен и нелогичен, – спешно сказала Орлова. – Он не умеет взвешивать и измерять все риски от решений таких вопросов...

– Il n'y a pas de logique en Russie, mais je n'ai jamais pu prédire les actions de Bozhesov. Par conséquent, il est le meilleur leader pour elle ⁷, – произнесла по-французски мадам Лимазо, поднося бокал с хихиканьем.

– А я Лапиным доволен, как Президентом, – заговорил Нарьевич. – Для меня, бизнесмена, всё отлично. Просто всё,

⁷ В России не существует логики, но и действия Божесова я никогда не могла предсказать. Поэтому он самый лучший лидер для неё. (*фр.*)

понятно и стабильный доход с гарантиями... А у Божесова подход! «Собрать–поделить», никакой поддержки крупным, экономикообразующим корпорациям, да ещё и непонятно, что он говорит, зачем, для чего?.. Фашист в экономическом плане, да и профан, если честно. Совершенно не ценящий рыночную экономику. Вообще удивляюсь его свободе, хоть премьерские полномочия предельно малы...

– Просто Михаил Александрович идейный человек, – вступилась Орлова. – У него много разных мыслей и на счёт экономики тоже... К тому же вы прекрасно понимаете, он популярен и любит брать на себя ответственность – Лапину больше и не надо...

– Monsieur Naryevich, savez-vous quelle est la particularité du système politique russe?⁸ – скромно спросил Евгений, подключаясь к разговору только в третий раз. – Исторически сложилось так, что в России существуют три чередующиеся стадии политического строя: самодержавие, олигархия, опричнина. А между ними существуют смуты. Опричнина, то есть чрезвычайные меры, несомненно нужна стране в нынешние времена, чтобы избавиться от олигархии, которую вы в том числе представляете, и прийти к единственно возможной форме власти – самодержавию.

– А как же демократия? – спросил Бийон, уплетавший пасту лингуйне с крупными креветками.

⁸ Господин Нарьевич, знаете, в чём особенность российской политической системы? (фр.)

– Она не живёт в России, лишённой логики, – ответил епископ. – В идеале, всему миру нужна справедливая социально ориентированная диктатура, при которой диктатор будет честен, благороден и справедлив. Разумеется, нужны и демократические институты, но при этом диктатор (или царь, как угодно) стоял бы выше этого и мог вмешиваться в антинародную политику властей. Как в Великобритании, но чтобы король был более значимой персоной.

– Ну, для этого ещё надо эту диктатуру установить! – сказала мадам Лимазо.

– Конечно, для этого в России нужна смута, а потом самодержавие через опричные меры. Просто власть царская – она совершенна, а остальные так или иначе строятся на популизме и игре с большинством. Царь же (или диктатор) не отвечает ни перед кем и ни с кем не договаривается – он правит, служит народу, а его пребывание в этой должности контролируется законом. Если он совершает что-нибудь неправомерное, тогда, здесь можно и всенародно, выбирают нового на неограниченный срок.

– Вы просто опошили демократическую систему в европейских конституционных монархиях, – фыркнула в ответ на это мадам Лимазо.

– А вы что думаете, Елизавета Николаевна? – спросил Нарьевич у Орловой, которая должна была отстаивать действующую систему. Но Елизавета Николаевна посмотрела на епископа взглядом, в котором читалось согласие. Будто он ду-

мал также, как и она.

– На самом деле, Его преосвященство, во многом прав, – сказала она. – Конечно, вы немного упрощаете и, к слову, как и Божесов, не берёте в расчёт социальную действительность и общественный настрой. Но с мыслью о перерождения страны я безусловно соглашусь.

– Вы же давно работаете в федеральной власти? – вступился Нарьевич. – Я думал вы системный человек, заставший двух разных правителей и понимающий разницу между в их управлении страной...

– Я скажу больше, свою карьеру я начала в 2011 году, сразу после вуза, поэтому застала даже Медведева, – улыбнулась Орлова, проводя ногтем по ножке бокала. – Именно поэтому с уверенностью могу судить, что ничего не меняется. Конечно, взгляд Лапина отличается от взглядов Путина, также как его отличались от взглядов Ельцина, но ничего существенного в жизни людей не менялось. Конечно, кто-то умудрялся давать социальные гарантии, осуществлять стимулирующие выплаты или повышать пенсионный возраст, – при этой фразе её голос издевательски пошёл вверх. – Но всё это не от доброго сердца, а от популизма и желания оставаться у власти. Всё это не более, чем подачки голодному и зомбированному населению... Правда, последние семь лет я занимаюсь этим зомбированием, признаю, – она с достоинством завершила.

– Вы хотите сказать, что сейчас в России олигархия? –

спросил Бийон, внимательно следивший за сутью разговора.

– Разумеется, – кивнула спокойно Орлова.

– И при нынешней политической среде возможна демократизация и повышение привлекательности России?

– Знаете, месье Бийон, Россия, как, пожалуй, и любая другая страна, напоминает механические часы, – Елизавета Николаевна указала на своё запястье с часами из белого золота от Cartier. – Разные периоды характеризуют состояние часов. После Ельцина часы России были сломаны, Путин часы собрал, а Лапин завёл. Но время они показывают всё равно неправильное...

– Та-ак! Значит, вашей стране нужен тот, кто эти часы настроит.

– Разумеется, – улыбнулась Орлова. – Только есть одно «но». Ельцин, Путин, Лапин – всё это «фиксики»... Вы знаете, что это?

– Этого термина не слышал, – удивился Бийон.

– Локальный мем, – посмотрел на Орлову с улыбкой епископ. Она продолжала:

– Я имею в виду то, что эта троица живёт внутри часов, встроена в систему. А нам нужен независимый часовщик, – Нарьевич подозрительно на неё посмотрел. – Независимый диктатор, отделённый от бюрократической системы и исключительно связанный с народом.

– Ага... Вы намекаете, что после «смуты», как выражается епископ, Россию ждёт часовщик? Самдержиц? – последнее

слово Бийон произнёс, сильно исковеркав.

– Не совсем, – засмеялся Нарьевич. – Возможна опять олигархия, после смуты!

– Если не будет опричнины, – тихо произнёс Евгений с загадочной улыбкой. – Будет опричнина, будет самодержавие. Вы согласны, Елизавета Николаевна?

– Ох, – вздохнула она. – Я в этих разговорах и так живу, а сейчас на отдыхе погружаюсь в такую оживлённую дискуссию о судьбах Родины... Конечно. Конечно, нужна опричнина для переделывания системы. В чём, например, была существенная разница между политикой лидеров СССР для простых людей? По сути, и не было разницы. Все годы жили с одной главенствующей идеей. И при Сталине, опричнике и самодержце, и при Брежнев с начинающейся олигархией, идея была одна, пронизывающая жизнь каждого человека. Рухнул Союз, пропала идея и до сих пор Российская Федерация со всеми своими разными правителями строится на идее «КОКБ» – кумовство, олигархия, коррупция, бюрократия.

– Sur nos canaux d'opposition, elle serait applaudie⁹, – сделал шёпотом ремарку епископ.

– Не важно придёт ли к власти системный человек или ярый оппозиционер. Только поменяв идею, политическую структуру и перевернув вообще все сложившиеся шаблоны кумовства, коррупции и бюрократии, страна будет жить по-новому...

⁹ На наших оппозиционных каналах ей бы заплодировали. (*фр.*)

От таких пафосных и неожиданных для федерального служащего, занимающегося государственной пропагандой, речей о новой России все собравшиеся молчали, обдумывая слова.

– Et j'aimais Poutine ¹⁰, – мягким голосочком пропищал священник Дирош, перебив тишину и треск камина, добавив: – С ним было и ясно, и весело.

После завершения разговоров за столом гости перешли в залу, по стенам которой висели привлекательные картины, продукт жизнедеятельности пост–мета–модерна...

Елизавета Николаевна начала о чём–то деловито беседовать с еврокомиссаром. Епископ Евгений спорил о нравственности с отцом Дирошем. Нарьевич описывал мадам Лимазо перспективы каких–то инвестиций. В определённый момент Евгений подошёл к роялю из красного дерева и молча начал играть... Прелюдия соль минор Рахманинова со всей мощной виртуозностью и тонкой лиричностью уверенно вырывалась из–под пальцев епископа. Он, закрыв глаза, мягко гладил клавиши, получая от своих действий эмоциональную разрядку, извлекая чудесные звуки из старинного инструмента... Пробежав мягко последние ноты прелю-

¹⁰ А мне нравился Путин. (*фр.*)

дии, Евгений поблагодарил всех за вечер и отправился в свои комнаты.

Орлова в момент, когда мадам Лимазо, распрощалась со всеми и покинула гостиную, уехав на одной из четырёх стоявших во дворе машин, почувствовала обеспокоенность своим ночлегом. Тем более, что Нарьевич тоже уехал с двумя автомобилями. С Бийоном и священником она проболтала ещё полчаса, но чувство тревоги её не покидало.

– Вот и буря началась, – пробормотал Дирош. – Тучи дошли всё–таки.

Орлова вспомнила о чёрных тучах со стороны моря. Циклон пригнал на Ривьеру пасмурную погоду и падение температуры.

– И как нам добраться домой? – поинтересовалась она у мужчин.

– Не беспокойтесь, – сказал Бийон располагаяще. – Мы переночуем здесь, нам приготовили комнаты... Мы у Кардинала не первый раз.

Комната, отведённая Орловой, могла называться уютной – плотные красивые шторы, симметрично висевшие картины, нежный небесный цвет стен и красивые лампы. Мягкая кровать, столь желанная после всех событий этого дня, была самым главным счастьем, но стоны ветра и топот дождя не

давали Елизавете Николаевне спокойно уснуть.

«Хоть призраков нет в таком новом замке», – подумала Орлова, ворочаясь, а в окно ударил ветер, как бы спрашивая: «Откуда ты знаешь?».

– Пойду прогуляюсь, – произнесла она вслух, вставая с кровати и накидывая халат.

В коридорах дома горел тусклый свет, но из-за частоты появления ламп всё хорошо просматривалось. Орлова прошла по коридорам второго этажа модельной походкой.

«Всё же тут весело, – подумала она, – Божесову бы очень понравился Евгений...»

С первого этажа доносились звуки стучащей посуды и французская речь официантов. Из конца же коридора слабо слышался голос епископа. Елизавета Николаевна решила пойти туда. У двери она остановилась.

– ...Всем трудно и все сталкиваются с проблемами, – тихо говорил епископ. – Каждому, Господи, хочется помогать, но в себе я не могу найти усидчивости для этого. Не оставляй меня и благословляй мой путь... Помоги же во вразумление моих друзей, помоги Артемию вести расследование и помоги Инге уйти от ответственности, даже если и причастна она... Ради меня, прошу, помоги ей... Укрепляй и гостей моего дома, благослови Бийона, Лимазо, Нарьевича, Твоего преданного служителя Дироша и Елизавету Николаевну с Михаилом Александровичем. Помоги им в их деятельности, подскажи правильные пути и избавь от провокаций...

Услышь мои молитвы, укрепляй и направляй меня и всех, нуждающихся в Твоей помощи. Аминь...

На Орлову из-за дверей выскочила ушастая собака епископа, своим ласковым рычанием и активностью привлёкшая его внимание.

– Вам не спится? – невозмутимо спросил её Евгений.

– Немного, – отвечала Елизавета Николаевна, чувствуя неловкость своего вторжения.

– Значит, можно ещё поболтать, – сказал епископ, падая в кресло, собака запрыгнула к нему на колени. – Вы, наверное, недовольны тем, что я исчез после всех наших удивительных бесед?

– Есть повод для возмущений, – говорила Орлова, принимая греческую позу на диване.

– Просто мне не всегда бывает уютно на каких бы то ни было вечерах. В определённом смысле мой стиль жизнь неблагочестив и не подобает церковнослужителю, но во многом это и служебный долг...

– На вечеринке у Селини вы вели себя очень по-свойски, выступали, пели, играли, а с собственного вечера практически убежали... Как-то это неприлично.

– Селини и Ольга мои друзья, да и выступать я люблю, – улыбнулся епископ. – Ну, а вечер не совсем мой, я ведь даже не собственник.

– И чьи же это владения?

– Нарьевича. Он мне любезно пожертвовал это поместье

вместе с водителем, садовниками, поварами и официантами в пользование, а платит сам, – тихим голосом отвечал епископ. – Был ещё пентхаус в Монако от одного олигарха. Я принял, но продал, а на деньги строю монастырь в Тверской области. Правда, тоже для себя...

– Да вы серьёзный коррупционер! – усмехнулась Орлова.

– Это нормальная практика, – спокойно сказал епископ. – Как в анекдоте – приходит в храм мужчина бандитской наружности, спрашивает: «Поп, гарантируешь мне спасение, если пожертвую двадцать тысяч долларов?» Священник обводит его взглядом и, прищурившись, отвечает: «Спасения не гарантирую, но попробовать определённо стоит».

Елизавета Николаевна меланхолически усмехнулась.

– Вот так и я. Жертвы принимаю, направляя их на благо Церкви, а спасение уже от жизни самого благодетеля зависит... Этот дом мне нужен ни как монаху – я вполне доволен своей квартирой–студией в Париже, напротив епархиального управления Европейского экзархата... Но должность викарного епископа по связям с Евросоюзом обязывает общаться с разными людьми из власти.

– Очень полезная должность, Бийон в вашем доме меня удивил и обрадовал...

– Да... Возможно, будущий премьер–министр Франции. Но и как еврокомиссар вполне выгоден...

– А сколько вам лет? – задала Орлова интересующий её вопрос.

– Почти тридцать, – ответил епископ с лёгким блеском в глазах.

– Не молоды для таких должностей?

– Честно говоря, я не поддерживаю омолаживание Церкви. Служители в ней должны быть с опытом... Впрочем, талантливые, без лишней скромности, люди имеют право на успех. Мне, конечно, во многом помогло знакомство с Патриархом, во время защиты моей дипломной работы... Но и мой личный проект общецерковного фонда... Я говорю о «Благословении»... Сильно повлиял на мою успешность...

– Фонд прекрасная идея, хочу вам сказать. Конечно, во власти многие со скепсисом восприняли создание церковного банка, но бесплатная юридическая помощь, денежные пособия, психологическая и медицинская поддержка, что ещё?..

– Помощь в трудоустройстве, предоставление жилья, образовательные гранты, – быстро дополнил Евгений.

– Да... Это всё вызывает уважение у многих политиков.

– Зря, – к удивлению Орловой, ответил епископ. – Таким образом Церковь уходит из–под контроля государства и в некотором смысле в перспективе становится политическим игроком... Как член Церкви не могу говорить, что это плохо. Но то, что власть не видит кризиса, наводит на мысль о её некомпетентности...

– Вы жестоки к нам, – засмеялась Орлова.

– Я жесток к людям, которые тянутся к Церкви, зная,

что теперь она в состоянии решать мирские проблемы. Всё больше мы доходим до состояния, когда отношения человека с Богом строятся в рабочем формате. Как с «генеральным директором Вселенной»: молитвы услышал, помог – держи свечку; не помог – ну, значит и Тебя нет. Печально это.

Епископ немного помолчал, выдерживая внутри себя какой-то вопрос. Собака, чувствуя это, прыгнула с его колен, подсказывая правильные действия.

– А я вот спросить у вас хочу, – решился Евгений. – Вы почему так свободно говорили в этой компании на темы, о которых вам говорить и не положено вовсе?

Елизавета Николаевна посмотрела в его глаза, обдумывая ответ.

– Ну, формально, я с этими людьми встречаться вообще не должна, впрочем, как и они со мной. Только, если во Франции узнают о встрече Бийона и Лимазо с членом Администрации русского Президента, у них будет скандал и увольнение. А я, как русский чиновник, просто отсижусь пару месяцев, не выходя в публичное пространство. Поэтому я могла хоть дух Ленина и революции призывать там, но никто бы об этом не станет распространяться за пределами этого дома... Понимаете?

– Конечно, – кивнул ей епископ.

– Но если б в таком интересном разговоре о государственном устройстве участвовал Божесов... О, он бы вёл трансляцию у себя в инстаграм!

– Вам он правда нравится, как политик? – мягко спросил Евгений.

– Ну, в первую очередь, он мой бывший муж, который хотел стать президентом в 2024 году... Конечно, он нужный для страны политик. И уверяю вас, он борется за власть, – она махнула большими ресницами, подтверждая свои слова. – Я увидела, Ваше преосвященство, что вы разделяете некоторые его взгляды... Жаль, что вы не пошли в политику.

– Я с ним встречался, – произнёс епископ.

– Да? – удивилась Орлова. – Впрочем, он встречался с духовенством часто...

– Нет, нет. Мы встречались в Лимске во время выпускного. Он приехал в город и устроил большой фестиваль для одиннадцатиклассников. А я был в Школьном парламенте Лимска, да и просто выпускался.

– Вы разве из Лимска? – снова удивилась Орлова. – Вы с ним земляки?

– Да, да, конечно. В тот день парламентарии даже говорили с ним, правда речи были формальными... Мне он показался очень достойным Премьером, и, кстати, он бесподобно одевается.

– Хм, удивительные вещи происходят... Я же говорила, что он фронт. Любит одежду. Особенно обожает запонки с собачками такой породы, как ваша.

– Моя? Длинноухие-то? – переспросил Евгений.

– Да, да! Любит длинноухих собак. Сразу, как из комы

вышел после выстрела, так и началось у него. Даже теорию разработал политическую... «Франчи́змом» назвал.

– Франчи́змом? – епископ погладил свою собаку по кличке Франия. – И в чём же суть?

– Примерно в том, о чём мы сегодня говорили за столом. Социально-справедливая диктатура, демократические институты и, разумеется, переворот сознания... Он ведь диктатор, Ваше преосвященство, – сказала Орлова без оценки своего отношения к этому факту.

– Скажу, что диктатура – это очень хорошо.

Елизавета Николаевна посмотрела на него. Епископ улыбнулся, понимая всю противоречивость своего образа, составленного Елизаветой Николаевной. При этом он думал и о своей проблеме, чётко понимая, что Орлова находится на стороне Божесова, против которого, по словам Клёнова, ведётся борьба. Значит, Елизавета Николаевна может помочь...

– Вы когда в Москву? – спросил он немного неуверенно.

– Завтра ночью вылетаю. Дела, работа, страна, СМИ...

– Приходите вечером на службу в Николаевском соборе Ниццы. Я вас потом в аэропорт отвезу и скажу кое-что, важно-рабочее...

– Хорошо, я постараюсь, – уже сонно произносила Орлова.

– Тогда спокойной ночи.

Глава IX

Прилетев в Москву в половине одиннадцатого вечера, Клёнов не особо задумывался куда ему нужно ехать. С одной стороны, дома его ждала жена Лена с дочкой, с другой – в его кабинете который день хозяйничал исключительно капитан Мирович, с азартом желающий сделать дело провокационным. Дело и правда было муторным и запутанным до одурения, а главное обещало невиданный карьерный рост. За прошедшее с начала расследования время по делу «Дальнобойщиков» удалось определить происхождение фур – они принадлежали «True liberals», но были проданы за неделю до перехвата. Обнаруженное оружие оказалось очень низкого качества – каждое второе стреляло с осечками. Происхождение баллонов газа было совершенно непонятным – никакой маркировки на самих баллонах, и отсутствие найденного химического состава во всех официальных списках, хотя состав и был смертельно опасным.

При этом с «True liberals» дело «Дальнобойщиков» было связано только через фуры. Этому нашлось логичное объяснение – оппозиционеры обновляли свой автопарк и проводили масштабное техническое переоснащение организации со всеми филиалами (за счёт финансирования из бюджетных источников). Но договор продажи фур куда-то исчез и установить владельца было невозможно... На самом де-

ле, совершенно ни к чему не обязывающая информация, но для уверенности участия «True liberals» в подготовке вооружённых выступлений очень полезная. Оппозиция выступала против Конституционной реформы, проводя частые публичные мероприятия, а потому попытка захвата власти могла относиться к этому движению. Гладкость всей этой схемы смущала Клёнова, но он понимал, что всё это часть большой политической игры, жалея только о том, что в ходе этого может пострадать его с епископом Евгением общая знакомая...

– О, Артемий Алексеич вернулся! – встретил его капитан Мирович, продолжавший сидеть в кабинете даже в поздний час. – Как загнивающий Запад?

– Да я так... Развлёкся немного.

– Ха-ха! Развлёкся и развеялся, а потом сразу на работу!

А как же семья?

– Подождёт, – отмахнулся Клёнов от назойливой трескотни Мировича. – Чего меня сорвал с отдыха и планирования встречи выпускников? Что-то важное имеешь сказать?

– Да, – таинственно произнёс капитан.

– Так выкладывай!

– Я знаешь, что нашёл? – встал из-за стола Мирович. – Человека, который готов подтвердить то, что финансирование шло по приказу Божесова...

– Отлично, потому что кроме его посещения благотворительного вечера либералов больше ничего на него нет... – усмехнулся Клёнов.

– А теперь будет! Я встречаюсь с этим человеком через две недели. Он–то всё и расскажет!

– А меня вот смущает, что фурами управляли эти дурачки–мужички, – произнёс задумчиво Клёнов.

– С чего бы?

– Ты странностей не видишь? Сколько слов они сказали после ареста? Три! Недель больше прошло! Это какие–то фанатики, вряд ли имеющиеся у «True liberals»...

– В смысле?

– В том смысле, что это всё это случайно или специально подстроенные и спланированное не нами мероприятие.

– Тёма, – прервал его рассуждения Мирович. – Ты знаешь, что мы работаем так, как нам приказано. Я уже близок к доказательному разоблачению Премьера. Давай просто выполнять свою работу, к тому же у нас всё аргументированно.

– А если итог неправильный!

– Неважно, главное, что всё доказательно. Даже глупая идея может иметь аргументы в свою поддержку, а мы решаем важные вопросы. Иди уже домой, Тём... Завтра поговорим.

Клёнов кивнул головой, соглашаясь с Мировичем, и вышел из кабинета...

В то же самое время, пока Клёнов разговаривал с Мировичем, а Орлова была на вечере у епископа Евгения, Боже-

сов после посещения Екатерины Алексеевны, прокатившись несколько кругов по Москве, заехал в Кремль. Лапин не привык находится в официальной резиденции, поэтому Божесов спокойно разгуливал по опустевшим коридорам Сенатского дворца, а в нужный момент спустился в длинный коридор, по которому пошёл уверенным шагом. Через некоторое время он вышел туда, где его уже ждали.

– Миша, – обратился Министр иностранных дел Наклеватько слегка раздражённо, – Объясни, пожалуйста, какого фи́га мы собрались в Мавзолее?!

– Мне кажется, это очень поэтично, – ответил Божесов, вытаскивая туфлю из узкой щели между плитами.

– Хорошее место, Игорь Сергеевич, что хоть вы? – сказал Министр обороны Максим Петрович.

– А я вот тоже не совсем понимаю удовольствие от такого... – проговорил Генеральный прокурор Сергей Васильевич Смолов.

– Это такая метафора, – заметил Даниил Николаевич, помощник Божесова со времён его губернаторства, а теперь глава Специального отдела Министерства юстиции.

– Бросьте, ребята, – сказал Божесов, нависший над телом Ленина. – Какая метафора? Это просто единственное место, которое Красенко не прослушивает... А то, товарищи, проблемы у нас.

– И что же? – спросил робко Игорь Сергеевич.

– Три недели до голосования по поправкам, а Лапин ре-

шил меня сажать, – улыбнулся игриво Божесов. – Натравил Службу безопасности, шьёт мне несуществующие дела, но эти проблемы решаются, – Божесов хищно осклабился. – Уже мною сделано некоторое распоряжение, которое позволит получить нам фору... Дедушка Ленин был бы в восторге от ситуации! А вот мы начинаем реализацию проекта «Франчизм» в полной мере.

– По плану? – спросил Даниил Николаевич.

– Не совсем... Сейчас определилась важная конкретика. Прокуратура кое-что должна начать; МИД работает в прежнем режиме, сейчас Орлова устанавливает связи с Еврокомиссией; с Максима Петровича только танки и завуалированные переназначения преданных людей; ну, а Даниил Николаич, вам придётся весь личный состав спецназа Министерства юстиции поднимать.

– Выполним...

– Главные изменения у нас, конечно, связаны с Елизаветой Николаевной...

– Что же ты придумал? И где она вообще? – спросил Игорь Сергеевич.

– В Ницце отдыхает и работает параллельно. Но пока не в курсе, что мы начинаем. Скажу ей сегодня по закрытой связи, – Божесов кругами ходил вокруг Ленина. – Ей придётся управлять сложной кампанией в СМИ, но, думаю, она справится.

Божесов принял серьёзный вид, достал из дипломата

несколько папок, выдал их и трезвым взглядом окинул окружающих:

– Сейчас всё по делу, ребята. Начинаем.

После разговора с Миновичем настроение Клёнова ухудшилось. Он задумчиво вёл машину к дому. Желая развеяться, Артемий поехал не на прямую, а через Большой Каменный мост. Некрасиво на мосту сияла пустота вместо четырёх частей ограждения. Артемий взглянул на купола Храма Христа Спасителя.

«Сейчас бы с Князевым встретиться»...

Покатавшись полчаса по городу, он наконец доехал домой, больше думая о Миновиче, Князеве, Инге, Божесове, Орловой и всём этом странном деле. Дом его встретили радостно и на некоторое время он забыл о своём беспокойстве. Лена о чём-то расспрашивала, немного обижаясь из-за того, что в Ницце он был один, но в целом вела себя очень по-доброму. Однако всё равно видела озабоченность в глазах Князева.

– Мне не нравится то, что сейчас происходит у тебя на работе, – сказала она. – Ты слишком много внимания ей уделяешь и практически ничем не занимаешься с семьёй...

– Ну, при моих делах все силы уходят на работу.

– И это плохо. Я понимаю, что ты сотрудник серьёзной

организации, но даже у неё есть график работы.

– Просто сейчас очень интересное расследование.

– Интереснее семьи? – спросила она с ухмылкой. – Ну, ну.

Я знаю только, что все ваши интересные дела очень опасны для жизни, поэтому волнуюсь. И за себя, и за дочь, и за тебя.

Звонок телефона не дал Клёнову ответить на эти претензии.

– Как? – ответил он практически через несколько секунд какой-то информации. – Это ужасная трагедия... Завтра в Управлении всё подготовлю... Спасибо.

– Что там? – спросила Лена.

– Накаркала ты, – без особого сожаления произнёс Клёнов. – Мирович вылетел в Москву-реку с Большого моста и утонул. Дел теперь будет ещё больше у меня!

Глава X

Забросив все купленные за эти дни вещи, сувениры и подарки в свой автомобиль, Орлова отправила свою охрану ждать её в аэропорту и грузить чемоданы. Затем надела шляпку и солнечные очки, чем завершила свой лук, состоящий из длинной красной юбки и тельняшки, и прогулочным шагом с видом счастливого туриста вышла из отеля в сторону православного собора. Жара набирала свои обороты и тенистые улицы постепенно растворяли в себе людей, тянущихся к морю. Елизавета Николаевна дошла до участка, принадлежащего православной общине. У ворот её ждала женщина, одетая в чёрная, но опытный взгляд Орловой подсказывал, что она не имеет никакого отношения к монахиням. Они зашли в собор, в тёмно-жёлтом блеске свечей они направились дальше, к свету. Выйдя из притвора, они оказались среди людей, неподвижно стоящих и устремляющих взгляд на солею. Там, в полном облачении, в лучах света от паникадила и в дымке лада, стоял с воздетыми к небу руками епископ Евгений, читающий текст на старославянском. Вокруг него стояло четыре иподьякона в золотых одеждах, хотя парчовое облачение епископа смотрелось гораздо торжественнее и блестяще... Когда он заканчивал своё чтение, дивное пение откуда-то сверху обволакивало всё пространство, переливаясь от колонны к колонне и соединяясь в еди-

ном звучании со словами диакона–тенора. Так прошли двадцать минут, за которые в Орловой пробежали чувства гордого восторга и благоговения. После прозвучавшего в мажоре многолетия епископ Евгений повернулся к людям:

– Всечестные отцы, братья и сестры, – начал он благостно. – Поздравляю вас всех с праздником, благодарю всех за совместную соборную молитву. Замечательно, что меня благословили совершить богослужение у вас, в Ницце, много значащей для меня... Сегодня, во времена сложных испытаний в нашей мирской жизни, каждый сталкивается с ненавистью. Ненавистью в семейных отношениях, ненавистью в отношениях общественных, в отношениях рабочих, в отношениях властных. Так или иначе, но ненависти всегда сопутствует обида. Мы все ненавидим что–то или кого–то – бедный ненавидит богатого, глупый умного и наоборот, потому как Богом нам дана свобода воли и свобода выбора – мы вольны жить так, как нам нравится, вольны следовать тому пути, которому хотим. Но духовно широк и светел лишь путь Христа. В Котором кроется истина.

Что же есть Бог? Это любовь, милосердие и сострадание. Вспоминая апостольский путь, мы понимаем, что вся их жизнь была пропитана милосердием и любовью Бога. Но мы с вами не апостолы, а простые люди, которым нужно понять – чего же от нас ждёт Господь? Именно милосердия, любви и сострадания... Мы грешные, каждый из нас. В нас царят помыслы о славе, богатствах, жизненных успехах, часто за

счёт других, и только после этих помыслов приходит последняя очередь для частички любви к ближнему... Любите всех, братья и сестры, любовь на первом месте – утешайте страждущих, помогайте нуждающимся, а самое главное, прощайте всех тех, кого ненавидите. Какую бы боль не причинил вам человек, на какое больное место он не наступил, прощайте его и молитесь о нём...

Каждый думает о том, что ждёт его после смерти, что будет, если, выходя из квартиры, лифт оборвётся, и я полечу вниз, лишившись жизни? Что будет потом? Об этом нам следует думать постоянно, и чтобы сердца наши были всегда чисты, нам нужно прощать и окутывать всех ближних своей духовной любовью. Любите друг друга, будьте счастливы в милосердном отношении к жизни, сострадайте и прощайте врагов ваших... Существовая в большом и секулярном мире, строя карьеру и налаживая жизнь, не отступайте от пути добра, ибо государство нам дано для плотского благоденствия, а Церковь для духовного. И одно не мешает другому. Но без любви к ближнему ничто не имеет цены... С праздником, братья и сестры! Храни вас Господь!

Епископ удалился в алтарь, врата которого тут же были закрыты. Освещение пропало и люди стали расходиться в огоньках свечей.

– Подождите, – шепнула Орловой женщина.

Елизавета Николаевна движением ресниц сказала, что подождёт. В приглушённом свете и доносящимся аромате цер-

ковных благовоний, чувствовалась чистота и спокойствие. А прохлада собора служила приятным укрытием от средиземноморской жары.

– Мы можем ехать, – подошёл к Орловой, разглядывавшей фреску, епископ в хлопковом подряснике.

– Куда?

– В одно кафе на пляже, и аэропорт в шаговой доступности, и кофе потрясающий, впрочем, как и везде. Идёмте.

Они направились к выходу, благоговейно перекрестившись.

– О чём вы говорили в проповеди? – прямо спросила Орлова, задорно сняв свою шляпу, садясь в кабриолет.

– Проповеди всегда импровизация для меня, – отвечал без запинки Евгений.

– Но вы говорили, отсылая к нашему разговору в Монако об истине. Верно?

– Не без этого, Елизавета Николаевна, ведь любовь – это главная истина христианства.

– Вас кто-нибудь любил, Евгений? – повернувшись спросила Орлова.

– Я думаю и до сих пор любят, – тихо ответил он. – Но имеет ли это значение сейчас, когда я связан?

Орлова повела головой, выражая задумчивость, и весь недолгий путь ни о чём не спрашивала. Только когда они сели за маленький столик на веранде, повисшей над морем, и каждому принесли красиво оформленный капучино с оча-

ровательным десертиком, епископ спросил у Елизаветы Николаевны:

– Вот мы были в опере позавчера... Для вас музыка и искусство душевна потребность? Или весь интерес завязан на работе в Администрации со СМИ?

– Ну, я отношу свою работу к интересной и очень важной, – усмехнулась она. – И точно не считаю себя скучным человеком, заикленным на идее трудоголика... Как видите, я люблю пофилософствовать впустую, особенно в таком живописном месте.

– А опера? – настойчиво спросил епископ.

– Я люблю музыку просто так. А художественный вкус, как известно, признак интеллектуальной личности... Божесов тоже любит искусство, но в отличие от меня и сам способен к творчеству.

– Вы не можете творить?

– Абсолютно. Я полный ноль в создании чего-то ранее не существовавшего, еду по рельсам... А вот Божесов может сочинять рассказы, басни, а главное законопроекты. В этом отношении он прекрасный идеолог, зато я прекрасный исполнитель.

– Я из Лимска, как и Божесов, но ведь вы с городом не связаны?

– Я москвичка, мой отец был директором Департамента лесного хозяйства Московской области. Как понимаете, безумно коррумпированная отрасль, как и всё, что связано

с лесом в России... Не захочешь покрывать какие-то серые схемы – пристрелят случайно на охоте... Но благодаря этой семье у меня было хорошее образование и шансы на жизнь.

– Вы амбициозный карьерист? – как-то отстранённо спросил епископ, в последний раз прощупывавший почву.

– Любая умная женщина амбициозный карьерист, – улыбнулась очаровательно Орлова. – Но дело скорее в том, что дочери успешных родителей стремятся доказать, что они не хуже. Одни идут против родителей, так показывая свою исключительность, другие, как я, прилежно учатся в школе, вузе, изучают свою специальность, психологию поведения людей и в целом наращивают интеллектуальный потенциал... Но, когда рядом появляется фигура мужа и собственная семья, все амбиции исчезают, и мотивация ежедневной работы пропадает, уступая место детям и любящему человеку. Всё становится доказанным и карьера уходит на второй план... В этом отношении женщины гораздо логичнее мужчин.

– Но вы же были замужем за Божесовым? – подводил епископ к главному.

– Ха! – сделала глоток кофе Орлова. – Быть мужем не его занятие, он не мужчина, рождённый для семейной жизни... Но я ему благодарна, потому что мои амбиции он всячески поддерживал и не давал им угаснуть.

– Да... Вокруг меня много примеров, когда амбициозные девчонки, стремящиеся к работе над собой с бесконечной идеей социального успеха, с рождением ребёнка понимали,

что самое главное это семья. И это здорово...

– Конечно. Потому что, уверяю вас, вся женская работа над собой, совершенствование своих возможностей, испытание себя и прочее приводит к одному финалу. Они рожают и желание доказать свою исключительность пропадает. Это материнский инстинкт, не позволяющий рисковать... Кто его перебарывает, достойные личности, но плохие матери...

– Но у вас же нет детей? – прямо спросил Евгений, сзади которого загорался закат солнца, тонущего в море.

– Метафорически, моя работа и есть воспитание ребёнка, – грустно улыбнулась Орлова, поставив пустую чашку на блюде. Епископ откинулся на стуле и глубоко вдохнул прохладный морской воздух.

– Что вы хотели сказать важного? – спросила Орлова, принимая деловую позу.

– Очень важное... Я вижу, что вы соратник Божесова и строите с ним какую-то новую политику, – Орлова сосредоточенно кивнула. – И поэтому мне нужно вам сообщить то, что мне сказал Клёнов... Он ведёт дело о фурах с оружием и движении «True liberals». И ему приказали установить связь Божесова со всей этой историей.

– Я знаю, – прервала Орлова. – И он тоже знает. Звонил днём очень радостный.

– Радостный? – удивился Евгений.

– Как мы говорили вчера, он нелогичен. Поэтому нашёл

эту ситуацию очень забавной. Но спасибо вам, что сказали. Думаю, вам можно доверять.

– Постойте, – сказал с волнением Евгений, – Это не всё...

Елизавета Николаевна вопросительно посмотрела на него, беспокоясь о какой-то ещё неизвестной подробности.

– Дело в том, – продолжил Евгений. – Что в «True liberals» работает важный для меня человек... Я немного смыслю в политике и правоохранительной системе России, поэтому понимаю, что это движение рухнет в противостоянии Лапина и Божесова (кто бы не выиграл), а его участников и сотрудников Штаба ждёт незавидная судьба... Вы можете помочь спасению человека?

Орлова провела пальцами левой руки по своим бровям и сжала губы.

– Технически это просто... Но любой шум до развязки опасен, поэтому помочь смогу только по факту.

– Всё равно спасибо. Это правда важно для меня, Елизавета Николаевна...

– Конечно, я всё понимаю, – ласково улыбнулась она, давая понять, что пора ехать в аэропорт.

– У меня для вас есть подарок, – сказал, вставая епископ. – Только распакуйте его в самолёте. Возможно, с помощью него вам станет ясно моё желание.

Орлова взяла в руки подарок и направилась к машине. Через несколько минут епископ привёз её в аэропорт, благословил, попрощался, повторно поблагодарил и уехал в сто-

рону Марсея.

Уже в самолёте Елизавета Николаевна распаковала свёрток, переданный ей епископом. В нём был конверт и папка с аккуратными листами отпечатанного текста. В конверте на плотной бумаге с архиерейским вензелем расположились ровные округлые буквы:

Уважаемая Елизавета Николаевна!

Если Вы читаете это, значит, я рискнул прибегнуть к Вашей помощи.

Кроме всех прочих моих талантов, я ещё грешу созданием художественной литературы. Для того, чтобы Вам была ясна важность моей интимной просьбы, прошу ознакомиться с прилагаемым к письму текстом. Вы будете первым читателем этого откровенного произведения, во многом затрагивающего и Божесова, и события 2024 года, и самую интересную пору в жизни каждого человека – школу... Я надеюсь, что Вы поможете мне и спасёте дорогого мне человека от рук «репрессивного» государственного аппарата.

Также приглашаю Вас, Михаила Александровича и всех остальных (даже Лапина и его команду) на благотворительный концерт симфонической музыки, проводимый фондом «Благословение». Состоится в Большом театре через

две недели.

С пожеланием многих и благих лет

Епископ Сервский,

викарий Европейского экзархата

Евгений (Князев)

Часть вторая

Авторское предисловие

Дорогой читатель!

То, что ты держишь в руках, в некотором смысле является дневником моих чувств. В нем много как полезной, так и откровенно ненужной информации и лишних мыслей. Книга эта написана в первую очередь для одного человека, который, прочитав это, навсегда будет связан со мною крепкими и неразрывными узами, и о котором я буду помнить всю жизнь... В принципе, книга гарантией этого и является.

Да, критику есть где разгуляться и на что обратить свое внимание. Тут ты встретишь разные синтаксические конструкции, слишком трудные и монотонные, столкнешься с противоречивостью героев и погрузишься в невыверенную динамику повествования. Борись с этим. Пойми главную мысль и почувствуй смысл, вложенный в этот набор историй.

Часто, используются реальные диалоги и реальные записи того времени моей жизни. Пусть некоторые события подвергаются художественным условностям и происходят тогда, когда в реальности не существовало даже причин этих событий, но помни, что все написано с любовью...

«ЗАТОЧЕНИЕ»

книга о школе

Как жаль, что тем, чем стало для меня
твое существование, не стало
мое существование для тебя.

И. Бродский, Postscriptum

Кто есть учитель? Собака Павлова – по звонку говорит,
по звонку замолкает.

Стивен Кинг

1

«Никогда не понимал одной вещи: как взрослый состоявшийся человек, педагог с опытом и сотнями детей за плечами, может позволять себе стебаться и шутить над учениками, место которых в жизни еще ему неизвестно? Мало ли, кем станет Саша Петров, носивший среди учителей прозвище «дуралей» – возможно, повезет ему в жизни так, что любой училке, плюнувшей ему в спину, Вася безнаказанно и законно набьет морду. Метафорически, разумеется...»

Надутые педагоги, с высоты поглядывающие на детей, считающие их бесполезными, давно опостылевшими существами, воспринимают себя, как героев–тружеников, на которых стоит русская земля. Хотя, по сути, таким возвышенным отношением к детям делают из себя дураков. Лишь учитель, ставящий себя на равных с учеником, позиционирующий себя ни начальником, ни тираном, ни, не дай Бог, первым отцом или второй матерью – учитель, занимающий нишу старшего друга и товарища, который может позволить себе шутку в адрес ученика, но также самоиронично отреагирует на ответ, такой учитель достоин оставаться в школе XXI век!»

Кажется, так начиналось первое выступление премьер–министра Божесова в Государственной Думе в мае 2024 года. Прекрасно помню, как за три месяца прошли вы-

боры, стрельба в избранного Божесова, и последовавшее через два часа после этого заявления Избирательной комиссии о том, что из-за технического сбоя президентом на самом деле становится Сергей Николаевич Лапин... Прошло три месяца, и в конце апреля Божесов вышел из комы. Его назначили премьер-министром. Власть сформировалась, а Путин как-то тихонько отошел в сторонку, оставив еще более неясными поправки 2020... И вот Божесов начинал обещанную им реформу образования. А я заканчивал 9 класс, и жизнь только начиналась.

Первый, по-настоящему учебный майский день начался сразу после 9-ого Мая. Отгремели салюты, отшагали солдаты, отзвучали речи, отыграла музыка, отгорланились песни. Моя школа, как и всегда, приняла активное участие в торжествах, поэтому я, совмещая три функции на городских мероприятиях, провел этот праздник в хлопотах и заботах.

10 мая. Пятница. Уроки никто не подумал сокращать. Первый – история. Все сонные, ленивые и уставшие. Некоторые живо обсуждают, как провели вчерашний день, находясь под лучами солнца и исполняя песни – это «певцы– хористы», о них вспомним позже и пошутим о них не раз (и даже не два)... Буднин и Кленов вечно пересмеиваются через парты – Кленов со вкусом подшучивает над Будниным и его хором, "удивительно вкусно, искристо и остро" иронизируя на тему фонограммы.

– Да это вообще капец! – возмущается Буднин. – Мы стоим на сцене, жара, солнце печет, а колонны еще не приходят! Стоим, стоим, стоим... Ну, вроде, пришли... Эльвира Георгиевна замахнется, и поем это убожество «Летите голуби»!

– Поете сильно сказано! – прерывает Кленов. – Под фанеру ума не надо...

– Так мы ее сами записывали... – пищит кто-то из хористок, но замолкает под грозным взглядом Кленова, выражающим глубокое отсутствие интереса к озвучиваемому мнению.

– А еще этот губернатор речь затеял на 15 минут, а нам уже плохо! – продолжает кривляться Буднин.

– Герман, хочешь анекдот о хоре? – не дожидаясь конца речи Буднина, прерываю я. – Решил я посетить 82 гимназию... Ну, она ведь музыкальная, песни такие хорошие поют, послушать решил... Захожу. В фойе, в полной тишине, стоят люди, будто в очередь. Думаю, что за диво? Школа музыкальная, а тишина в фойе абсолютная. Прохожу мимо очереди к кабинету, к которому она выстроилась, смотрю, на двери написано «Кабинета хора». Ничего не понимаю... Что же тогда здесь за тишина такая?! И все в очереди молчат. Смотрю ниже, а там табличка «Тихо, идет запись»!

Дичайший хохот вырвался из Кленова с Будниним. Девочки-хористки вновь возмущенно запищали о великом труде записывания фонограммы, и почти уже серьезно обиделись на традиционную шутку, но в этот момент зашла

Людмила Николаевна, не менее усталая на вид, чем присутствующие, а потому не совсем готовая разделять шутки о школьном хоре.

Все встали, я же сонно не проявлял признаков жизни и нависал над партией.

– Я жду вашей готовности, – в этот раз сурово произносит Миланская любимую фразу, обращенную главным образом ко мне.

– Ага... – демонстративно зевнул я и, сонно кивая ей, продолжил, – С пятницей вас, Людмила Николаевна! Давно не виделись, ужасно соскучился!

– А я как! – отвечает она, положительно иронизируя мне, значит, настроение можно еще исправить, я для этого сделал первый шаг.

Урок начинается. Все садятся. После коротких лирических отступлений начинается монотонный разговор о внутренней политике Александра III. Все традиционно – Миланская говорит, мы слушаем и смеемся там, где она желает. Меня отношение подхалимства к учителю серьезнейшим образом раздражает, поэтому, в знак протеста, я сижу за первой партией перед Людмилой Николаевной и одобрительно смеюсь только над действительно удачными шутками (их тоже хватает). Особенно безумно раздражают моменты, когда не очень воспитанные одноклассники смеются над трагичными вещами истории. Фраза Людмилы Николаевны: «Из-за отсутствия инфраструктуры Крымская война была проиг-

рана. Войска не могли быстро проехать по русским дорогам на фронт» – вызывает смех у дураков, я же страдаю от подобного пренебрежительного отношения к бедам страны.

Бывают и обратные ситуации, когда мой остроумный и довольно уместный юмор не вызывает никаких чувств у Миланской. В основном это связано с моим соседом по парте – полный надежд на светлое будущее человек, с плохой успеваемостью, но живым умом и «стеснительным чувством юмора». Шутки, конечно, бывают немного идиотскими, а иногда даже нетолерантными для всех возможных областей. Но исключив такие темы, потеряется большая часть юмора, ибо в школе много оскорбительных и нетолерантных высказываний составляют комический рацион учащихся. Это более чем приемлемая форма поведения, не подразумевающая ничего злого, но частенько ни учителя, ни тем более консервативные родители не обладают высокой самоиронией и простым уважением себя, болезненно, абсурдно и дико реагируя на подобного рода шутки.

Сегодняшний урок о женском образовании в Российской Империи вызывает бурю плоского юмора. Тут и гибель империи из-за образованных дам, и простое: «КАКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ?! РОЖАТЬ, ГОТОВИТЬ, УБИРАТЬ!»... Кто оскорбиться на такое? Точно не нормальный человек, а зацикленный на несуществующих проблемах. Тот, кто произносит такие «сексистские» высказывания, совершенно спокойно воспринимает женщину–директора, женщину–судью,

женщину–депутата. Просто такой юмор популярен на фоне нездорового феминизма, юмор здесь высказывает гражданскую позицию. А то, что чей–то муж говорит: «Иди стирай и убирай, ты же женщина!» – это не проблема государства и общества, а проблема конкретного мужика...

Признаться, уроки у Миланской всегда способны поднять настроение! Вот и сейчас она выдала нам весь материал и решила поболтать:

– Так, я всем вам хочу кое–что предложить... – интригующе произносит она тихо, чтобы затихло перешептывание. – Я со своим классом задумались о Последнем звонке... Кажется, только в мае об этом и пора думать... – самоиронично замечает она. – И пока предложений нет, но скоро уже надо бы начинать... Поэтому подключайтесь те, кто хочет принять участие...

Пока поднимались руки, пока с задней парты Кленов недовольно бубнил о необязательности поздравления учителей в конце 9 класса, дверь в кабинет истории нерешительно отворилась. Вошла красивая девушка–блондинка в белом халате. Я, как и многие, осмотрел ее с головы до ног, определив все удачные стороны и вспомнив, что видел ее в коридоре перед уроком. Медсестра своими перчатками, ощупавшими головы уже более 90 учеников, сообщив цель визита Миланской, пошла по рядам трогать просветленные после урока головы с пестрыми волосами...

Во время ее наглого вторжения в шевелюры одноклассни-

ков, я, сидевший напротив Миланской, изменил свое скептическое отношение к Последнему звонку и начал активно закидывать Людмилу Николаевну вопросами...

Вдруг моя светло-русая голова ощутила на себе теплую руку медсестры... Реакция была, по словам и впечатлениям очевидцев, просто восхитительна!

«Мы с вами не знакомы, а вы меня уже трогаете...» – бархатным баритоном, нагло заметил я, и весь класс взорвался от этого.

Смутившись, медсестра не смогла дать достойный в этой ситуации ответ, а механически продолжала шариться в моих волосах.

«Может познакомимся для начала? Я – Александр, вот уже сколько лет... А ваше имя?» – спросил я, подстрекаемый слезами (от смеха, разумеется) Миланской, но уже более сладким голосом.

«В медкабинет придешь – отвечу» – очень робко, направляясь к двери, говорила медсестра относительно приемлемый ответ.

«Постойте! Куда вы?!» – театрально «вскричал» ей вслед я, вытянув руки в сторону закрывшихся дверей...

Класс лежал. Опухшее состояние после праздников окончательно сменилось весенним настроением как у Людмилы Николаевны, так и у детей, которых ждала впереди геометрия...

2

Как можно было понять, 9 класс завершался очень весело. Молодые и, признаться, симпатичные девушки обладают удивительным природным свойством притягивать внимание подростков, стремительно оценивающих каждую деталь внешнего вида, отмечающих наиболее выдающиеся стороны в основном фигуры, а не души, и строящих не совсем приличные планы... В этом есть пошлая «самцовость», противная лично для меня, общающегося с большинством женщин по стандартам Печорина...

Возможно, именно поэтому я, хоть и не был моральным и физиономическим уродом, до определенного момента не мог установить адекватные отношения с противоположным полом – мое вечное возвышенное поведение, цинизм слов и поступков, легкая форма эгоистичного вампиризма и многое-многое другое делало мою натуру противоречивой и не вызывающей доверия. По большому счету зря, любой человек мог бы уверенно доверить мне свой самый страшный секрет, рассказать о своих переживаниях, раскрыться и не бояться неблагоприятных поступков с моей стороны (излишняя, порой демагогичная принципиальность мне свойственна).

Я, конечно же, не испытывал никаких проблем со школой – оценки достойные, желание есть, приближавшиеся эк-

замены меня совсем не волновали. А вот личная жизнь была весьма сумбурной...

Так получилось, что из всей массы активных мальчиков по отношению к новой медсестре наиболее удачливым и наглым оказался я. Было очевидно, что высокая стройная блондинка с пропорциональным телосложением и приятными изгибами, обречена на успех в общеобразовательной организации. Задорные мысли от обсуждения нового человека, советовали мне, для достижения большей театральности, найти способ попасть в медпункт... И случай представился.

Во вторую декаду мая вместо английского весь класс пошел в медпункт на осмотр врача–психотерапевта. Медпункт (по до сих пор непонятным мне причинам) находился в отдельном здании вместе с библиотекой. Все счастливо галдели, наслаждаясь лучами весеннего солнца и радуясь пропущенному английскому. Я зашел в кабинет крайне тихо, сел напротив врача (пожилой, жизнерадостной женщины).

– На что жалуетесь? – спросила она с улыбкой, взяв в руки мою карту, переданную Оксаной Сергеевной (так звали медсестру).

– Все нормально... Ни на что не жалуюсь... – более чем скромно ответил я. Медсестра удивленно на меня посмотрела.

– Доктор, – видя краем глаза реакцию собравшихся, поманил я пальцем врача, – Мне кажется... Подвиньтесь ближе!.. Мне кажется – за мной кто–то наблюдает, – после этих

слов медсестра вышла за дверь, не оценив остроумия подобного юмора.

– У меня и не на такое жаловались! – невозмутимо ответила женщина. – Комплексы у всех разные...

– Какая жалость! А так хотелось чем-то вам запомниться!

– Я вас всех помню, – так же спокойно сказала она. – Как учишься?

– Никто не жалуется, – кратко ответил я.

– Какие отношения с учителями и одноклассниками?

– Более чем дружеские... И с теми, и с другими.

– С профессией определился?

– Знаете, очень хочется работать с людьми. Конечно, не так как вы! Мне бы что-то спокойнее – юрист, прокурор, судья, чиновник, дипломат... – в моей голове проскочила еще одна профессия, но я не решился озвучивать ее вслух.

– В десятый класс, видимо, пойдешь?

– Все в ваших руках, признаете вменяемым – пойду.

– Ты вменяемый, вызывай следующего!

Выйдя из кабинета, я увидел медсестру, закономерно окруженную мужской половиной класса (собственно, только эта половина проявляла интерес к Оксане).

– А вот этот человек, – посмотрев на меня, как всегда излишне эмоционально, воскликнул Буднин. – Будущий кардинал!

– Видите, какую прекрасную судьбу мне пророчат? – напрямую, в своем наглом стиле обратился я к медсестре, ре-

шив перебить напор одноклассников и взять инициативу на себя. – А вот раз кто–то очень умный заговорил о возвышенном... Вы верите в Бога? – спросил я у медсестры, обнимая ее за плечо и смотря прямо в глаза.

– Атеист, убежденный атеист! – тоже смотря мне в глаза (скорее от безысходности) отвечала она.

– Почему же? Потому что врач? – сочувственным тоном и не меняя положения рук, спросил я.

– Потому что девушка... – глубокомысленно ответила она, отводя глаза в сторону, хоть и занималась демагогией.

– Вы не верите в чудо? – теми же интонациями спросил я.

– Нет, – более уверенно и даже серьезно произнесла она.

– Напрасно! Чудо существует, и это я! – с безумно шутивными интонациями сказал я и обнял ее.

Это вызвало бурную реакцию одноклассников, до сих пор почтительно молчавших и даже не дышавших (так показалось мне). Словом, после еще семи минут разговоров, не отличавшихся оригинальностью, мужская половина класса еле-еле увела меня на оставшиеся минуты английского...

Но зря я иронизировал над медсестрой – шутки над этой прекрасной, двадцатилетней девушкой пробудили в моем сознании желание. Я часто стал наведываться в медицинский кабинет, получая смешки от тайно завидовавших по–доброму друзей. С Оксаной Сергеевной мы мило общались на самые разные темы, в некоторых же она была достаточно откровенной (хоть и не смогла обогнать меня в суровой пря-

молинейности). В один из дней, когда делать мне было нечего, разговор наш затянулся и я проводил медсестру до дома (прогулка принесла массу удивительных эмоций – мы шли пешком, по не самым лучшим дорогам нашего города, слава Богу, жив остался). Прощаясь, я приобнял ее и поцеловал руку (этот жест был исключительно театральным, и я не вкладывал в него ничего серьезного).

В течение оставшейся недели я еще несколько раз прогуливался с ней до дома, болтал о всякой ерунде (и узнал много интересного о ней). А однажды, во время прощания, она подставила щеку... Возможно, я неправильно оценил ситуацию, но именно это стало толчком. Я начал проявлять большую заинтересованность и даже предложил ей «случайную встречу» (конечно, я все выполнял в шутливой и наглой манере), от которой она благоразумно отказалась, сославшись на профессиональную этику и человеческую совесть. Однако от меня избавиться сложно и я продолжал с ней видеться... а разговоры среди друзей дразнили мое тщеславие и вызывали притягательный самоироничный смех у моей медсестры. Нельзя было назвать подобное глубокими чувствами любви и уважения, я не сильно интересовался ее внутренним миром, который казался мне довольно ограниченным. В основном меня завораживали ее движения и ее походка, когда на длинных ногах она проносилась по коридору, заставляя провожать себя взглядом. Все же от такой плотской слабости надо было избавляться...

В разговоре с нашим завучем, которая в шутливой форме намекала на это общение, я рассказал о моем предложении «случайной встречи» и профессиональном отказе. Она сказала: «Не отчаивайся, терпение и труд все перетрут!» – я немного удивился (серьезно, неожиданные слова от педагога, хоть и очень грамотные). Кроме этого, мне предложили принять участие в очень интересном мероприятии, проходившем в здании Областной администрации Лимска...

На следующий день я величественным шагом протопал по ступеням Областной администрации, по которым, когда–то спускался Божесов! Председатель Комиссии Лимской облдумы по реформе образования, рассказала нам суть всего происходящего, серьезно меня воодушевив. Новой ступенью божесовской реформы была демократизация школьного процесса. Для реализации этого Михаил Александрович решил наделить учащихся официальной властью, создав в крупных городах Школьные Парламенты, члены которых обладали бы широкими полномочиями и могли влиять на атмосферу в учебных заведениях, не трогая сакральность урока... Для полноценного существования Парламента требовался Спикер и Вице–спикер. На первом же заседании было принято решение выбрать и того, и другого. Стать Спикером захотело три человека, в том числе и я... Нам дали десять минут на подготовку, в результате один мальчик полностью вышел из игры, а к моему конкуренту я подошел с фразой,

произнесенной шепотом:

– Выигрываю я – ты вице–спикер, выигрываешь ты – я вице–спикер, – сказано было с чувством абсолютного бюрократического превосходства.

– Да без проблем, – согласился этот блондин с одобрительной усмешкой, произведя впечатление не самого дальновидного политика.

Стремительно наступил момент голосования. Он вышел первым. Начал говорить глубоко окрашенным, с незаметной картавостью голосом какую–то ересь о дружбе, взаимопонимании и «тех чудесных эмоциях, которые мы испытываем, работая вместе и придумывая разные... штуки». Какой у него был придурковатый вид... Боже мой! Ничего хуже этого я никогда не видел... Но он вызвал улыбку одобрения у 37 уже уставших школьников.

Следом поднялся я, с сияющей физиономией, с видом отдохнувшего буржуа, с чувством тотального превосходства. Я окинул взглядом помещение... Зал для Парламента выделили просторный – четыре метра в высоту, пять окон, 40 сидячих мест со столиками для бумаг, президиум на возвышении для 5 человек и закрытая монолитная трибуна. В тот момент я возбужденно дышал, вцепившись пальцами в трибуну, а взгляд хищно пылал.

– Дети мои! – в своей обычной манере обратился к унылым школьникам я. – Во времена тяжелых реформ в образовании государство нуждается в нашей поддержке и в на-

шем мнении. Во всех крупных городах создаются Школьные Парламенты, которые будут помогать демократически принимать полезные решения и делать Россию лучше... Выбрав меня, Лимская область добьется успеха и станет образцовым регионом по осуществлению решений реформ, которые инициировал наш с вами земляк и бывший губернатор.... Голосуя за меня, вы выбираете Божесова! Выбирая Божесова, вы выбираете будущее!

Я мягким баритоном говорил правильные вещи, которые уже были названы или прочитаны мною в новостях и Твиттере премьера. Мой конкурент был разгромлен... Считал я... Но увы! За него проголосовали 22 человека, а за меня 13... Поразительно бестолковые люди, не понимающие важности той миссии, выполнять которую они были призваны – впервые за долгие века дети России могли стать основой и приоритетом. Но «приоритетные» отнеслись супер халатно. Бездар–нос–ти!

Хотя, конкурент Вячеслав сдержал слово – я стал вице–спикером. В этом он проявил *детское* благородство – я бы, победив, не выполнил обещанного... Как же по факту разделились обязанности? Он стал заниматься официальными мероприятиями, стал лицом Парламента, а на меня взвалилась вся работа по внутренней организации конкретно Лимского отделения.

После этого дня я забыл про медсестру, а сама она куда–то исчезла... Я каждый день сидел и писал регламент заседа-

ний и Устав, которые и представил всему Парламенту. Их, разумеется, приняли уже через неделю. Также мне удалось ввести несколько новых персон в Президиум (распоряжение Правительства по поводу Школьных парламентов предполагало только Спикера и Вице–спикера, но не запрещало создавать новые должности) – Секретарь и Пресс–секретарь Парламента. Секретарь занимался вопросами подготовки заседаний – уведомление, повестка дня, контроль регламента (придуманного мною), вел протокол заседаний, а Пресс–секретарь отвечал за освещение всех решений в СМИ, писал посты в наших соцсетях, отвечал на вопросы и занимался еще какой–то ерундой... Догадайтесь, за кого проголосовали эти люди?

3

В одну из майских ночей мне приснился странный сон о групповой поездке класса в Восточную Европу. Сейчас уже трудно вспомнить был ли этот сон наполнен хорошими событиями или больше походил на кошмар... Но что-то подсказывает, что мое подсознательное отношение к одноклассникам принимало именно форму последнего.

Я проснулся. Небо в окне было темным, и желтый фонарный свет пробивался через шторы. «Весело, – подумал я. – Красивая картинка была, надо записать этот сон... Половина третьего, через три часа в школу вставать. Эх!»

Отбросив одеяло, я выскочил из постели. В глазах резко потемнело, и голова закружилась.

– О молодость, молодость... – пробормотал себе под нос сонно.

Сладко зевнув, я пошел на кухню. В квартире было темно и тихо.

– Люблю, когда никого нет дома, – проговорил я вслух, успокаивая себя.

Открыл дверь холодильника, достал графин с соком и сделал несколько глотков. Чувствуя, что нужно сделать еще что-то, я подошел к окну и выглянул на улицу. Стеной шел дождь. Во внутреннем дворе было непроглядно темно, но проезжая часть ядовито освещалась желтыми (а может оран-

жевыми) фонарями, не очень хорошо справляющимися со своей задачей. На стене соседнего дома блистал свет от маячка то ли скорой, то ли полиции. Все еще сонный я вернулся в кровать, закрылся с головой одеялом и сомкнул глаза. Сон тем не менее не шел. Я протянул руку к телефону и начал пролистывать новости. «Премьер против собственной демократизации образования» – гласила одна из статей.

– Интересно...

«Премьер решительно отказывается от своих предвыборных слов о необходимости создания демократически устроенных школьных организаций. Он сказал: "Дети не должны вмешивать в образовательный процесс. Все, что происходит на уроке – это зона ответственности учителя. Целью создания Парламентов является ни включение учеников в формирование учебных программ и требований – на уроке хороший учитель всегда диктатор, – цель проекта – сделать так, чтобы ребенок получал всестороннее развитие личности, а не только какие-то (весьма спорные) знания, чтобы занимался различными социальными проектами и программами после тяжелого учебного дня. Может быть нам придется рекомендовать в обязательном порядке отмену письменных домашних заданий во всех школах страны конкретно для таких учеников, но мы пойдем на это".

Противоречивое и непонятное утверждение премьера приводит экспертов в шок. Отменить домашние задания, сделать так, чтобы учащиеся тратили время в школе не толь-

ко на уроки, но и на различные (к слову, неясные по своему содержанию) дополнительные программы и проекты – очень размытые части основной программы премьеры с амбициями президента. "Реформа Божесова не оформлена и безумна" – констатирует лидер думского большинства С. В. Корнев».

Они сильно переврали слова Божесова, поддавшись вольной интерпретации и не слишком умелой пропаганде. Парламенты были одним из многочисленных положений реформы, почему–то никто не обратил внимания на огромный поток финансов, влитых в материально–техническую базу образовательных организаций, почему–то никто не стал рассматривать развитие спорта в каждой школе...

Большинство детей выходит из школы в три часа. И куда они идут? Шляются впустую по значным местам в не очень приличных компаниях, не делая при этом уроки, которые все равно задают в огромном количестве. Но Божесов же предлагает, чтобы школа не заканчивала свою работу в три часа, чтобы дети были социально активны? Чем плоха эта его *пионерия*? Проблема в том, что не все школьники найдут себе дело в школе после уроков... Дополнительные занятия, дискуссионные клубы, концерты, общественная работа – это хорошо. Но учителями на эти мероприятия не напасешься, да и не все дети согласятся в этом участвовать... Точно не состоявшееся гнилое поколение моих сверстников – этим товарищам, за редким исключением, абсолютно справедливо ни-

чего не хочется делать в школе, кроме как обсуждать подробности своей внешкольной и оттого не менее интересной жизни (какая порою бывает Санта–Барбара!). Только нынешняя же начальная школа лет через пять будет грамотным продуктом реформы.

Одним из самых замечательных предметов в моей школе, к которому я относился с завидным трепетом и от упоминания которого в моей душе расцветал букет из всевозможных воспоминаний, чувств, желаний и надежд, была химия. Ее я трепеть не мог. Это было нечто дьявольское.

В понедельник мы с Кленовым, не дожидаясь, когда вечно опаздывающая на первые уроки химичка доползет до работы, взяли ключ от кабинета и, предварительно посетив магазин, разложили на последней парте небольшой фуршетик для подтягивающихся одноклассников (конфетки, кексики еще какая–то закуска и всего–навсего три бутылочки какого–то лимонада). Было весело. Мы с Кленовым стояли у доски и радостно импровизировали на ней тему урока.

– Пишите, Артемий Алексеевич, – диктовал я голосом Ельцина. – Тема урока «Правила самогоноварения». План урока: теория, история происхождения, практическое задание, дегустация.

Артемий бодро выводил мелом слова.

– Домашнее задание, – продолжал я. – Параграф 13, теория этилового спирта. Принести монастырский кагор «Буй-

ный монах».

Настроение поднималось у каждого.

– Задание на лето. Посмотреть сериал «Во все тяжкие».

– Это точно про этот предмет, – усмехнулся Артемий, поставив на доске точку.

– А теперь диктантик по периодической таблице, Артемий Лексееч... Записываете: алюминий, калий, мышьяк, водород.

На доске появилось: Al–K–As–H. Это вызвало очередные подхихивания.

В этот момент Снежана Петровна ввалилась в кабинет. Ее и без того всегда унылая физиономия потеряла последние человеческие черты от вида происходящего веселья. Я как лебедь подплыл к ней, вручая коробку конфет:

– С началом последней учебной недели, – елеино говорил я. – Давайте последний урок химии в 9 классе проводим достойно, Снежана Петровна!

Она вновь доказала свою непробиваемость и только пропищала вечным, ни в каких обстоятельствах не меняющимся голосом:

– У нас сегодня лабораторная... Уберите пока все...

Класс воспринял эту информацию негативно и подозрительно покорно. Пока Снежана «Альдегидовна» юркнула в свою лаборантскую, как мышь в норку, мы с Артемием вышли в коридор.

– Вот дура, – сказал Артемий.

– Полная... – кивнул я.

Когда мы вернулись в кабинет, к величайшему огорчению парты очистились от наших угощений, а доска была помыта.

– Эти тоже умом не блещут, – прошептал Артемий.

– Дураки, – громко согласился я.

Началась лабораторная работа. Унылая и малопонятная штукovina, в процессе которой нужно было сыпать какой-то порошок в пробирки, зажимать отверстие и, отпустив палец, ждать слабый хлопок. По сути, даже не совсем безопасная работа. Уже тогда надо было жаловаться на училку в прокуратуру...

В руках Снежаны Альдегидовны была колбочка с гораздо большим, чем у нас, количеством порошка и прозрачной жидкостью. Она самоуверенно химичила и проникновенно говорила:

– А сейчас будет хлопок... – в этот момент Артемий достал нетронутую бутылку ЛИМОНАДА и вместе со Снежаной Петровной, открывшей горлышко колбочке, вышиб пробку, вместе с терпением Альдегидовны. Хлопок действительно был...

В столовой мы вшестером сидели за столом, обсуждая реакцию Снежаны Альдегидовны на хлопок от бутылки.

– Так-то прикольно вышло, – говорил Юрий, еще не до конца выпавшийся после выходных, а потому сидевший в солнечных очках.

– А «это» сразу директору пошла звонить. Ну не дура? В последний урок давать лабораторную? – возмутился Артемий.

– Чмо, одно слово, – подтверждал, даже как-то уныло Буднин.

– Ой, бросьте, – сказал я. – Кто это такая, чтобы мы из-за нее расстраивались? Химичка и химичка... Даже не надо обращать внимания.

Мы начали изошренно обсмеивать Снежану Альдегидовну, вспоминая все ее промахи и ошибки за этот учебный год. Было весело и настроение поднялось практически у всех, кроме меня с Артемием.

– Юрусик, – обратился я к сонному Юрию. – Как хоть вы день рождения встретили?

– Весело было..., – ответил он. – Подрались правда немного. Серый ладонь на шампур насадил, а так нормально...

– Баню не сожгли?

– Нормально, – процедил сквозь зубы Юрий, допивая четвертый стакан воды. – В 16 лет все-таки наступает новая полоса сексуальной жизни...

На подобное романтическое заключение все только засмеялись, прекрасно понимая историю его возникновения. Перемена заканчивалась. Мы поплелись на третий этаж.

– Саш, – спросил Артемий тихо, – А что будет-то?

– Да расслабься, максимум поругают чуть-чуть и все...

Пригрозят чем–нибудь. Ерунда, Тем, – успокоил я его, непривычно взволнованного. – Они с потолком, упавшим в 310, разобраться как следует не могут, а тут такая чушь. Прорвемся.

К директору нас все–таки вызвали.

Арина Валерьевна своим вечно суровым голосом предприняла попытку провести воспитательную работу. Делала она это не без очарования и могла производить впечатление прямолинейностью своих слов и выражений, однако, после завершения разговора в сознании собеседника начинали формироваться вполне обоснованные противоречия с ее позицией, которые раскрывать, доказывая свою правоту, оказывалось невозможным... Хоть ее претензии и гнев в нашем случае имели основания, уже на третьей минуте мы с Артемием поняли, что она блефует, находясь в некоторой ловко скрываемой растерянности. Потому мы встали в позу и начали оправдываться, критикуя Снежану Петровну за ее преподавание и отсутствие маломальского умения держать внимание и дисциплину у класса. *И вообще, где это написано, что учителя надо уважать просто так? Любой человек, даже родитель, должен еще доказать, что достоин нашего уважения – а уж если не способен, то прости, тебя можно и не слушать...*

Наконец, разговор зашел в тупик и все мы, изрядно выдохшись от этого спора, ограничились применением симво-

лических угроз о том, как легко все повернуть против нас, и блефа по поводу строгой ответственности. Разговор закончился.

– Князев, – сказала Арина Валерьевна устало, – На тебя приказ пришел. После экзаменов поедешь в Москву от твоего этого Парламента, программу Конференции пришлют позже...

Я самодовольно кивнул и вышел.

– Потолок этот упавший надо было Арине припомнить, – прошипел взвинченный Артемий. – «Все хорошо, никто не пострадал, никого не было», – передразнил он ее комментарии для СМИ. – Могли бы и пойти куда следует, сказать правду!

Забавно это выглядело.

– Зря я так Альдегидовну беспристрастно в столовой защищал, – сказал я Кленову, вдохнув майский воздух, стоя на ступенях крыльца. – Все–таки чмо редкостное.

Мы злобно засмеялись.

Учебный год закономерно подошел к концу. Начинаясь дичайшая экзаменационная пора и подготовка к Выпускному.

Первый экзамен по русскому получился замечательным.

Несчастный упавший потолок в одном из многочисленных кабинетов, захваченных учителями, строящими из себя музыкантов и искусствоведов, послужил причиной незапланированного закрытия школы. А потому 28 мая все девятиклассники в веселом и очень взволнованном расположении духа пришли в уже опустевшую от обычных уроков школу.

Я приехал вместе с Кленовым, сильно беспокоившимся об экзамене по предмету, который он искренне не любил.

– Я вчера по всем сайтам смотрел, – вещал он. – Ответы нашел на двенадцать вариантов. Пипец просто! Не знаю, может быть получится списать...

Во дворе школы галдели озабоченные дети. Мы с Кленовым гордо растолкали всех и зашли в фойе. Завуч невозмутимо наблюдала за местными толпами.

– Что-то Кленов с Князевым непривычно поздно. Не торопитесь на экзамен?

– Да что хоть вы, Валентина Геннадьевна, – отмахнулся Кленов. – Полный бред это, а не экзамен. Давно отменять их

все пора!

Я улыбнулся на агрессивную перемену его настроения, не снимая своих солнечных очков (погода к этому располагала). Во всем помещении кучковались одноклассники, пересчитывающие черные гелевые ручки, находящиеся в ужасном изобилии, как на восточном базаре. Кленов перед завучем громко критиковал всю «прогнившую с низу до верху систему», а я решил пройтись между этими кружками заговорщиков. То тут, то там взлетали бумажки разной степени чистоты и заполненности – многочисленные столбики ответов пестрили в опьяненных глазах экзаменуемых.

Стали проводить переключку, которой Кленов успешно умудрился начать руководить.

– Бестолочь... – прошипел он на крыльце. – Буднин здесь? Германа не было.

– Валентина Геннадьевна, Буднин еще дрыхнет! – крикнул Кленов завучу. – Надо бы позвонить... – шепнул он мне.

На звонки Герман ожидаемо не отвечал. Переживаний по этому поводу ни у кого не было – все занимались попытками вспомнить, что такое «изложение». Я с любопытством всматривался в малознакомые фигуры девочек из параллельных классов. Кленов же с очень серьезным видом осматривал толпу, выявляя отсутствующих – он знал всех в лицо. Наконец с неторопливой походкой, плавно вывернув из-за угла, вышел Буднин, одетый абсолютно casual.

– Идет! – завопил Кленов. – Только тебя и ждем, дурака!

Да сними ты эту лапшу с ушей!

Слушая кленовскую критику Германа, вся масса школьников пришла в движение по направлению к пункту проведения экзамена, до которого нас довели известная читателю химичка и учитель биологии... Это даже не «вода и камень, стихи и проза, лед и пламень», это Небо и Земля, это изюм и виноград, это мертвая вода и живая, это училка и Педагог...

Впрочем, именно Надежда Андреевна, учитель биологии, повела нас до места экзамена дворами, мотивируя свои действия словами: «Да тут не далеко, а проветриться вам полезно. Прогуляемся и у вас сразу активность мозговая повысится». Шла она и правда грациознее и бодрее всех, хотя уже через четыре минуты некоторые дети начали тяжело вздыхать. Ее лицо, также скрытое за солнечными очками, было озарено довольной улыбкой от происходящих «израильских скитаний». Снежана Петровна замыкала колонны где-то сзади, возможно неосознанно отставая.

Счастливые девятиклассники, завершившие свои мучения, вошли во двор нужной школы. Организация проведения была ужасной – списки, распределяющие по аудиториям, находились на маленьком крыльце здания, отчего возникла толкучка из сотен детей. В ожидании своего сопровождающего до аудитории мы с Кленовым общались с Надеждой Андреевной, живо интересующейся, где мы достаем ответы (как оказалось, на биологию она берет там же).

Началось время прохождения фейс-контроля, металлоис-

кателей и другого шмона. Нам с Артемием выпало сесть в одной аудитории – добрый знак. Зайдя в кабинет, я выбрал свою любимую первую парту (мои очки жестоко отобрали!), Артемий сел так, чтобы видеть меня. Позволили выйти и осмотреться. Туалеты прекрасные, спрятать в которых ничего нельзя (ни одного потайного угла, даже перегородки, разделяющие кабинки были убраны! Это очень заинтересовало меня с правой стороны, как вице–спикера Школьного Парламента).

– Батюшки мои, – сказал я Кленову. – Все мои тут товарищи!

Я указал ему взглядом в разные стороны коридора, где стояли Спикер Парламента Вячеслав Суботин, секретарь Инга Камышева и пресс–секретарь Матвей Фиолетов.

– Сразу видно, дебилы, – процедил сквозь зубы, с очень смешным посылом, Артемий, обращая свои комментарии в первую очередь к мальчикам. – Ну, этот вообще, – кивнул в сторону жестикулирующего Фиолетова. Удивительное свойство Артемия судить о людях негативно без знакомства с ними, меня всегда смешило.

Вернулись в аудитории. Заняли места согласно жеребьевке. Нам прочли инструктаж и выполнили прочие формальности. Вскрыли пакеты, зачем–то показывая их на камеры – будто мы дураки, и не видим, что камеры не работают...

«Господи, благослови всех, кто сдает сегодня экзамены, дай *их успешно завершить*. Не оставь никого без Твоей по-

мощи и дай каждому терпения. Будь и со мной... Аминь,» – проговорил я про себя.

Артемий загорелся от счастья, когда началось чтение изложения. Ведь мудрость нашего учителя подсказала ей дать однажды нам именно такой текст для тренировки. Впрочем, от этого не легче, некоторые его забыли – а слово «томик» (*книжный*) интерпретировали как: тобик, домик, ломик, сомик, комик, гномик и прочими вариациями...

Сочинение по шаблону мне никогда не нравилось, ибо стиль в нем похрамывает, но и с ним я справился. Кленов сосредоточенно пыхтел над работой. Я же принял решение покинуть аудиторию после двух с половиной часов.

В кабинете для ожиданий было уже много людей. Я, немного утомленный, занял уютное местечко в уголке кабинета, положив голову на плечи учениц нашей школы. Мысли подозрительно двигались в сторону анализа перспектив образования в Музыкальном Колледже, но в теплых плечах одноклассниц они быстро утонули...

Через полчаса уснувшего меня растолкал Артемий. Его лицо пылало, а в глазах чувствовалось бунтарское ощущение свободы. Мы вышли из школы, напоминающей режимный объект с многочисленными пропускными пунктами. Во дворе агрессивно светило солнце, отэкзаменованные дети стояли в тени деревьев, обсуждая свои ответы, часто разочаровываясь в них. По двору, видимо больше всех обласканный

солнцем, носился Буднин, горляня изо всех сил: «Я свободен!»

– Ариночка, зайка моя! – прошептал Артемий фальшиво–слащаво. – Со всем справилась?

– Конечно... – ответила она гордо, но немного одурманено.

Мы стояли в тенечке крупной компанией, переговариваясь о результатах и наблюдая, как местный вахтер пытался выгнать опьяненного счастьем финала Буднина с территории. Я высокомерно кивнул проходящему мимо нас Суботину и чуть более дружелюбно поздоровался с Фиолетовым, хоть уважал его меньше.

– Иди, иди... Академик, – кинул ему вслед Артемий. Я удивился.

– Хоть бы познакомился с ним, – заметил я, увлекая за собой Кленова из компании. Он же захватил еще и Арину.

– Надо бы как–то отметить, – предложил он закономерную вещь.

– Прекрасная идея! Вы идите пока в магазинчик, а я дела доделаю...

Они направились согласно зову природы, я же собрал еще немного впечатлений, убедил Буднина пойти домой и просто попрощался со всеми.

– Саш, – окликнул меня голос. Я повернулся. Передо мной стояла Инга, секретарь Парламента.

– Приветтики, – я надел очки, скрыв свои глаза. – Как успе-

хи?

– Вроде ничего... Ты куда сейчас?

– Прогуляюсь с Кленовым... Знаешь его... Поболтаем, поедим чего-нибудь. Расслабимся в общем, – улынулся я.

– Как хочешь, – улыбнулась в ответ она.

– Или у тебя были какие-то предложения? – спросил я, подняв игриво очки.

– Нет-нет, – рассмеялась она. – Давай, до встречи на следующем экзамене.

– Ну, ладно... Пока, пока.

С Кленовым и Ариной мы прогулялись не плохо. Излюбленное действие Артемия – паломничество по всем магазинам округа, – приняло в тот день невиданный размах. Так был он счастлив, что пережил русский...

Остальные экзамены сдали достойно. *Все смогли их успешно завершить.*

Муторнейшей частью конца 9-ого класса был Выпускной и подготовка к нему. Уж и натерпелись мы с Артемием за это время – и на нас орали за «дезорганизацию активных масс», и мы орали, стремясь «активные массы» организовать обратно. В какой-то момент весь этот увлекательный процесс полностью мне опостылел, и я решил не принимать участия в напряженной самодеятельности с песнями под гитару – сам формат меня бесил, возможно не вполне справедливо. Артемий же расцвел и соколом смотрел на каждый из немногочисленных номеров Последнего звонка, как на свое режиссерское детище, хоть и причастен к ним не был...

После успешно сданных и практически для всех легких экзаменов наступил волнительный день вручения аттестатов. Мне лично было как-то наплевать, даже прекрасное чувство *завершения эпохи* не позволяло расцветать в сердце ностальгии и грусти по одноклассникам, с которыми я расставался. В этом не было ничего страшного – Земля круглая, с любым человеком можно спокойно пересечься.

Я поднялся рано, собрался быстро и пешком пошел в назначенное место. Семья прислушалась к моим желаниям с уважением, и потому решила не посещать это мероприятие – приятно, когда твое мнение учитывают в такой многообещающий день и дают свободу. Прохладный ветерок обдувал

мое невольно сияющее лицо, придавая дополнительной скорости. Вскоре я пришел в отель. Артемий уже копошился с классическими ленточками «Выпускник» и еле убедил меня надеть одну из них, хоть мне она и не шла. Пестрые выпускники белого цвета шныряли между рядами зала в сладостном волнении. Учителя, классные руководители, директор и *химичка* с сияющими лицами коршунов смотрели на повзрослевших птенцов.

– Саш, подпиши этот бланк с итоговыми оценками, – выловила меня мой классный руководитель.

– Опаздываете сильно, – пожурил я с добрым юмором. – Аттестаты уже напечатаны, а оценки только сейчас проверяете! – и не глядя подписался в отведенной клеточке...

Официальная часть прошла очень мило – аттестаты вручили; за грамоты, дипломы и благодарственные письма поощрили аплодисментами; проникновенные слова, пробивающие слезу или грустную улыбку, сказали. Неофициальная часть с шуточными номерами тоже была воспринята положительно – все ведь старались, благодаря учителей за тяжелый труд в стихах.

Дальше фотографирование, запуск шаров в небо, разговоры, проводы сначала учителей, а потом родителей.

– Вы гулять пойдете? – спрашивала нас классный руководитель.

– Да разве это «гулять», мы же подписали бумагу о том, что никакого алкоголя, – отвечал ей с задором Юрий.

– Ну, ну! Смотрите у меня, – улыбалась нам она.

Когда поредевший класс остался на воле, Юрий спросил:

– Ну что? Как договаривались?

– Конечно, только адрес кинь.

– Сейчас...

Как можно понять, веселье только начиналось. Юре удалось снять домик и с помощью друзей из учреждения Среднего профессионального образования наполнить его разнообразными горячительными напитками. Кленов не захотел ехать, поэтому я пошел проводить его до автомобиля с родителями.

– Завтра документы с 9 до 12 подаем на 10–ый класс, – сообщил он и так известную информацию.

– Да ладно. Пусть попробуют не взять! – усмехнулся я.

– Тогда уж мы все вспомним им! – погрозил он.

– Куда хоть денутся, возьмут...

– Конечно, фикция сплошная этот конкурс. Хоть с улицы приходи...

За нашей иронией все равно скрывалось некоторое беспокойство. Артемий реально переживал за конкурс. При всем своем пробивном характере ему было трудно устраиваться в новом коллективе и атмосфере. Мы попрощались. Он поехал праздновать в своем семейном кругу, а я запрыгнул в такси и поехал на праздник в «кругу широком»...

Таксист не давал мне скучать, поминутно задавая самые

нелепые вопросы.

– Школьник?

– Как видите, – ответил я на глупый вопрос – лента «Выпускник» была на мне.

– В истории разбираешься? – повернулся он, продолжив вести автомобиль.

– Относительно, – скромно отвечал я, кивая, чтобы он смотрел на дорогу.

– А сколько генералиссимусов было в России? – спросил таксист, все еще смотря на меня и не сбавляя скорость.

Я взглянул на него осуждающе, беспокоясь о безопасности, но ответил:

– Пять.

Он озадаченно вернулся к обзору дороги.

– Сталин, Суворов, Меншиков, воевода Шеин и принц Антон Ульрих Брауншвейгский, – отбил я по порядку. Удивленный и раздосадованный моей неожиданной эрудицией таксист молча довез меня до места назначения, жалея о несостоявшейся, но точно приготовленной лекции «глупому школьнику».

Дом был большим и даже немного красивым. Справа пристроена летняя веранда, на которой чем-то занимались довольные девушки. Я зашел туда с пакетами какой-то ерунды, купленной в местном магазинчике.

– Спасибо, – ответила *распорядительница*, приветливо

меня обнимая. Легкий запах алкоголя щекотнул нос.

– Где же мужская часть нашей компании? – спросил я. – Или у вас на меня слишком большие планы?

Усмехнувшись раскрепощенно девушки отправили меня в баню (буквально), с которой возились мальчишки. Свежеиспеченные выпускники веселились, размахивая топором в попытке попасть по дровам. Не желая принимать участия в растопке бани и осознавая, что подобное мероприятие может скомпрометировать меня, я отогнал Юрия от мангала и решил заняться кулинарией, сделав хоть что-то полезное для окружающих.

Не знаю, где я этому научился, но куски мяса ловко налезали шампур за шампуром и ровными рядами лежали над дымящимися углями. Мясной сок капал на них и вкусный запах разносился по всему участку. Аромат мяса потихоньку отвлекал мальчиков и притягивал внимание девочек. Получилось очень неплохо. Через определенный срок все с аппетитом набросились на это дикарское блюдо, сопровождая потребление баранины большими глотками красного вина (весьма хорошего). Болтали о всяких глупостях около часа, перебирая истории пролетевших девяти лет. *Когда же достали гитару и приготовились горланить заезженные песни, по какой-то причине считающиеся классикой свобододобивой души искателя светлой истины, я начал думать, как покинуть эти проводы молодости...*

Случай представился одновременно удачно и огорчитель-

но. Заглянув в очередной раз в аттестат, я заметил жестокую шутку судьбы – напротив предмета «История» было отпечатано «4 (хорошо)». Сказать, что это оскорбляло мое самолюбие, не сказать ничего. У меня была твердая 5! Я тут же вышел из-за стола, не дожидаясь кульминации и появления на рукаве группы крови. Тет-а-тет с *распорядительницей* я рассказал свою печальную историю.

– Не разнесите дом и баню не сожгите, – улыбнулся ей я, еще раз обнимая. – Завтра с 9 до 12 документы. В беседу скину перечень, а сам поеду разбираться с беспределом в мой адрес!

Проводить меня вызвалась малознакомая девушка с длинными ногами, вульгарно подчеркивающая их масштабы короткими шортами. Я не стал спорить с ее уже затуманенным разумом. С участка специально вышел не на главную дорогу поселка, а во внутренние улицы. Шел быстро, она еле-еле успевала бежать за мной. С чувством знатока местности я повернул направо и вышел к плавной реке.

– Даш, давай аккуратнее! – недовольно шикнул я на свою сопровождающую, чуть не свалившуюся с крутого берега в реку.

Мы шли дальше по направлению куполов местной церкви.

– Мог бы и остаться, – сладко говорила она. – В баню почему не пошел?

Я не отвечал. Новое такси уже меня ожидало.

– Я и не знала, что тут такая церковь есть! – продолжала

она, охватывая взглядом большой храм из красного кирпича. – Древность какая...

– Это псевдорусский стиль, – ответил ей я. – Конец XIX века. Ничего древнего.

Она недовольно посмотрела на меня. Дошли до такси.

– Ну, давай, пока, – уныло проговорила Даша, плотно меня обняв. Я погладил ее широким движением, начиная со спины.

– Пока, – сказал самодовольно и запрыгнул в машину.

– Даже не спрашивайте, – улыбнулся я таксисту.

В школе я промучился несколько часов, рассказывая сначала завучу, потом директору, потом заведующей канцелярией, а потом и случайно попавшимся учителям о таком халатном отношении с, между прочим, их стороны! Все-таки тогда, когда мне дали подписать ведомость об оценках, чтобы проверить их на соответствие действительности, аттестаты уже были готовы – а это является халатным исполнением своих обязанностей... Его мне так и не восстановили, и я помню это до сих пор. Порою просыпаюсь ночью в холодном поту и думаю об этой незаслуженной 4 по истории... Обидно. А еще обиднее, что никто никак не желал исправлять ошибку¹¹.

Возвращался домой я уже в сумерках майской ночи. Хру-

¹¹ Да-да, автор все помнит!

щевки окружали мой путь, лишенный романтики. Дикая день, лишенный настоящего смысла... Все окна светились, и были видны фигурки копошащихся взрослых, играющих детей, и напряженно всматривающихся вдаль стариков, ожидавших неминуемого... Я шел обычным для себя быстрым шагом, во дворах еще сидели шумные компании бездарно расслабившихся людей. Проходил мимо местного храма.

«Вот так и прошел день, Господи, – усмехнулся я про себя, останавливаясь напротив ворот в церковь. – Как-то все очень уныло и не внушает надежды, Тебе не кажется? Давай как-то это исправлять...»

Я аккуратно и едва заметно перекрестился, продолжая: «Помоги тем, кто сегодня «отдыхает» и празднует окончание учебы, помоги им избежать неприятностей и ошибок, подскажи каждому правильные решения. Помоги попасть всем желающим в десятый класс. Спасибо за сегодняшний день, сделай так, чтобы я не был таким, как они. Аминь».

6

Лето получилось очень коротким. Из-за экзаменов, выпускных, подачи документов в 10 класс, споров о неправильном аттестате (я все еще помню о нем) на отдых в классическом понимании осталось только два и то неполных месяца...

Одну часть лета я провел на даче, занимаясь увлекательным и полезным сельским хозяйством, читая книги и пытаюсь писать какие-то рассказы. Я совсем недавно открыл в себе склонность к писательству, хотя моя натура, казалось, располагала к этому всегда. Я любил наблюдать за людьми и делал это постоянно – в транспорте, магазине, школе, на концертах и спектаклях, даже богослужениях. Это было весело и забавно. В какой-то момент, под влиянием определенных людей, с которыми меня связывали самые теплые отношения, я опробовал перо. По свидетельствам некоторых лиц вышло прилично и даже здорово для четырнадцатилетнего подростка. А меня лишь стоит похвалить и все – талантом заполняется душа и мысли только о совершенствовании себя на этом поприще. Короче, хорош литературный путь. Только поэзию я не любил, но жизнь подтолкнула и к этому искусству – дурно или нет, судите сами, но позже...

В деревне всегда уютно, тепло и радостно – с собакой можно повеселиться, с соседскими козликами. Курицу с де-

душкой нашли, заблудившуюся, и, разумеется, приютили, обогрели, откормили. Даже летать начала, правда, может быть, вполне вероятно, не от куриного счастья...

Гораздо интереснее и благочестивее моего выпускного было такое же мероприятие в семинарии Лимской епархии. Мой дедушка с благолепной для этой среды фамилией являлся уважаемым всеми преподавателем церковного пения – дисциплина, через которую проходили все пастыри, даже не имевшие природных данных, но вынужденные изрекать из себя нестройные звуки песнопений. Эту школу проходил каждый, и потому мой дедушка был узнаваем всеми священнослужителями, благодарными за постановку голоса и просто доброе и юморное отношение к студентам.

Церковь, как организация, всегда притягивала меня. Множество учебной, публицистической и художественной литературы окружало мое детство, и я рос в библиотечной атмосфере, с аппетитом поглощая качественно отобранные шедевры – это выработало эстетический вкус, интерес к истории и искусству, а также послужило подспорьем для формирования снобистской личности с запредельным цинизмом, иронией и самомнением... Однако, при всем таком «неблагоприятном влиянии» преподавательской интеллигенции XXI века, в меня была вложена та частичка связи с вечной истинной Веры, что все мои слабости жестокого человека перечеркивались внутренней добротой, глубокой

способностью к состраданию, обостренным чувством справедливости, залихватским благородством и другими нравственными качествами, исключая, как видите, скромность...

Вся семья имела отношение к Церкви – преподавали, служили, пели, – и я не прошел мимо, в будущем посвятив себя служению этой единственной Истине. Говорить о жизни в Боге с литературной точки зрения не так интересно, как описывать путь человека к Богу – сразу появляется упрощенность миропонимания и рассуждение на излишне профессиональные темы, понятные лишь причастному... Поэтому с таких позиций моя жизнь, как часть литературного достояния, мало привлекательна, ведь я без критики и томительного анализа принял в себя это простую философию, ведь по Учению Двенадцати Апостолов есть два пути – путь жизни и путь смерти. Первый путь строится на трех заповедях – любви к Богу, любви к ближнему, как к самому себе и отношении к людям также, как хотелось бы отношения к себе. Это простая мораль, где каждый атеист–скептик может заменить «любовь к Богу» любовью к природе и окружающему миру, при том остальные установки более чем правильны, человеколюбивы и приемлемы для Настоящего человека, даже в Бога не верящего.

И все же кроме такой примитивной философии (ее присутствие оградило меня от *проблем подростка*, когда *амбиции хотят всего, но обстоятельства губят любую инициативу*), я с благоговением принимал другую сторону веры

– посещение храма. Постоянно мною овладевало состояние умиротворения и покоя, когда стройными голосами возносились молитвы и грамотный хор пользовался удивительными распевками, стройно переливающимися под куполом. И не говорю уже о волшебной поэтичности, архитектурно сопровождающей русские храмы, каждый из которых смотрится настолько уверенно на своей земле, что действительно представляется оплотом и домом для нуждающейся души.

Выпускные семинарии тоже обладали торжественностью, размеренностью и светлым благодатным весельем православного человека. Радующиеся бакалавры–богословы с непривычно умными для студентов лицами и вдумчивыми взглядами, отстаивали последнюю для себя службу в семинарском храме, несомненно, размышляя о пролетевших годах обучения. Выслушивали наставление правящего архиерея, шли в трапезную, где в мягкой обстановке болтали друг с другом, своими приехавшими родственниками, преподавателями просто друзьями и младшими коллегами, и воодушевленные последними пятью часами поднимались в актовый зал, получали дипломы, делали фотографии и давали камерный концерт, демонстрируя главный инструмент миссионерского влияния – голос.

В такие дни, видя эти счастливые лица с добрыми улыбками и во многом наивными умами, меня захватывало стремление стать достойной частью этого мира...

Другой важной частью моей жизни была музыка. Моя семья с ней также была неразрывно связана, из-за меня обрели на учебу в общеобразовательном учреждении, важной частью которого было музыкальное отделение – признаться честно, весьма и весьма сюрреалистическая структура.

Музыка в школе – это абсолютно удивительный мир со странностями, бредовыми решениями и вечным восприятием учителями себя и своего предмета центром Вселенной. Бесило меня всегда это очень знатно, а потому при всех своих врожденных музыкальных талантах наиболее полно мне удалось развить только голос (и то из-за личного рвения). Да, я играл на фортепиано, но скорее мой стиль можно было назвать игрой на «пианине». Если честно, меня заставляли – я всю жизнь мечтал учиться играть на скрипке и, наверное, из меня бы вышел толк. Лишь благодаря собственной настойчивости мне удалось заполучить этот великолепный инструмент и заиграть на нем.

Вообще Музыка – это вершина человеческого восприятия и понимания мира путем чувств. Любой дурак может сложить из разнообразия слов стихи и прозу, а из обилия цветов и их оттенков нарисовать картину... Во всяком случае сможет убедить всех в гениальности своего абсурдного и бездарного труда, похожего даже на неумелую мазню. Но вот создать из семи нот шедевр «серому» человеку не получится. Все великое идет от Бога, а для скептиков – от Вселенной...

В стихах Пушкина, в творчестве Тютчева, в произведе-

ниях Уайльда и Толстого каждый видит совершенно неожиданные и потому гениальные решения. Следование золотому сечению в ритме поэзии; революционные, потрясающие сознание, философские находки (строчка «Анны Карениной»: «Все смешалось в доме Облонских...» – это не про бессмысленную семейную измену, а про взлом социального устройства, «дом Облонских» равно «Россия»!) – все это случайные для авторов гениальности, вложенные Свыше, которые, однако, могут находиться осмысленным путем (осмысленный символизм и Гений человека–прозы прекрасно отражается в кинематографе, а творения истинного художника поддаются логике и расчету)... И лишь Музыка, как основа жизни появившаяся вместе со Вселенной, в своей гениальности неподвластна разуму.

«В начале было Слово...» – начинается Евангелие от Иоанна, но в древнегреческом тексте стоит λόγος, переводящийся как утверждение, смысл, система. Система... Из всех искусств только Музыка живет в строгой системе звуков и при этом только Музыка создается исключительно чувствами, лишенными осмысленной математики. Не случайно Баха называют «пятым Евангелистом», потому как глубина и поражающая воображение структура его сочинений делают с человеком невероятное (можно долго на примере его произведений вести богословские споры на тему метаний человека между Богом и Дьяволом, Светом и Тьмой, Добром и Злом).

А Бетховен? Посвящает «Лунную сонату», со всеми тремя частями сонатной формы, волшебному и действительно единственному божественному чувству – Любви. В этой сонате и терзания, и страдания, и депрессия, и ностальгия, и принятие, и захоронение своего чувства, лишенного перспектив... Самыми тонкими и несчастными оракулами Любви в мире Абсолютной музыки был именно рыцарь–Бетховен с мужской суровостью и с мужской же романтичностью, а также сентиментальный (и в этом гениальный) Шопен – такое понимание Любви через Музыку, как и все понимание мира, не было плодом человеческого разума, а лишь продуктом чувств, появившихся не от мира сего.....

Так вот. Все это великолепие, вся эта сладость и удивительная сила Музыки, как способа общения Бога с абсолютно любимым человеком, – все в моей школе забывалось. Вряд ли в этом виноваты педагоги–музыканты – и среди них было много людей с чистой любовью к этому искусству, – но уставшие и потерявшие огонь педагогики–пенсионеры точно не могут вложить в неокрепшие умы семилеток уважение и благоговение... Только Музыка может воспитать человеколюбие. Школьная же «самодеятельность», по какой–то непонятной причине навязываемая всем желающим и нежелающим, была очень комична и откровенно, хоть и незаслуженно, многими презираемая... Но все равно, как в минуты легкого счастья хочется петь, так и в минуты тяжелых раздумий и редкой душевной радости хочется подойти к музыкально-

му инструменту...

Также мне удалось съездить в Восточную Европу. Моя любовь к изучению людей и внимание к мелочам архитектуры и природы сыграли большую роль в формировании впечатлений. Ничего примечательного для сюжета в ней не было, но как вкусный факт жизни она показала себя безумно прекрасно. Расскажу маленький эпизодик...

Я, обожающий архитектурные ансамбли городов, гулял по самому центру чистого, светлого, ухоженного города Минска в гордом одиночестве. Делал фотографии, смотрел на людей, слушал некоторые разговоры...

Дошел до Администрации Президента. Классическое здание постсоветской бюрократии с абсолютной симметрией и полным единообразием. Как такое не запечатлеть? Направляю камеру, делаю несколько снимков, вожусь минуты две... Вдруг ко мне направляется какой-то мужчина.

– Молодой человек, что вы здесь делаете? – грубовато звучит.

– Гуляю, фотографирую... – немного замешкался я.

– Дайте телефон, – грозно требует он.

– С какой стати? Вы вообще кто такой, мужчина? – спрашиваю я на удивление самоуверенным голосом, хотя внут-

ренный параноик (я подросток в чужой стране, а где в это время родственники не особо ясно) уже вознесся в Лимск, убежал домой и накрылся одеялом в постели.

– Покажите–ка лучше ваши документы... – мерзко говорит он, полностью уверенный в своих силах. Смотрел на меня, как будто подобное происходит постоянно.

Я не стал сопротивляться, поняв, что все относительно законно, и протянул ему свой паспорт в обложке. Когда паспорт был открыт, лицо гэбиста медленно расплылось в кислой гримасе. Гражданство РФ сильно расстроило его. А то, что я несовершеннолетний, и вовсе разочаровало.

– Фотографии удалите, пожалуйста, – тихонько и вежливо проронил он, но голос оставался металлическим, а взгляд полным какой–то враждебности. – Нельзя фотографировать режимные объекты Белоруси.

Я удалил фотографии при нем (он тщательно все перепроверил из моих рук) и поспешил убраться подальше.

Так российское гражданство спасло меня от неприятностей. Люблю свою страну. Где бы ты ни был, в каком месте нашей планеты не пил какао или фотографировал домики чудной постройки, всегда есть чувство, что ты представитель огромной страны, спокойной как медведь лишь до того момента, пока ее не разбудят. Такой у меня – великодержавный шовинизм.

Десятый класс начинался 1 сентября, как и положено начинаться любому другому классу. Классовый подход в общеобразовательных организациях был во много раз страннее интерпретации Карла Маркса. Разделенный по непонятной системе профильного образования, лишенный половины старой гвардии, ушедшей в другие школы или техникумы, мой бывший 9 «Б» практически в равном количестве голов представлял себя в информационно–технологическом и социально–гуманитарном классе. Еще и совершенно бесполезный конкурсный отбор – *зачем устраивать конкуренцию в 10 класс, если аутсайдеры все равно пожалуются начальству на ущемление своих прав и благополучно попадут в итоговые списки? Если уж устраиваете конкурс, то говорите «нет» уверенно. А так – и начинать не стоит...* В этом мнении мы с Артемием были едины, хотя мне с ним (а точнее ему со мной) довелось попасть в социально–гуманитарный класс под руководством Миланской даже в «первом туре» и бес скандалов. По какой–то необъяснимой причине наше с ним нахождение в одном пространстве воспринималось всеми как взрывная смесь. Удивительно...

– Так, дети, хватит на солнце греться, места занимать идите, – подошел я к своему классу.

– А поздороваться? – повернувшись, усмехнулась мне

Миланская.

– Ой, Людмила Николаевна, – делая вид, что удивляюсь ее присутствием, отвечал я, добавляя с такой же обворожительной улыбкой: – Просто принял вас за новую одноклассницу!

Тут же присоединяется Артемий, бубнящий:

– У–пэ–эсы какие–то, АХТ, черти что! Учиться нормально хоть когда будем? Посмотрел в расписание, там литератур всяких, русских, и фигни другой восемь часов в неделю! Милые мои!

Справедливое возмущение от такой «филологической программы» никогда не оставляло Артемия. Он встал в жесткую оппозицию к этим достойным предметам, отчаянно не признавая безусловную пользу, которую дарил нам учитель, даже Педагог, уделявший внимание каждой мелочи и крупнице нашего образования.

Еще несколько сюрпризов принес День знаний – Вячеслав Субботин перевелся к нам в школу и оказался в моем классе, а Инга и Матвей Фиолетов очутились в информационно–технологическом. Артемий сразу же со звериным оскалом хищника начал смотреть на Матвея, как не на самого социально приспособленного человека.

В один из теплых сентябрьских деньков к нам в школу приехала плановая проверка. Ее ждали и поэтому превратили обыкновенную, задрипанную несколькими неделями от

уже успевших пролиться слез учеников, школу в то, чем она должна быть постоянно.

Величайшим стратегическим достижением школьной администрации того года было закрытие мужского туалета на втором этаже моего корпуса. Это сумасбродное решение мотивировали вполне объективными причинами. Отремонтированный туалет с кафельной плиткой, побитой активностью школьников, и приличным освещением выходил своими пластиковыми окнами на главную улицу города. Разумеется, ни один уважающий себя старшеклассник не мог устоять от соблазна крикнуть крепкое словцо, сопроводив его полетом какого-нибудь предмета, оскорбляющего достоинство прохожего. Поэтому «гении педагогики» посчитали правильным решением туалет запереть на замок. И пусть в этом вопросе мы пытались спорить, но с невозмутимым и непробиваемым видом нам постоянно отвечали: «Туалет на ремонте, откроем, когда все сделаем», – отвечали невозмутимо и с таким чувством гордости за этот «гениальный» ход обмана детей, будто не преподавателями были, а какими-то лживыми и закрученными на себе и своим ограниченном школой мире оборотнями...

Легко догадаться, что в день проверки ситуация изменилась кардинально.

– Как преобразилась Гимназии при Сергее Семеновиче, – говорил я на распев, заходя в класс русского языка и литературы после звонка. – Мария Леонидовна, не школа, а ат-

тракцион какой-то, стоило из столовой выйти так сразу...

– Мама дорогая, – ворвался вслед за мной Артемий. – Вы гляньте-ка, и кулеры поставили на каждом этаже, природа так очистилась, что в туалетные кабинки вернулось мыло с туалетной бумагой...

– А самое главное, Артемий Алексеич, – подхватываю я. – Сидят внизу с документацией. Я предлагаю пробежать у них с криками «Мы голодаем!». И да, конечно же, туалет родной наконец открыли! Нашлись-таки деньги на ремонт.

– Ну да, ну да. Проверка деньги привезла, – вмешивается Мария Леонидовна, не сдерживая доброй улыбки. – Так и будете в дверях стоять или пройдете? У нас тут для вас самостоятельная!

Не любим и одновременно любим за это мы уроки у Марии Леонидовны. Уставшими не оставит, всегда будет какая-нибудь проверочная работка на десять минут, дабы и оценку получить, и настроение поднять – неизвестно, правда, кому. Но Мария Леонидовна постоянно улыбается в такие моменты...

– Опять? – мычит Артемий недовольно.

– Не опять, а снова! Листочки возьмите.

– Дай телефон, – шепчет мне Артемий и, забирая это чудо-чудесное, идет к себе на последнюю парту.

Пишем тест по литературе по образцу ЕГЭ. Рядом озабоченно пыхтит моя соседка, удивительно эмоциональный человек, заразивший этим и меня.

– Римма, – шепчу я. – Что в восьмом номере? *«Как называется персонаж, упоминающийся в тексте пьесы, но не появляющийся на сцене?»*

– Второстепенный? – как-то неуверенно произносит она. Я смотрю на нее ироничным взглядом и, как оказалось, обворожительно спрашиваю:

– А не внесценический?

– Ой, не знаю, – отмахивается она.

– Ладно, доверюсь твоему авторитетному мнению, – дразню я ее просто так.

Сдавая работы, мы столкнулись с Кленовым.

– Все загуглил, пять получил, – оскалился он, тихонько отдавая телефон. – Спасибо.

– Что в восьмом?

– Внесценический какой-то...

– Так и думал, – хихикнул я.

Вернувшись на место, я шепотом (очень лицемерным шепотом), проговорил:

– Ох, Рима, Рима... – смотрю на нее уничижающим взглядом. – Подставила ты меня, ох как подставила!

Так вот незатейливо началось наше общение, природа которого до сих пор мне не ясна. Но внушаемым и поддающимся влиянию других людей существовать всегда непросто, моя же склонность к манипуляциям человеческими чувствами подвела к обрыву и научила быть мягче, но об этом потом...

После урока я случайно попал в завершающую стадию проверки. Директора в школе не было при этом торжественном моменте, поэтому роль презентующего все выдающиеся стороны школы выполняла с большим достоинством завуч Валентина Геннадьевна.

Спустившись на первый этаж к столовой, послушав параллельно крики счастливых мальчишек об открытии туалета (бездарная проверка на это глас народа не обратила внимания), я попал в длинную очередь к запертой святой–святым любой школы.

– Проверка внутри, – пояснили мне некоторые учителя, стоящие в толпе.

– Ага, сами же процесс и нарушают, – потянулся я.

Из двери вышла Валентина Геннадьевна.

– Траву покрасили для них? – участливым громким шепотом спросил у нее я.

– Так, Князев! – спокойно отвечала она, не обращая внимания на улыбки учителей. – Сходи–ка от физкультурного зала возьми ключи.

И я пошел осматривать физкультурный зал вместе с проверкой. Дверь со скрипом отворилась, долго не могли найти выключатель, а потому мне пришлось лезть незаметно в щиток, чтобы школу не посрамить. В зал впустил сначала завуча, потом проверяющую. Последней дверью чуть каблук не отломил. А так ничего интересного. «Потемкинские деревни», увы, даже при системе Божесова процветали...

Поразительной частью жизни школы были олимпиады школьников. Эти штуки гораздо страшнее любой контрольной и экзамена для тех, кто шарит в предмете, ведь на олимпиадах постоянно приходилось доказывать свое превосходство и конкурировать с такими же умными сверстниками в глазах азартного учителя.

По объяснимой причине в мои конкуренты все единодушно записали Матвея Фиолетова и Вячеслава Субботина на три месяца. Лично они были полными моими противоположностями и, разумеется, из них Вячеслав производил более приятное впечатление осмысленного человека, не лишённого дарований, чем Фиолетов, который отталкивал отсутствием самоиронии, само же их вторжение на территорию моей гегемонии пробуждало чисто инстинктивную вражду. Хотя в Артемии недоброжелательности к обоим было гораздо больше я всего лишь мягко показывал, кто в доме хозяин, при этом улыбаясь оппонентам, а Артемий откровенно зубоскалил, хамил и троллил каждого из них, и делал это очень виртуозно.

Чисто технически, мои взаимоотношения с ними, и вообще отношение к новым людям в новом коллективе, интересная тема для социального произведения, обличающего жестокость общества и тяжесть акклиматизации. Но, честно

говоря, эти люди не заслуживают повышенного внимания с моей стороны. Матвей не заслуживает из-за отсутствия в себе привлекательности и харизмы, в то время как Вячеслав, действительно обладающий приятными свойствами, просто неважен для моей основной истории. Скажу о нем только одно – будучи человеком умным и наивно целеустремленным (местами даже романтичным), он вынужден был посоперничать со мною, проиграв мне в успеваемости и успехах на всех уровнях олимпиад по истории, искусству, праву. Хоть на самом деле, Вячеслав разбирался в этом лучше меня, просто ему не хватало терпения и умения приспособливаться к требованиям – оппортунистическим лицемерием я обладал в непревзойденном совершенстве с малых лет... *Я люблю людей*, поэтому совершенно спокойно здоровался с ним и улыбался при разговоре. Положительная энергия в нем точно присутствовала. А вот Матвей был непробиваемым. «Дебил» – как говорил о нем нараспев Кленов, хоть мое человеколюбивое сознание было против такой оценки.

1 октября был школьный этап олимпиады по литературе. Четыре урока анализа высокоморального и остросоциального текста или простенького стихотворения и творческое задание по составлению сборника произведений литературы, в которых фигурировала музыка. Как всегда муторно, но пропущенные по уважительной причине уроки математики того стоили.

Артемий на такие мероприятия не ходил – гордость не позволяла заниматься анализом литературы. Поэтому Буднин заменял мне его общество. Просидев два часа, проанализировав какой-то рассказик Ивана Бунина о судьбах загнивающей дворянской России, мы с ним переглянулись и вышли из кабинета.

– Ну, что? – спросил он меня.

– Что, что? Подождем наших девочек. Времени еще много.

– Саш, может кофе пойдем попьем?

– Да подожди. У нас обществознание и физкультура потом. Что у вас с Ингой?

– Литература и физра.

– Ну, видишь. На литературе уже отсидели, физкультуру прогулять не грех, подождем, а дальше в Мак пойдем.

Неуклюжей походкой из кабинета выполз Фиолетов. Мы перемигнулись с Будниным, желая как-то подшутить.

– И как, Матвей? Все написал?

– Да это очень просто. Писать практически нечего, – самоуверенно ответил он.

– Значит, ничего не написал? – хищно оскалился я.

– Все написал, – не понимая шутки, отвечал он невозмутимо. – Правда терпеть не могу литературу современную, бездарности. Выродилась истинная художественность образов! – потряс он рукой, скрасив это голосовой интонацией знатока жизни, которую Артемий описал как «Ленина за-

стал молодым».

– Вы, Матвей, здесь не правы, – елейно начал я. – Литература постоянно развивается... Вот за мной есть такой недостаток – совершенно не знаю писателей XXI века, ни одной книжки не читал. При этом их бездарными не считаю и даже смею сам писать странные истории, надеясь на успех. А вот воспитан я на классике и возможно поэтому обладаю хорошим вкусом, хоть бэкграунда и маловато... Но не стоит думать, что все так просто. Нынешние дети часто любят пошловатую литературу, считая классику умершей. Это печально, ведь только цельное знание о литературе, как социальном явлении, воспитает настоящего человека.

Буднин смотрел на меня, давая понять, что я зашел не в ту сторону, но, к счастью, нить потерял и Фиолетов.

– Да, молодежь сейчас такая... Пойду я на урок.

– Молодежь, – фыркнул я ему вслед. – Сам–то с таких позиций говорит, будто отсидел кремлевским старцем восьмую пятилетку...

– Скажи, что нас с Ингой не будет, – крикнул ему вдогонку Буднин, но в этом случае «одноклассниковская» солидарность вряд ли работала.

Вскоре кубарем вывалились наши девочки – Римма, Леля и Инга. Речь их была сбивчивой и в основном содержала брызги эмоций от пережитого. Никогда не понимал подобную впечатлительность, но она была очень мила. Мои одноклассницы живо согласились прогулять уроки и даже на-

писали Миланской об этом, получив одобрение. Ингу тоже уговорили довольно быстро. Кажется, мне было достаточно бросить монетку и сказать, что она идет с нами.

Пасмурная погода не могла оторвать десятиклассников, прогуливающих уроки, от посещения Макдональдса, и даже наоборот подстегивала идти быстрее. Все же пришлось поддаться настроению Буднина и зайти за кофе – его очень любил Герман, также, как я воду... Тем не менее, начавшийся дождь загнал нашу компанию со стаканчиками кофе в Мак. Поностальгировав с Будниным о наших совместных посиделках в этом заведении о отстояв очередь, мы присоединились к продолжающемуся обсуждению сочинений. Чуть позже мне и Герману принесли к заказу по фирменному стакану в качестве бонуса – разумеется, нам они были не нужны, и мы, не совсем логично и не совсем прилично, отдали их трем девушкам. Очевидно, что это был промах – трем дамам предложить два сувенира, и, хоть мне и было досадно, но так как никто не обращал внимания и вообще все положительно иронизировали над этой ситуацией, Инга спокойно осталась без сувенира. Но на протяжении всей посиделки я смотрел на ее невозмутимость и, понимая, что в целом это обидно, разбавлял это какими-то шутками.

Милая болтовня и высмеивание олимпиадной Наташи Ростовской, подкрепленная моим возведением в авторский идеал Элен, тянулись длительное и прекрасное время... Когда знаешь, что все сейчас учатся, а ты сидишь вдали от парт,

в приятной компании и в уютной обстановке, сразу становится веселее. Но время бежало быстро, и всех, кроме меня, одолевало глупое желание попасть на хор. Я вот на оркестр стремился не очень сильно.

Быстрый обратный путь ускорился еще и дождем. Зонтов у нас на всех не хватало, поэтому пришлось делиться. Буднин весело прыгал под струями, не особо заботясь о себе, а вот я встал под зонт Инги и преспокойно взял ее под руку. В то время как остальные просто хихикали над какой-то ерундой, она заинтересованно и вдумчиво спрашивала меня о пресловутом хоре и оркестре. Читатель уже знает мое отношение к музыкальному образованию в моей гимназии, в том разговоре я высказывался еще жестче, убеждая, что аттестат – филькина грамота, экзамены по инструменту совершенно не нужны. Инга не соглашалась с моей категоричностью, а я (что удивительно) принимал ее точку зрения и прислушивался к словам...

Незаметно, перепрыгивая лужи, мы доплелись до серого здания школы, окна горели неприятным светом усталости. Однако всем было весело, и мы вчетвером (Буднин побежал спеваться) ввалились к Миланской, закидывая ее не исчерпавшимся запасом литературно-олимпиадных эмоций. Рима было безумно увлечена, пересказывая с обожанием мою историю про курицу, поселившуюся у меня на даче, о которой я поведал в Маке. Миланской еле удалось выпроводить эту компанию, а я, оставшийся один на один с ней, уведомил

о нежелании посещать оркестр и быстренько ускользнул домой.

Наверное, читатель заметил, что я уделяю внимание компании этих трех девушек. Не меньшее внимание уделяли и они мне. Замечательные, умные, веселые, творческие и с чувством юмора. Разумеется, не лишённые своих тараканов, но у кого их нет? Конечно, мало историй с ними будет рассказано здесь, но верьте на слово, у нас есть, что вспомнить...

С моей частой соседской по парте Риммой меня связали довольно специфические отношения. После не самого хорошего завершения моего общения с медсестрой (хоть она и привлекала меня исключительно физически, но какую-то обидную травму отшитого мужчины я ощущал) Римма стала первым человеком, демонстрирующим заинтересованность во мне. В ней было много интересных внутренних черт, непосредственности, романтизма и огромной наивности, но одновременно ощущалась какая-то житейская мудрость.

Я же был к ней несправедлив. Она стала объектом моего изощренного сарказма и стеба, который все равно подразумевал доброе и любовное отношение. Удивительно, но ей это нравилось и даже как-то притягивало, в этом прослеживалась какая-то эротичная нотка морального мазохизма. Впрочем, иногда я бывал слишком суров... И все равно, Римма смогла стать важным человеком для меня, особенно

после того, как мы прошли с ней через долгое формирование стереотипов дружеского поведения. Ей удалось показать то, что ко мне возможно испытывать интерес и очаровываться (в чем я давно отказал себе из-за своих частых неудач в платонических отношениях), а это было важной мотивирующей силой. Увы, я был немного непредусмотрителен и местами захлестнул ее своим напором агрессивного флирта, что привело к не самым приятным неделям для моего нравственного состояния...

Обязательной частью школы являются никому ненужные и бесполезные контрольные работы, спускаемые сверху для контроля освоения программ. Божесов неоднократно высказывался против такой ерунды и даже отменил безумные ВПР, но не все бюрократы поддавались сразу. Мы точно попали под хоть и отрубленную, но еще горячую руку убийц образования.

Работу мы писали по любимому предмету – химии. Писали под пристальным наблюдением Марии Леонидовны, несправедливо жестоко рывкнувшей на нас за то, что мы сели как хотели. А ведь причина была веская – мы совершенно не знали химии благодаря «великой учительнице»! А Мария Леонидовна, наблюдая, лишила нас возможности пользоваться телефонами даже тайком. Хотя Артемий за моей спиной преспокойно гуглил ответы на тестовую часть, пока я развалился на парте, как и большая часть одноклассников,

понимающих девственность своих знаний.

Риммы в тот день не было, а вот свободное время у меня было. И потому я начал писать какие-то забавные и милые стихотворные строки, вышло кажется, что-то подобное:

«Химическое солнце»

*Где Ты, Солнце мое? Я скучаю...
Так, на химии сидя, страдаю!
И пусть с Кленовым я все болтаю,
Но стихи для Тебя сочиняю...*

*Погружаясь в свою саркастичность,
О химичке родной забываю,
Не терпя слов ее мелодичность,
И Тебя лишь одну вспоминаю:*

*Увлекаясь экспромтом поэта,
Наслаждаясь своим окружением,
Я жалею о том, что Ты где-то
Без меня предаешься весельям.*

*Пустота, разрастаясь по сердцу,
Меня очень тревожит и мучит.
Что спасет от такого гешефта?
Только Твой жизнерадостный лучик.*

*Полифония в мыслях играет,
Когда эти рождаются строки.
Я и ревность, и трусость, и вера –
Ах, как чувства такие жестоки...*

*Вот уже и металл механизмов
Завершает урок и стишочки
(Хоть стихи я писать ненавижу –
Но Тебе подарил большие строчки)!*

*...Уж Артемий стоит предо мною,
Собирает учебники в кучку...
Ну, а я чуть заметно шептаю:
"Мое Солнце, вернись! Я скучаю..."*

По большому счету пошлово, но химия творит чудеса, оголяя самые сокровенные чувства. По этим стихам уже можно было заметить появляющуюся напряженность наших отношений, но...

– Сиди ровно, я ответы нашел, – прервал мои лирические мечтания голос Артемия с задней парты. – Диктую...

И он продиктовал мне тестовую часть, обеспечив нам твердую тройку. Остальные продолжали сидеть и смотреть грустными глазами, полными надежды, на Марию Леонидовну. Так бы и произошел страшный позор химички, получив-

шей справедливый результат своего преподавания, но вмешался завуч.

– Вы что–то грустные сидите? – обратилась она, проходя мимо открытой двери в класс. – Неужели так трудно?

– Да это вообще... – и со всех сторон посыпались стоны безнадежности.

Посмотрев на чистые листы большинства, завуч, скрепя зубами, произнесла очень мудрую и опасную фразу:

– Ладно, давайте в телефонах посмотрите хотя бы тест...

– А вот я бы не разрешила, – заметила Мария Леонидовна, но все равно усмехнулась от быстроты реакции всех детей.

– Извините, – обратился Вячеслав с закономерным заключением. – Кто главнее, тот приказ мы и исполняем.

Я лишь улыбнулся на все эти происшествия. Мы с Артемием уже списали что–то из интернета, а что–то у химически продвинутой Лели. Бесконечно благодарен ей за отзывчивость, другой такой не встречал...

Миланская любила водить нас в театр, будто имела с билетов какой-то процент. Ходили часто, а после этого Фиолетов писал статьи для школьного клуба. Кленов жестко высмеивал его старания, считая их бесполезным позерством. Я полностью его в этом поддерживал. И пусть я ценю труды других, но снобизм заставляет морщиться, когда видишь вполне успешную деятельность окружающих. Многие со мной конфликтовали, но мне везло и победителем выходил я, обладающий лишь юмором и напрочь лишенный трудоголизма, свойственного моим оппонентам. Вообще не люблю особенно деятельных личностей – философски, их излишняя активность напрасная, а психологически, подозреваю, она является способом доказать самому себе или родственникам, что ты на что-то способен и не бесполезен. Редким счастливым удаётся быть беззаботными и никому необязанными. Они благоденствуют и плывут по жизни, занимаясь тем, что им нравится, а не тем, что приносит пользу и зачастую ложное чувство своей важности... Матвей к тому же любил «старый добрый рок-н-ролл», а меня тошнило от этого. Но все же высмеивал я его по другой причине, и даже не потому, что он считал себя гениальной личностью, а лишь потому, что в нашей с ним короткой дискуссии о каких-то высоких материях (тогда я его троллил, а он этого упорно не

понимал) по переписке он написал «вообщем» – терпеть не могу, когда люди так пишут. Только двум людям я прощал «вообщем» (один из них Кленов), на остальных смотрел с арийских позиций.

Перед театром был учебный день. Веселый, светлый и как всегда беззаботный. Римме уже надоедало мое борзое поведение, но я не останавливался и продолжал шутить. На перемене я подсел к девушкам в столовой.

– Зайки мои, знаете, такой сон интересный приснился! Сидим мы с вами вчетвером и еще несколько человек в кабинете математики, видимо, на абитуриенте. Ждем Ольгу Михайловну, задерживается где-то. И вдруг Кирилл достает графинчик с виски, – на этой фразе я мягко обхватил пальцы Риммы одной рукой и пальцы Инги другой. – Разлил в какие-то непонятные глиняные чашки, как из соседнего кабинета ИЗО, и мы, так сказать, продолжили ожидать математичку уже навеселе. Сидим, тоскуем без закуски и тут неожиданно, как бывает во снах, входит Оля... Мы в панике! Думаем, куда деть следы преступления, и, так как спрятать не получается, заставляем выпить все самого близкосидящего. Им оказываешься ты, Инга. И вот мы сидим абитуриент, еле сдерживаясь от смеха, а кто-то пытаюсь не уснуть, и наконец вытаскиваем свои ноги из страшного кабинета. Сначала несем Ингу вчетвером, на крыльце, как бывает во снах, Леля исчезает, и мы идем с Риммой и Ингой, а у машины завуча

исчезает и Римма. А потом мы с Ингой уезжаем в закат, и я просыпаюсь.

Забавный сон, и рассказ о нем смотрелся забавно. Конечно, я рассчитывал на эффект и, наверное, в большей степени зацепил Ингу – в отличие от Риммы, по мере рассказа убиравшей свои пальцы из моей руки, она не сопротивлялась. Однако пересказ моего сна был веселым, и улыбки озарили лица слушавших.

– Во сколько в театр? – спросил я.

– К шести, кажется...

– Отлично! У нас ведь все закончилось? – обратился я уже к Леле и, не дожидаясь ответа, посмотрел на Ингу. – У тебя информатика? Я с вами посижу. Можно? – спросил уже у Риммы, будто бы она могла мне запретить проводить время с красивыми девушками.

Поставив всех перед фактом, я покинул столовую. То ли азарт поддразнивания интереса в Римме проснулся во мне, то ли так игриво действовал вырез декольте черной кофты Инги (да, ее look в тот день я считаю потрясающим), но я совершил веселый поступок и уже через семь минут сидел рядом с Ингой в компьютерном классе, клятвенно заверив Ангелину Николаевну в том, что не произнесу ни слова. И сидел я тихо, особенно не мешая работе, лишь мило перешептываясь с Ингой на какие-то школьные вопросы. Даже задачи по физике погуглил для нее. А она сосредоточенно следила за уроком, не обращая внимания на ироничные взгляды од-

ноклассниц (бывших в девятом классе моими одноклассницами) в мою сторону. Любят люди все опошлять, бесстыдники...

Когда Инга вызвалась решить традиционную задачу у доски, чтобы получить халявную (такими их считал я) пятерку по информатике, я тоже встал и, в буквальном смысле раскланявшись перед добродушной Ангелиной Николаевной, приобнял Ингу за плечо, произнес что-то вроде «Театр вечером» и слегка коснулся ее щеки губами, встретив малое сопротивление. Преисполненный чувства собственной важности, и оставляя всех в легком ступоре от своих неожиданных поступков, я самодовольно направился домой. «Удивительный человек Инга» – пронеслось у меня в голове.

Вечер, проведенный в театре, оказался не менее удивительным. Ждал меня блистательный Артемий, театрам чуждый, но любящий посмеяться над комедиями... Увы, в тот день была классическая драма. Зайдя в ложу, мы увидели сидящих в первом ряду кресел одноклассниц – я бы не предал этому значения, но из-за спины уже звучал медный голос Кленова:

– Та-а-а-к! Давайте разбираться, кто уселся не на свое место?!

– А тебе не все равно? – спросила Арина, по-кошачьи глядя через спинку кресла.

– Ласкóва! – по-свойски прошипел Артемий. – Конечно

не все равно! Первый ряд стоит триста двадцать рублей, а второй двести семьдесят. И мы с Сашей платили триста двадцать!

– Ой, Тема, да брось! Без разницы, – говорили тихо другие одноклассницы, но Кленов уже включил в себе спорщика и никак не унимался.

– Давай, вставай и пересаживайся!

– Ну мне там будет не видно! – отвечала Арина не совсем искренно, более подогревая азарт Кленова, чем борясь за хорошее место.

– И что? Мне фиолетово, за что платила, там и сиди!

– Ну, Тем, уступи девушке место... – пытались пристыдить его остальные, воспринимая ситуацию не как фарс, а как что-то серьезное.

– Да с какого это? Может тогда вообще бесплатно придет, кто-нибудь уступит! Женщина! – окликнул Кленов капельдинера (или как называют «теток-смотрительниц» в театре?). – Посмотрите, заняла чужое место и не хочет отдавать!

– Так мне неудобно! – продолжала Арина, но по ее глазам было понятно, что делает она это специально.

– Но ведь вы все друг друга знаете, – добродушно отвечала женщина.

– Первый раз эту девушку вижу! – прервал Кленов. – Сидит еще на моем месте, а ведь цена разная за билет!

На этом моменте я покинул ложу, не способный удержать

смех от актерской игры Артемия, экспрессивно пересказывающего суть проблемы, и пошел к Миланской на первый этаж.

– Ох, Людмила Николаевна! Тема уже скандал закатил, – улыбнулся я.

По лицу Миланской пробежала недовольная гримаса.

– На секунду оставить нельзя, – ответила она. – Что хоть?

Я рассказал всю историю, сообщив, что не знаю, чем она завершилась.

– Ну, пока Артемия не выводят за нарушение порядка в общественном месте. Занимайте хоть какие–то места, скоро уже начнется...

Нас все же чуть не вывели. Какая–то наглая смотрительница начала шастать по ложам и шипеть на зрителей, чтобы они отключали телефоны и не шумели. Мы с Артемием разумеется общались довольно активно – спектакль требовал обсуждения.

– Молодые люди, – положив тучные руки на спинки кресел обратилась эта женщина шепотом шакала, – Вы шумите, артистам мешаете.

– Мы вообще–то спектакль смотрим и о нем говорим, – огрызнулся Артемий бесстрашно и справедливо.

– А не надо разговаривать. Тише, видите себя прилично, – напирала капельдинер. – А то охрану позову!

– Ну ты видел наглость! – шепнул мне Артемий взвинченно, когда она покинула ложу. – Еще и командует, дрянь ста-

рая! Не библиотека, зал должен эмоции давать. Я ей устрою!

В антракте я пересказал и этот случай Миланской. Кленов же в это время прошел мимо женщины и посмотрел ее фамилию на бейджике.

– Ропотова, – сказал он нам.

– Соответствующая фамилия, – заметила Миланская.

– Ну, мы на нее в администрацию театра пожалуемся!

Мне не захотелось становится свидетелем развития этого конфликта, и поэтому я переместился в ложу к безумно хорошо знакомым читателю девушкам. Я сел справа от Миланской, сидящей в соседней ложе через перегородку, справа от меня сидела Инга, далее Римма и потом Леля. Наши отношения с Риммой в тот момент не имели первоначальной энергии и в самые быстрые сроки совершенно обрушились, причинив в первую очередь мне довольно неприятные чувства, способные привести к редкой депрессии... Но пока что, наблюдая за свежей постановкой, я как бы невзначай приобрел Ингу, и на протяжении долгого времени мы с ней сидели в такой позе. Странно было не видеть ее реакции, но я счел это своеобразным принятием игры, начатой мною в кабинете информатики. Мои ласковые поглаживания ее плеча длились долго, что в определенный момент я перестал думать о злоключениях героев на сцене, задумываясь больше об Инге и ее отношении ко мне...

– Bravo! – выпалил устало Кленов и прервал мои размышления. Он одним из первых выбежал в гардероб.

Путь до домов мы почти в той же компании прошли пешком, обсуждая вновь эмоционально, несправедливость и нелогичность лермонтовской любовной драматургии... Но кто мы такие, чтобы осуждать Лермонтова?

Со временем вся романтика моих отношений с Риммой и вовсе сошла на нет. Не важно, кто или что послужило такому финалу, главное то, что меня этот разрыв сильно уколол. Мое сердце обладало абсолютной любвеобильностью и тянулось буквально ко всем приятным людям. Именно поэтому я обжигался в романтических отношениях, постоянно оказываясь пугающе совершенным «партнером». Так было со всеми многочисленными «дамами сердца», ей предшествующими – все они отвергали мое внимание, считая его излишне навязчивым и местами фамильярным с той редкой наглостью, которую женщины как раз напротив не любят.

Римма же допустила важную ошибку – она дала иллюзию того, что она меня понимает. Вещь страшная, ибо я тут же широко открыл ворота в свою душу, не скрывая ничего. Такой жест привел к фатальным ошибкам, ибо я, как вы понимаете, не самый простой человек, и тем более с открытой душой. В конце концов наши с ней отношения пришли к тому, что я был излишне честным, а она этого сильно боялась... Интересно также, что все мои и без того нескрываемые чувства активно обсуждались в ее кругу психологов–халтурщиков (вообще у школьников, а в особенности у малоопытных девиц есть непонятно на чем основанная необходимость считать себя гениями психоанализа и «патологоанатомами че-

ловеческой души». Многие из них часто так глубоко заходят в этот бред, что начинают читать специальную литературу, напрочь забывая о том, что опыт психолога приходит лишь с пониманием жизни, и что необходимо разбираться в людях, знать, на что они способны, ну и желательно понимать законы социума хотя бы на уровне истории и философии (без последней в принципе ни одна наука не работает)). А я... Я писал стихи, в которые вкладывал все свое разочарование и гнев от «побитости» своих чувств и «истоптанности» души:

*Нет. Не хочу просить прощенья,
Мне не за что виниться перед ней.
Котел наполнен мой жестким вдохновеньем
От равнодушия возлюбленной моей.*

*Мне очень трудно пресмыкаться
И в сладкие надежды с ней играть.
Сплошной обман, сплошное верхоглядство...
Моих отчаянных молитв ей не понять.*

*Уже устал от постоянных обвинений:
"Ты эгоист! Совсем не слушаешь других!
С тобою воздухом дышать – уже гибель!
Себя считаешь выше остальных!"*

*Как больно это слышать, представляешь?
А ведь она не смотрит в душу мне...*

*Не видит нежных глаз моих туманы,
Не понимает чувств моих мотив.*

*Спроси: "Зачем она тебе?" – отвечу:
"Любовь частенько создает проблемы мне,
Но в этой девушке лишь я, наверно, вижу
Цветок, с которым хочется цвести".*

*Увы, она меня не понимает,
Мое внимание, наивная, как Крест воспринимает.
"Что хочешь от нее?" – вокруг все вопрошают.
"Не знаю, что! Меня ей убивают!"*

*...Хотя на самом деле мне хватило б
Ее улыбки, когда встретимся в обед,
Какой-то нежности в телодвиженьях,
И пряной горсточки прощения обид...*

Третья строфа особенно выстрадана – не знаю, за что меня считают эгоистичной мразью. Может быть, плохо наблюдают за моими реальными делами, отдавая предпочтение и правда высокомерным словам... Еще одно, на мой взгляд, потрясающее стихотворение, продиктованное воспаленными чувствами разбитого и отвергнутого человека:

Наш мир абсурден, люди в нем глупы:

*Стремятся вечно обрести свободу,
И выход обнаружить из своей тоски,
Отмеривая всех по личному шаблону.*

*Забыты идеалы гуманизма,
А сострадание скатилось вниз.
Вперед выходят цели эгоизма,
И возродилось поведение актрис.*

*Кому цепочка жемчуга двойная,
Кому бездушной парфюмерии набор,
Кто–то в восторге от гранатового чая,
Кто–то отдастся за дешевенький фарфор.*

*Но сложно обнаружить человека,
Готового понять порыв души,
Способного достроить Божий вектор,
Ведущий на дорогу из глуши.*

*Слепого чувства никому не надо,
А преданность свою закутайте в плащи!
Они убьют любовь не сожалея,
Сказав на кладбище: «Он заказал такси...»*

Главная проблема – непонимание... Вы, должно быть, спросите (и сделайте довольно справедливо) – что ты суешь

нам свои стишки? Ну, во–первых, я считаю их довольно милыми. Во–вторых, это мой труд, что хочу, то и делаю. В–третьих, чисто литературно от них есть смысл, хоть я вам намерено и не рассказывал об отношениях с Риммой детально, потому лишь, что на самом деле мне от нее нужна была только моральная поддержка и какая–то опора... Но об этом ниже.

Вообще, после этого разрыва я молился только об одном: *«Господи, – говорил я, – дай все–таки ума этим людям и помоги им понять, что нельзя задевать мужское самолюбие»*... Экстравагантненько, конечно, но что делать... Ведь действительно, я прекрасно понимал мужское поведение. Когда есть женщина – предмет желания (платонического или плотского) – мужчина ставит цель овладеть ее вниманием и в частых случаях просто ею (лично я считал эротические помыслы довольно приземленными, однако, от этого они не перестают существовать и обладать притягательностью). Узнает ее интересы, разбирается в них и пытается соответствовать ее желаниям. В результате, как показывает опыт, девушке становится интересен молодой человек и она считает, что в целом с ним можно общаться и, возможно, строить какие–то другие отношения (глубоко чувственные). Однако, как только парень достигает своей цели, вся его фальшивая заинтересованность растворяется – он продолжает смотреть на даму сердца с обожанием и нескрываемым желанием, НО перестает угождать интересам девуш-

ки, которые для него не ценны. Проще говоря, *становится настоящим*. И, увы, настоящая личность повергает девушку (зачастую тоже притворщицу) в шок. Есть множество примеров жизни, когда «галантный кавалер» превращается в «конченого му... жика», раскрывая ужасные черты своей натуры. А уж браков сколько распалось из-за такой невинной лжи – мама дорогая!..

Так вот, друзья, в отличие от подавляющего большинства «угнетателей» (пользуемся терминами феминизма), *я всегда был настоящим* и никогда не притворялся перед девушками, на которых старался произвести впечатление. Это вовсе не вызвано внутренней работой над собой, а лишь является следствием моей самовлюбленной натуры. Но к моему несчастью, девушкам, не достигшим 20 лет и не познакомившимся с несправедливостями мужских желаний, было *трудно смириться с моей нескрываемой искренностью* – она их отталкивала и просто представлялась чем-то неправильным. *Я же не хотел быть лицемером, старался оставаться собой, со всеми противоречиями и одновременно заботливостью, уважением и трепетной любовью... Жаль, ценность такого подхода многие понимали лишь с течением времени, жалея о своих ошибках в общении со мной. Но главное, что все равно жалели...*

Несмотря на свою тонкую лиричность, я постоянно задавался вопросом, когда получал какой-то болезненный отказ – *а зачем мне это все надо?* Вопрос вполне логичный для

второго десятилетия жизни. Вокруг меня было множество примеров отношений, которые я осуждал, честно не понимая сладость общения девятиклассницы (или семиклассницы) с прокуренным ПТУшником. Подобное стремление девушек к лицам, лишенным тусклого налета интеллекта, меня поражало. Хотя сами девушки были довольно неглупыми, весьма красивыми и заразительно веселыми. Возможно, именно их легкость позволяла «пускаться во все тяжкие», отводя учебу на второй план и возводя в абсолют романтические поездки в малиновой девятке с пластиковыми пивными бутылками, дешевыми ментоловыми сигаретами, песнями вечной Аллегровой (сие за гранью понимания – ни разу из девятки не доносились звуки чудной музыки Тимы Белорусских) и любящим Виталиком с компанией друзей, говорящих между собой с не самыми совершенными оборотами ненормативной лексики... Конечно, такие специфические отношения тоже могут существовать, но своему гипотетическому сыну я бы настолько пацанской судьбы не пожелал... Несуществующей же дочери, возможно, и позволил – в конце концов, неглупые девушки быстро адаптируются, а другой, кроме как неглупой у меня и быть не может))

Лично мне интересны мадемуазели интеллигентные и скромные (хоть попадают отнюдь не такие), но вопрос «зачем?» остается в силе. Каждый отвечает на него по-своему – я же стал пользоваться простой философией «*все, что не причиняет вред, следует пробовать*». Отношения с девуш-

кой могут причинить лишь один вред – незапланированное счастье отцовства, – но до этого слишком много ступеней, которые местами весьма сладостны... Тем не менее, умные "без двух лет совершеннолетние" пытаются понять нафига им нужна любовь... *Я не знаю – ясно только, что нужна. Хочется иметь рядом с собой доброго, заботливого человека, слушателя и собеседника, который имеет свое мнение и готов говорить о разных вещах, на которого можно положиться, которому можно довериться, которому хочется смотреть в глаза и чувствовать прилив эмоций счастья, хочется отдавать себя и совместно идти к целям, получать новые знания, расширять кругозор, познавать и делать мир лучше...* Конечно, вопрос – чем это отличается от дружбы? Не стану говорить прямо. Различие отношений дружеских и любовных очевидно...

И может важна не столько любовь, сколько понимание?...

Таким рассуждениям я придавался после болезненного разрыва с Риммой. На самом деле, я и не хотел ничего большего, чем дружбы... Но меня ранили и мне было тяжело. Я с грустью сидел у фортепиано, перебирая знакомые мотивы Шуберта, Шопена и Бетховена, бегая пальцами по клавишам и размышляя о своей неудачливости в любви:

*Почувствовав растерянность души,
Ноктюрн Шопена для меня играет,
Минорным романтизмом покрывает*

И нежно шепчет: "Просто напиши".

*Глубокое звучанье фортепьяно,
Строй тонкий нот и покрывало темноты.
Как хочется уснуть – печаль моя упряма,
Но Вечность говорит: "Друг, не взрывай мосты".*

*Волнительное трепетанье стана,
Ревнивая реакция на всех,
О, где ж она? Необходимая прохлада
Святой любви (чувствительность не грех).*

*Потеря, кажется, насквозь пронзила жизнь –
Ища опоры я забрел в трясицу,
И даже руку дружбы не подали мне,
Сведя надежды на людей в могилу.*

*Гуманистический огонь почти погас,
И ненависть уже стояла на пороге,
Но пробудил шопеновский ноктюрн внутри контраст
Между людьми, достойными порывов страстных слога.*

*Предательство, трусливость и коварство –
Я все простил – то не мои грехи.
Завершены все беспокойные мытарства,
Мне Бог сказал:*

*"Я бессердечных накажу,
а ты
вперед
иди!"*

И я пошел вперед. Из надвигающейся душевной депрессии, способной значительно навредить моему состоянию, меня спасла Инга. В ее глазах уже давно, со времен стаканов Макдональдса и других игривых событий, я видел какой-то огонек любопытства и интереса к моей притягательной персоне.

В один из еще теплых осенних дней, чуть позже олимпиады по литературе, мы с Ингой шли из школы, попутно разговаривая о каких-то вселенских проблемах. В лучших традициях моего общения с девушками – говорил исключительно я. Но странное дело, мне очень хотелось слышать ее реакцию на мои слова, хотелось не просто проводить лекцию по проблемам образовательной системы и элементарности отношений между людьми по Фрейдю, а слышать ее точку зрения. В тот день в моем сердце еще даже не засело чувство к Римме, а на Ингу я уже смотрел с уважением, сознавая, что она в разы умнее всех из моего школьного окружения и даже (что для меня невероятно) – ровня мне!

Возможно, мои борзые слова в обсуждении дальнейших жизненных перспектив и о том, что человеческими помыслами управляет страх, голод и секс, произвели на нее неожи-

данное впечатление и она не знала, как реагировать на эти эпатажные заявления, не взболтнув лишнего. Однако ее наводящие вопросы с довольно игривым подтекстом о том, чем же тогда мотивируются творческие амбиции и образование, научные исследования и отношения, выдавали заинтересованность во мне.

С этого примечательного разговора началось наше общение. *Она написала мне первой*, и сразу же вызвала улыбку какой-то слепой радости и восторга. Согласитесь, приятно, когда девушка пишет «Привет» первая? В этом есть что-то нежное и радостное, способное обрадовать сердце любого человека. Сразу на душе становится тепло... От ее сообщений я подозрительным образом радовался сильно. Начиналось все довольно банально и стандартно – она спрашивала мнение о фильмах, попутно мягко прощупывая меня и даже присылая мне свои недурные стихотворения, в которых чувствовался стиль, математическая устремленность к ритмичному звучанию, а самое главное – настоящая душа, с потаенной тревогой и тоской о прекрасном. В том числе она писала о "смысле":

«Не знаю, я последнее время встречаю много ровесников, которые уже в это время потеряли смысл, они живут, потому что им сказали, учатся, потому что их записали родители, а для меня юность это прежде всего куча амбиций, да за ними следуют и разочарования, но и это полезный опыт».

Справедливые и оттого страшные слова. Не знают подростки для чего живут. Воздух есть только для тех, кто имеет воспитанные амбиции и желание... Инга активно прощупывала почву, задавая мне вопросы практически каждый день, практически в одинаковое время. Мне было приятно, а представляющаяся воображению причина этого интереса льстила самолюбию. Она искала во мне искренность и правдивую сущность, противоположную моему внешнему поведению, считала, что я *«играю роль человека, которому пофиг на обиды, но за этим стоит творческая натура, пережившая многое»*. В какой-то степени она была права... А тогда мы болтали, болтали и болтали...

Она честно писала мне откровенные вещи вместе с легкими комплиментами: *«Мне почему-то редко удается с кем-то переписываться, не на уровне какой-нибудь фигни, а о действительно интересных вещах. Редко кому могу вот так все написать... А тебе почему-то могу, могу писать длинные сообщения, спрашивать, делиться. Спасибо»*

Я писал сдержанно: *«Мне часто пишут, ибо я, обычно, отвечаю»*.

«А еще я говорю о себе, не требуя того же от собеседника».

«Ты обычно отвечаешь каждому кто тебе пишет?»

«Ну, если это интересно».

«То есть мне отвечать есть интерес?» – хороший вопрос, напряженный даже.

«Определенно»

«А в чем он заключается, если не секрет?»

Мои ответы были незамысловатыми: *«Люблю говорить о жизни) Если пишут о делах, мой ответ зависит от настроения. Если говорят о жизни... Тут я с удовольствием!»*

«Просто всегда казалось, что мне сложно найти собеседника, не знаю почему, наверное, я отличаюсь от среднестатистического подростка, который мечтает о развлечениях, но наверное это показывает меня скучной, поэтому так редко нахожу общий язык с людьми»...

Да, Ты особенная! Уже тогда мне было ясно это. Я с удовольствием с ней переписывался, улавливая в каждом ее сообщении мотив поиска во мне настоящего собеседника, способного понять ее сложную и закрытую ото всех глаз душу. Она считала меня таинственным, но на самом деле наоборот я был открытой книгой, в то время как в ней хранился удивительные богатства души.

Мне нравились ее сообщения, которые она отправляла первой в самом начале нашего с ней общения... Неудивительно теперь, почему я так свободно вел себя с ней вживую.

Поэтому после того, как в мою открывшуюся душу Риммой был совершен объективно нечаянный, но все равно гадкий плевок, Инга стала «лучом света в темном царстве» (десятый класс поймет), и я в туманном состоянии написал ей после практически двухнедельного перерыва: *«А пойдём на концерт?»*

Решение пригласить Ингу на концерт было сумбурным. Думаю, она совсем не могла ожидать от меня хоть каких-либо романтических поползновений и наверняка видела все, что происходило у меня с Риммой. И все же мое предложение ее обрадовало. Я не вполне отдавал себя отчет в своих мотивах, но сегодня я точно в них не раскаиваюсь! К тому же и концерт был подобран довольно удачный – страстная латиноамериканская танцевальная музыка и пение несомненно могли разжечь такое же страстное сердце Инги. Символическим оказалась то, что гарантировавшей свое опоздание Инге пришлось чуть-чуть подождать меня. Я не психолог, но подозреваю, что это имеет какое-то значение...

В тот вечер мы говорили, смотря в глаза друг другу, говорили про те же вещи, но жгучая энергия передавалась от нее ко мне и пробуждала желание полной и светлой жизни, наполненной смыслом. У нее были очень красивые глаза, в них хотелось заглядывать, не отводя взгляд в сторону, чувствуя горячий огонь и постоянное чарующее напряжение. Она улыбалась и положительно реагировала на мои шутки и саркастичные замечания, о школе и окружающей действительности. Больше говорил, как обычно, я. И именно в беседе с нею оформлялось понимание того, что такую манеру диалога надо менять...

Под чарующее исполнение танго оркестром народных инструментов я исподлобья смотрел на ее красивый аристократичный профиль. Почему—то именно так мне хотелось охарактеризовать всю ее невероятную харизму, сочетающую интеллект, доброту и красоту внешнюю. Когда гармонь бодро играла Красное танго, внутри меня началось бурление и смотреть на Ингу я начал уже совсем другими глазами, в них появился блеск, а дыхание участилось... Абсолютно не знаю, что происходило со мной тогда, но именно в тот момент во мне зародилось сильное чувство понимания ценности и уникальности Инги... Как прекрасна она тогда была! Боже, как мне хотелось поцеловать ее! И в это же время у меня появился непонятный страх и трепет перед нею — если раньше в школе и театре я спокойно мог приобнять ее и чмокнуть в щечку, то сейчас это было выше моих сил. И вообще после этого вечера я начал трепетать от каждого ее прикосновения. Удивительно. Страшно. Прекрасно.

Разумеется, после концерта, проводив ее до дома и робко попрощавшись, я, задумчиво сидя в своей комнате и вспоминая улыбку Инги, получил от нее теплое сообщение со словами благодарности за прошедший вечер. Сразу за этим появилось ее стихотворение:

*Она могла быть очень милой
Хоть неприглядной, но красивой
Без лишних красок и стекла
Могла порадовать она.*

Она была , как солнца лучик ,
Светилась в каждом новом дне.
Но вдруг пришли большие тучи
И разразились на земле.
А мир ее испортил смело,
Он душу вынул из нее.
И, издеваясь умело,
Всю красоту убил ее.
Заботы, суета, тревоги,
Семья, копания себя.
И нет ни собственной дороги
Ни осознания "кто я".
Так и смирилася с судьбою ,
И отказалась от борьбы,
А свет тепла в душе порою
Мог испариться в никуда.
А мог убить ее смятенье,
Разрушить тот бесцельный путь,
Искоренить ее сомнения ,
И из беспамятства вернуть.
Но все это: мечты, желанья
Зависят только от нее.
И лишь пустое созиданье
Не поведет ее вперед .
И что ей остается делать,
Как истину открыть в вещах?

*Лишь осознанием простого понять,
Что все в ее руках.*

Я был поражен глубиной доверия, оказанного мне этим интимным стихотворением. Это было сильно и смело. В нем виделись переживания и тревоги, чувствовались какие-то внутренние дисциплинирующие ограничения и самокритичное отношение к себе вместе со стремлением к успеху. Конечно, стихи не лишены пафоса, но в них чувствуется талант и душевность автора. Инга через них раскрывалась для меня с новой стороны – стороны творческой личности, позволяющей вырываться своему творчеству лишь изредка. Думаю, она стеснялась своего таланта, как стесняются многие способные люди, оставляющие пространство для творчества менее удачливых, но более наглых, таких, как я. Хотя мои стихи проигрывали ее стихам практически во всем... Через некоторое время появился ответ, содержащий *мой* взгляд на принятие и развитие себя.

Друзья мои, я просто гений...

Таким, увы, живется тяжело –

Мы видим часто в окружающих лишь тени,

Бездушное, тупое естество.

Однако люди не совсем пустые

(У них есть чувства, голос и душа),

*Небесполезные и вовсе непростые,
Чуть проще нас, но тоже божества.*

*Друг друга гении поймут на полуслове,
Комфортно им общаться меж собой,
Но, выходя на свет людей убогих,
Теряют гении задор свой боевой.*

*Но это состояние бездарно
Не надо отделять себя от "них" –
Такая жизнь пройдет для нас напрасно:
Брат Гений, разбирайся в "остальных"!*

И да, возможно мой ответ имеет самолюбования, однако, я протягивал ей руку, предлагая в стихах, метафорично, идти рядом. Очевидно, она поняла все и написала мне: «Спасибо, Саш, просто за то, что ты есть».

«Лучший комплимент) – был мой ответ, – Спокойной ночи».

Тогда я был очень счастлив...

Современный кинематограф вызывает у меня раздражение. Я сторонник академического искусства, хоть и понимаю, что она само по себе двигается вперед и развивается из века в век. Но искусством фильмы российского производства назвать очень трудно. Уровня гениальности, конечно, нам не видать долго, пока не изменится политический, а, следовательно, и творческий климат, но и с качеством наши киноделы до сих пор не знакомы.

Кино вообще безусловное орудие пропаганды. Пропаганды либо идей государственных, либо идей нравственно–философских. Но любая пропаганда должна все равно должна быть качественно снята, с эстетическим построением вкусного кадра. В противном случае пропагандистский фильм (в смысле государственном) обречен на критику – таковы, к сожалению, все урапатриотические фильмы о Великой Отечественной войне, в них часто нет логики и присутствуют откровенно мерзкие сценарные ходы. Или бездарные и пошлые агитки послекрымского периода – они вульгарны и кричаще некрасивы.

До Лапина вообще противопоставления урапатриотических фильмов было запрещено. Черный юмор и мягкость повествования в фильмах о войне вызывали скандалы в победобесных умах некоторых людей. Божесов культуру осво-

бодил только через четыре года после становления премьером – она стала вольно развиваться по всем своим естественным законам, «развращая» умы «и без того недалеких людей» (как говорили противники Божесова).

Все–таки на вкус и цвет товарища нет, но, конечно, одно дело смотреть пошлую экранизацию социального романа со сценами сюжетно не нужного секса, и совершенно другое – смотреть фильмы с притягивающей атмосферой и тонкой мыслью о людях, их судьбах и взглядах...

Об этих высоких материях мы беседовали с Ингой. У нее был вкус, но детальному разбору фильмы она не подвергала, воспринимая их в первую очередь как историю, призванную расслабить, развлечь или обострить чувства, и лишь потом видя в фильме искусство. Но она чувствовала искусство, и это завораживало. Именно с ней мне хотелось зайти в Лувр, вдохнуть воздух Гранд Опера, вспомнив Гастона Леру, или широко прогуляться по улочкам городов Средиземноморья, или же просто по исторической Москве, безвинно болтая об архитектуре и жизни. Она определенно понимала и заинтересовалась бы такой атмосферой...

Сейчас же, находясь в русской провинции и ограничиваясь ее откровенно небогатыми благами, Инга просто написала о том, что очень хотела бы сходить на чудный романтический фильм российского производства. Хоть это и выглядело безвинно, но я воспринял это как намек и сразу же предложил сходить. У нее «не было шанса сказать "нет"», поэтому

в тот же момент я забронировал четыре места на последнем ряду (она увидела в этом некий стереотип, хоть я ничего в виду и не имел, впрочем, было приятно).

За время до наступления этого чудесного дня, случились интересные события. Вместо учебы мальчишки призывного возраста потратили день на посещение военкомата для постановки на воинский учет. Ранним утром мы с Будниным и Кленовым сели в автобус и, сквозь снежные метели, поплыли в прекрасное далеко, на окраину Лимска, чтобы стать «дипломированными мужчинами». Конечно, комичность и звонкий юмор по каждому поводу лился из каждого шага по потрепанным коридорам комиссариата. Гулкое эхо, появлявшееся при ходьбе, комментировалось забавным голосом Буднина:

– Ать—два, ать—два, ать—два.

В выданных результатах психологического тестирования (отъявленная вещь – вопросы, имеющие очень спорную ценность для современной службы, вот для людей, желающих красить траву, они подходили лучше) высшим показателем у меня были командирские и коммуникационные качества – так и представлял себя взводным или политруком. Тем не менее, сотрудники были доброжелательны. Во всяком случае, я с ними вел себя с подчеркнутым достоинством, так, чтобы в личные дела были записаны наиболее приятные характеристики. Пенсионерка, интервьюирующая меня в пер-

вый этап, с готовность вписывала все самое лучшее обо мне, после фразы: *«Служба в армии – гордость для женщины, страх для мужского тела, и воспитание для человеческого духа»*.

Медкомиссия оставляла желать лучшего своим неповторимым умением видеть в глухом будущего радиста, в слепом парашютиста, а в толстом танкиста. С психиатром я повел себя очень политично и рассказал ему о своей уникальной исполнительности, любви к труду, ответственности, а самое главное, впервые воспользовался тем, что собираюсь получать образование теолога. Он выслушал это со свойственным религиозному военному благоговейным выражением лица и отпустил меня, вписав что-то хорошее в личное дело... Наблюдение же за обнаженными мужскими телами отнюдь не атлетичного вида, мне, человеку с эстетическим вкусом и даже подобием талии, было вовсе не интересно, однако, суровая медкомиссия не оставляла выбора. С замечательной категорией годности А-4 я вышел на крыльцо Богом забытого комиссариата вместе с Будниным и Кленовым, годность которых исчислялась высшими значениями качества тела и духа.

– Ну, как вам долг Родине? – прищурившись, спросил я.

– Черти что, – пессимистично выпалил Кленов. – В этом еще и служить! Хоть бы ремонт сделали.

– А тебе что? Кресла подавай, табуретами довольствуйся! – заметил Буднин.

– И даром нужен этот призыв? Все равно в вузы пойдем...

– Эти отовсюду достанут, Тема.

В приподнятом настроении мы пошли обратно, ища остановку, и параллельно совершая паломничество по всем магазинам. Артемий с восторгом отмечал их великое множество, а Буднин вдохновлял посетить каждый. В одной маленькой кафешке Кленов поругался с неадекватной женщиной хабалистого типа – она возмущалась очередью, а Тема виртуозно хамил в подобных ситуациях, затыкая даже вечно недовольных бабулек в маршрутках. Словом, первую ступень инициации мы все прошли очень весело, вернувшись вечером в военкомат за приписным удостоверением.

– Вот, Тема, ты власть нашу не любишь, так? – спросил я после возмущений Кленова ошибками в регистрационных номерах удостоверения.

– Терпеть эту тупую партию Единение. Сидят дармоеды одни у них, ничего хорошего не дождешься, что от президента, что от думы, что от губера и местных бизнес-депутатов!

– Ну, а Божесов наш ненаглядный?

– Еще чего! Сам только чушь мелить и может...

– Но ведь много хорошего делал...

– Вот давай честно, Саш, чтобы ты сделал, будь президентом? – последовал прямой и грубый вопрос от Буднина, хоть я и сам напросился на этот разговор с ними, желая только пошутить.

– Ну... – протянул я. – Вообще не важно, кто президент,

пока есть система коррумпированных чиновников, полицейских, зависимых судов и прочих «сладостей жизни».

– Систему, сидя на диване, не поменяешь, – заметил Кленов. – На месте президента чтобы делать стал?

– Ох... Первым делам команда нужна своих людей, партию там сделать, Думу переизбрать, чтобы свои были... Ну, а если для народа делать, то в первую очередь нужно как раз призыв отменить и возраст выхода на пенсию вернуть – меры популистские, но популярность повысят, правда, с военными проблемами возникнут, но с максимальным общественным обсуждением можно будет все разбить... Потом ввести прогрессивное налогообложение, повысить МРОТ, добавить в вузы проверочный год, который отучиться смогут все. Еще Дальний восток развивать, инфраструктуру, инвестиционный климат, много чего... А во внешней политике добиваться сотрудничества и снятия санкций. Как-то так, друзья, думаю, этого хватит на первое время...

– Ну, про армию чудесно. Давно пора... – засветился Буднин.

– На этом всю компанию избирательную строить можно, – засмеялся Кленов. – Все призывники поддержат!

Наверное, мы бы точно поддержали такую инициативу и того, кто был ее автором. «Не служил не мужик» – извините, – не работает. В армии должны быть профессиональные люди, готовые идти на смерть... Среди моих знакомых призывников таких героев не было. Во всяком случае, в тот день

в военкомате мне не встретился ни один пацан с горящими глазами.

Счастливым день посещения кино кое–что немного омрачило.

Одно существо, которое смело называться «учителем», недоразумение системы определения профпригодности, именно в этот день решило брызнуть ядом в ответ на мои небезосновательные нападки. Снежана Петровна на прошлом уроке выдала тетради с домашними работами за четверть, которые собрала неделю назад. То, что я вообще сдал и сделал эту работу, служило лишь подтверждением моего желания меньше ввязываться в конфликты с нею. Но эта дура своей единственной извилиной умудрилась оставить две записи красной ручкой «?» – к спорно трактуемой формулировке о круговороте углерода, «*остальные?*» – к пяти изомерам C_6H_{14} . В конце работы стояло «см.», выписанное размашистым почерком шизофреника. Она сказала всем, что это обозначает оценку 3, которую можно исправить.

Через урок, то есть в тот самый день, я принес ей работу над ошибками с закономерным вопросом: «Ты кукухой поехала, тетя?» (этого я не произнес, и зря). За что тут можно ставить «3», если отмеченные ошибки настолько незначительны?

Она взяла тетрадь, посмотрела работу над ошибками, и, видимо осознавая свой очередной профессиональный про-

мах, решила как–нибудь выкрутиться. Но сделала это как всегда неумело, просто заново проверяя домашние работы и находя новые, ранее не отмеченные, ошибки. Подобная наглость справедливо возмутила меня, но я довольно сдержанно спросил: «Исправите тройку на четверку?»

Альдегидовна пропищала в ответ невнятное: «Я подумаю».

Я ответил после глубокого вздоха негодования: «Ну что это такое? Вы мне тут коряво ошибки обозначили, а еще и исправлять здесь и сейчас не хотите... Когда исправите?»

Кукуха действительно поехала у Альдегидовны, пытавшейся хоть как–то выкарабкаться из самолично выкопанной ямы, поэтому она ответила суший бред: «Когда вести себя с Кленовым станете нормально. Может, к концу года».

В этот момент внутри меня что–то сжалось, и я со злобой проговорил ей: «Замечательно, но нет уж. Исправите сегодня».

С этими словами я покинул кабинет с вещами, хлопнув на прощание дверью, ругая Снежану Петровну последними словами. Она не ожидала от меня такой реакции, но думала, что на урок я приду. Но я не пошел, а направился в другой корпус с твердым намерением исполнить свои слова. Директор встречала библиотекарей, пришедших на школьный семинар, поэтому с ней фразой я ограничился фразой «Эта химия у нас просто ужас»!

Поднявшись наверх, на меня что–то накатило. Возможно,

из-за осознания всей палитры эмоций предстоящего дня, от которого сердце и так трепетало. Мне стало как-то очень печально и я даже всплакнул. Сначала несерьезно, но потом, понимая, что моему прогулу урока нужно увесистое алиби, я дал волю чувствам и в таком виде вошел в кабинет Валентины Геннадьевны. Рассказав ей все подробности, показав тетрадь и указав на непрофессиональное поведение Альдегидовны, я вышел от нее, оставив вещдоки и получив поддержку и защиту. После этого своими переживаниями я поделился со многими учителями (в последнее время всем было интересно слушать про Альдегидовну), и, конечно же, с Миланской, наделившей меня правом прогула урока и осудившей поведение Снежаны Петровны.

В это время, пока я плел интриги, Снежана провела урок и отказалась принимать работы над ошибками у остальных, мотивировав это моим хамским поведением. Сказала, что всех наказывает из-за меня. Это справедливо вызвало взрыв возмущения всех одноклассников, который и застала Валентина Геннадьевна, пришедшая разобраться в ситуации. К несчастью Альдегидовны, завуч, кроме моего обиженного видения ситуации, познакомилась еще и с другими нелестными высказываниями и громовыми изречениями Кленова, достойно перебивающими любые попытки наивного оправдания Снежаны Петровны. В результате всего переполоха оценки были исправлены, а Альдегидовна пристыжена еще и директором. В ее рожу мне все равно хотелось плюнуть.

В таком настроении я шел с Кленовым до остановки. Он продолжал потешаться над Снежаной и называл ее последней дурой. Настроение мне это не поднимало...

– Жаль, воевать мы с ней открыто не можем сейчас... Арина Валерьевна все равно по ушам ездит за Альдегидовну, – говорил он бодро, – Хотя надо бы надавать ей за все хорошее.

– Ну уж. Теперь все косяки ее будем записывать...

– И на выпускном зачитаем!

– Более того, скажем: «Снежана, либо увольняйся, либо все твоё служебное несоответствие отправится в прокуратуру».

Артемию эта шутка понравилась.

– А еще баннеры закажем и по городу развесим, – не унималось мое негодование, – «Хочешь относиться к химии как люди Средневековья? Любишь инквизицию и считаешь науку магией? Тогда тебе в нашу гимназию! Химичка здесь – ведьма, когда-то превратившаяся в лягушку и не вернувшаяся в первоначальное состояние»!

Артемий засмеялся неукротимо. Тут же я повеселел – высмеивание прекрасный способ унять свое честное негодование.

– Или по радио закажем: «Саша рос любознательным мальчиком, стремящимся познать тайны бытия через науку. Но преподавание естественных наук в гимназии перевернуло сознание Саши! Способностям химички посочувствовал

бы даже древнеримский травник. А основатель химии – Роберт Бойль – даже поверил в Воскресение мертвых, чтобы дать Снежане с того света по башке.... Гимназия – вместе с верой в науку вы потеряете веру в педагогическое образование и адекватную кадровую политику наших школ».

Этот экспромт был силен. Все бабульки на остановке испуганно смотрели на нас.

– Повесим эти баннеры вдоль всей Красногвардейской! – смеялся Артемий. Успокоившись, он спросил:

– Домой сейчас?

– Практически, – пробубнил я. Артемий посмотрел любопытно, будто знал и понимал все.

– Ну, ну, – прищурился он. – Удачи тогда.

– И вам не хворать, вот твой шестьдесят пятый ненаглядный...

С таким противоречивым настроением я выдвинулся на встречу с Ингой, у которой закончился последний урок. Ее просветленное лицо вызывало желание успокоится и наслаждаться только предстоящим мероприятием, но человеческая гниль Альдегидовны портила даже такую бочку меда...

Скажу честно, Инга не одобряла моего отношения к химичке. Поэтому, щадя ее чувства, повторять всю палитру эмоций, вызванных Альдегидовной, я не собираюсь. И все равно от Инги, явно ожидавшей от кино большего, я получил огромную поддержку и успокоение нервов – совместно мы решили, что лучшим способом усмирения моих эмоций

будет разговор с директором до того, как мстить пойдет Альдегидовна... Инга даже взяла мою руку, чем сразу же привела в чувства, я постарался успокоиться и сосредоточиться на фильме и собственно настоящей королеве того дня для меня.

Уютно расположившись на четырех креслах последнего ряда (интервал между твоими местами и зрителями довольно приятная вещь, говорить легче, хоть люди и думают о чем-то неприличном), я краем глаза смотрел за недурным сюжетом красивого фильма, погружившись в разные раздумья. Не помню, что именно я передумал тогда, но пространства между мною и Ингой практически не осталось, совершенно иррационально я гладил ее тонкую очаровательную и мягкую руку, а она с энергией, походившей на энергию сексуальную, принимала это. Изредка она поворачивалась ко мне и внимательным ласковым взглядом смотрела в глаза, то ли считывая меня, то ли просто играя. Фильм для меня был не так интересен, как Инга, хоть в обратной дороге я вновь вспомнил и пересказал сюжет и все вопросы к сценарию. Вышло эпатажно и критично, но она все поняла и оценила мои шутки.

– Конечно, искусство нынче часть системы, – подводил итог я. – А с такими тупорылыми руководителями культурной отрасли шедевров ждать не приходится...

– Почему же тупорылыми? – справедливо спросила она с вечным скепсисом.

– Ну, интеллектом такие товарищи не блещут. И это на

уровне страны! А местные руководители департамента культуры вообще об этой самой культуре знают только из названия своей должности. С их внешность и манерами только пивом в ларьке торговать...

– Разве это как-то характеризует их управленческие качества? – улыбнулась Инга.

– Так и управлять не умеют! – с чисто кленовской прямолинейностью сказал я. – Даже на примере национальных проектов – зарплата сотрудникам положена одна, а директор департамента усердно пытается сэкономить федеральные средства для неясных целей. Экономит ведь на сотрудниках, артистах, а не на себе любимой...

– Кажется, это оценочное суждение. Все-таки, у тебя семейный интерес, Саш. Не значит, что департамент культуры в Лимске на столько плох.

– Да они везде плохи, – махнул рукой я.

– Непрошибаем ты и упрям, – засмеялась она.

Видимо, критиковать неэффективных на своей должности женщин, мне нравилось. Хотя реакция Инги мне казалось странной – в каком месте факт, отражающий неисполнение руководителем регионального ведомства федеральной программы, является *оценочным суждением*? От того, что я привожу факты из личного опыта, они менее ценными не становятся. И пусть сэкономленные деньги на зарплатах артистов перечисляются хоть детям Африки, но этим нарушается распоряжение президента... Уволить всех и расстре-

лять в общем... Вместе с Альдегидовой.

И все же с Ингой мы попрощались ласково – она посоветовала мне успокоиться и отпустить ситуацию с химичкой, сказала спасибо за просмотренный фильм. Благодарить же стоило мне ее...

Как же только я вошел к себе домой, она прислала мне новое стихотворение... Вот в нем-то вылилась вся краска чувств. Хоть оно и сохранилось у меня, но приводить его здесь считаю не честным, к тому же, темными вечерами, перечитывая его, мое сердце греется от осознания своей уникальности... Ее чистое и возможно даже вымученное признание читалось мною с удивительным восторгом, будто только этого я и ждал. Конечно, я предложил отложить разговоры на личные темы до живой встречи, ведь *дистанционно отношения между людьми не формируются*. Но этот ее шаг вдохновил меня и заставил думать только о ней, забыв даже химичку. Я не мог по нормальному уснуть и ворочался, вспоминая каждое наше совместно проведенное время, каждую встречу, каждый разговор, каждую перемену, на которую приходила либо она ко мне либо я к ней, и, конечно, вспоминал ее горящие интересом ко мне глаза. Только написав стихотворение, уснуть стало возможным:

*Ты мне нужна... Давно такое чувство
Цветет в моей встревоженной душе.
Мне и легко, и тяжело, и грустно,*

Я счастлив – на девятом этаже...

*Не знаю, сколь давно к моей персоне
В тебе родился тонкий интерес...
Предполагать могу на общем фоне,
Но оставляю в тайне сей процесс.*

*В тебе все мило, здорово и чудно,
Ты так спокойно рядом говоришь,
И вдумчиво слушаешь, уютно,
И ловко суть беседы подсластишь...*

*Характер чистый, светлая душевность,
И томный взгляд твоих прозрачных глаз,
Убийственно прекрасный взор на повседневность
И очень точный жизни Идеал.*

*Признаться честно, не могу стихами
Стихию мыслей полно передать.
Хотел ответ писать понятными словами,
Но не туда ведет меня февраль...*

*Прости меня, прими души порывы,
Своей улыбкой доброй улыбнись,
Открой весь мир, услышь мои призывы:
"Ты мне нужна! Со мною будь. Влюбись..."*

Сразу же отправлять не стал, но мысли были честными. Действительно она была нужна. Светлая и чистая девушка с умом, красотой, Юмором, душевностью и благородством впечатляла. Ее внимание ко мне льстило. Поэтому, засыпая и обдумывая все произошедшее, забыв о проблемах школьной жизни, я думал о Ней, вспоминая ее спокойную и участливую реакцию на мои бесхарактерные причитания, не забывая и о конструктивной критике, к которой хотелось прислушиваться, и просто представляя ее красивое лицо с выразительно светящимися глазами, и в первый раз четко проговорил: «*И я тебя*»...

*Дистанционная
Как гром среди ясного неба
Звучал министра приказ:
«На время всего карантина
Школы закрыты у нас!»*

*Радости нету предела:
«Ну, наконец отдохнем!
Дома ж другое дело –
Не в здании тухнуть днем!»
(Тут все ошиблись, конечно,
Что в школе сидеть, что в дому,
Как и обычно ученье
Напоминает тюрьму).*

*Каникулы пролетели,
Был издан новый приказ:
«Из-за HANTI-220
Дистанционка для вас!»
Правда о сути процесса
Приказ предпочел умолчать:
«Мы лишь порекомендуем,
Вам же за все отвечать!»*

Так вот и получилось,
Что с шестого числа
Все столкнулись с проблемой –
Не фурычит ДО, нифига!
В этой ситуации каждый
Был только сам за себя.
Но все подготовили планы –
Никто не сбежал с корабля.

Что же на деле выходит?
Честно, какой–то п****ц
Как в понедельник садисься,
Так до субботы процесс.
Тонны домашних заданий,
Центнер ненужных работ...
Я за эти недели
Вкалывал больше, чем в год!

А педагогам все мало:
«Тут напишите конспект,
Тут вы составьте задачу,
Здесь потяните билет»...
Разве же это учеба?
Это какая–то дичь.
С таким идиотским подходом,

Нам ничего не достичь.

*Каждое ваше задание
С легкостью можно списать,
Даже не вынимая,
Из пыльных портфелей тетрадь.*

*Все, что не знаем загуглим,
Спишем чужие труды,
И все равно нам поставят
Пятерки в «журналы мечты».*

*Учителя же безвинные:
«Трудимся, ведь работ вал!» –
Вы бы детей научили,
А не пятерки в журнал!*

Таким стихотворением я отреагировал на испытание, вновь выпавшее на долю школьников, учителей, да и вообще всех граждан России. В мире забурлила новая эпидемия вируса HANTI-220, угрожавшая действительно смертельной опасностью каждому пятому заболевшему. В лучших традициях власти всю ответственность за борьбу с эпидемией взял на себя вовсе не президент Лапин, точно также спрятавшийся где-то в бункере и напоминающий своими видео-обращениями дядюшку-стримера, а премьер-министр Боже-

сов. Правда последний начал гнуть совершенно неожиданную для всех линию, выступив с жесткой стратегией борьбы:

«К сожалению, человечество столкнулось с той проблемой, которую предсказали нам в 2020 году после эпидемии коронавируса. В мире появилась более смертельная инфекционная болезнь... В этой ситуации мы в первую очередь должны заботиться о людях и бороться с распространением болезни. Поэтому, во-первых, зарплаты всех медиков будут выплачиваться из федерального бюджета, при необходимости с привлечением средств фонда народного благосостояния. При этом списки медиков должны быть предоставлены региональными органами власти. Сами региональные власти в кратчайшие сроки должны организовать инфекционные больницы, используя сэкономленные предыдущей мерой средства» (как я узнал позже, с регионов все же стрясли зарплаты медиков, хоть и негласно).

«Аналогичная мера коснется сотрудников полиции... Настоятельно рекомендую главам субъектов Федерации подходить к этому вопросу серьезно и избегать самодеятельности. Прокуратуру прошу контролировать действия властей и в кратчайшие сроки реагировать в соответствии со статьей 293» (эта «просьба» была раскритикована всеми, но Боже-сову было наплевать).

«Во-вторых, выезд за границу запрещен. Пока мы только призываем граждан ограничить свою активность и перемещения по местам скопления людей. Не исключаю, что в ско-

ром времени будет введен режим самоизоляции без сохранения заработной платы, но с разовыми выплатами в размере полуторного МРОТ. Также все пенсионеры получают в этом месяце двойную пенсию. Все коммунальные платежи будут погашены в счет региональных бюджетов. Торговые центры закроются...

В-третьих, уже создан оперативный штаб и рабочая группа. Министерство обороны разворачивает госпитали, министерство здравоохранения готовит все необходимые указания к правилам поведения, которые будут носить обязательный, а не рекомендательный характер. В настоящий момент число заболевших в России составляет 232 человека, все прибыли из зарубежных поездок и находятся в московских больницах. Для всех прибывших действует десятидневный карантин. Это были все новости к этому часу и, как говорил знаменитый россиянин: "Прошу отнестись к этому с пониманием!"».

В этом обращении Божесов был уверенным и сиявшим от полноты доставшейся ему власти. Эпидемия – серьезное испытание для людей, власти и экономики. В не всякого сомнения, настоящими героями были врачи, которые боролись за каждую жизнь, достигая в этом поразительного успеха. Мудрили ли с официальной статистикой? Наверное. Но точно не Божесов. Он любил состояния полной открытости перед народом, поэтому даже несколько раз критиковал данные, в прямом эфире сообщая цифры из своих настольных отчетов.

тов. Было очевидно, что он зарабатывает политические очки и вполне успешно – он окружил себя врачами, уволил министра здравоохранения, назначил на его место настоящего врача и вообще заполнил это ведомство знающими профессионалами, а не логистами–халтурщиками. Более того, провел реформу вертикали управления медициной со словами: «Уже давно было очевидно, что администрирование системы здравоохранения совершается людьми, далекими от тонкостей профессии – логистические проблемы с доставкой лекарств, развертыванием коек и другие сложности материально–технического и практического обеспечения деятельности, говорят нам о том, что пора чистить органы власти от непрофессиональных людей, выполняющих свою работу спустя рукава. Лично возьму на контроль вопрос кадровой реформы здравоохранения в регионах и увольнения всех халвщиков и халтурщиков. Тем более все возможные проблемы с лечением HANT1 есть следствие некачественной работы чиновников от медицины».

Хоть все и предсказывали, что из числа врачей появятся новые политические деятели, которые воспользуются своей героической борьбой с заболеванием, но по–настоящему пропиарился только Божесов, записавший (довольно справедливо) все успехи себе и оставивший все промахи Администрации Лапина и нерасторопным медикам. Божесов вырвался за рамки, пользуясь кризисом, и навсегда обеспечил себе репутацию жесткого, дисциплинированного, эффектив-

ного и харизматичного политика. Многие консервативные избиратели, ранее считавшие его слишком горячим, наглым и молодым, начали смотреть на него по-другому. Он же не боялся мнения людей и делал то, что считал нужным, смело и с юмором реагируя на любую критику. Благодаря этому, в том числе, он удержался и после эпидемии...

Меры коснулись и системы образования, которая технически все еще не была готова к вызовам дистанционного обучения с коллапса 2020 года. Объявление Божесов сделал в понедельник, а значит, через неделю учеба переместилась бы в дистанционный формат, но через две недели нас и так ждали законные каникулы. Поэтому я посчитал нужным обратиться к руководителям областного образования и в письменном виде предложить сделать каникулы досрочными, не переходя на дистанционный формат так быстро (все и так понимали абсолютную неспособность и неэффективность такого образования).

Первым делом я поделился своей выходкой с Ингой, встретив ее прямо у дверей в школу. Мы с ней проводили много времени вместе, болтая про разные вещи и смотря друг на друга уже совсем иным взглядом, она даже подарила мне термос по существенному поводу, окончательно войдя в мое сердце таким простым, но милым, жестом. С ней было хорошо. Но все равно я думал, куда нам двигаться дальше.

Впрочем, мою активность вокруг каникул она приняла с

холодным скепсисом. И в этом проявлялось ее особое обаяние – во многих вопросах, связанных с социальными инициативами и устройством гражданского общества, она занимала позицию, прямо противоположную моей. Не понимала смысла рассуждений, часто называя их словами на ветер (и вообще она часто указывала на мое идейное упрямство и неготовность слушать собеседника. Хотя, кажется, *не столько я не принимал ее мнения, сколько она специально не соглашалась с моими тезисами или отвечала на них сомнением, не принимая ни одно мое слово, как вещь, имеющую право на существование. Думаю, даже с этим высказыванием она бы не согласилась*)). Хотя в тот день ее отстраненность была объяснима – голову занимала практическая неприятность, связанная с плакатом для физкультуры, которому срочно был нужен ватман. Ингу же ожидал урок английского. Я сделал вид, что пропустил эту информацию мимо ушей, но в голове сразу же промелькнула задорная мысль воспользоваться окном в собственном расписании...

Поэтому, проводив Ингу до кабинета и перекинувшись с присутствующими людьми парой фраз о литературе и некорректных примерах для итоговых сочинений, я выскользнул на Божий свет из темных коридоров школы. День только начинался, но в моей голове шел лихорадочный поиск канцелярских магазинов, открывающихся в такой ранний час. В конце концов я завернул в кофейню и, пока мне готовили раф, элементарно загуслил необходимое место. Никакой

проблемы с ватманом я не испытал. Даже напротив, возвращаясь с ним в одной руке и со стаканчиком кофе в другой, я подумал о мизерности своего жеста для Инги, хоть внутри и удивлялся своему поведению. Движимый иррациональным чувством, я прошел в школу через цветочный магазин, в котором купил несколько роз нежного цвета и заботливо завернул их в ватман, чтобы их было не видно. Цветы я дарил всегда внезапно, но удачно и повод находился, хоть это немного умаляло значение неожиданного проявления внимания. Инга же, надеюсь, мою спонтанность ценила.

И вот, с радостными и игривыми чувствами я в припрыжку поспешил обратно в школу, понимая, что урок вот-вот закончится. На крыльце я столкнулся с выбегающей Ингой... Она не сразу поняла, что я уже принес ей ватман, но все же мне удалось ее смутить. Почему-то именно такая застенчивая реакция последовала за моим чувственным жестом. Когда же из этого рулона выглянули розы, удивление ее достигло нового уровня.

– Вместе с ватманом в комплекте шли, представляешь! – с небрежной улыбкой произнес я, хоть и мог сказать что-то более значительное.

– Саш... – смутилась она. – Спасибо, но незачем было куда-то ходить...

– Да что ты, мне это только в радость! – говорил я, улыбаясь.

Все-таки мною вкладывался смысл в это простое дей-

ствие, и, кажется, она этот смысл поняла... Я с удовольствием смотрел на Ингу и ее искренние смешанные, но радостные чувства, и очень сильно хотел поцеловать ее, но не мог даже просто обнять – от любого прикосновения, даже случайного, по мне пробегал жар и волнение, чего не происходило раньше... Сейчас же я только мог любоваться ею и чуть–чуть собою, думая о поцелуе, так и не решаясь. Странно было это, но тепло, и восторг обволакивали мою голову.

Чуть позднее мы сидели с Кленовым на физике и, как всегда, развлекались. Не то чтобы физика была скучной, даже наоборот, но у нас сложились определенные традиции и отношение к необязательным для нашего профиля предметам (хоть необязательными они должны были стать лишь через три года по реформе Божесова). Я положил голову на руки у края парты так, чтобы утреннее солнце грело мою голову, и краем уха слушал азартный рассказ Ангелины Николаевны. Она вела уроки с энтузиазмом и могла привлекать внимание учеников, допуская шутки и создавая обратную связь с аудиторией. Среди заинтересованной аудитории такому лектору не было бы цены, но у нас было сонное царство и только первые две парты каждого ряда смотрели на доску с интересом. Впрочем, для школьного учителя и трое интересующихся учеников уже рекорд.

Кленов развлекался с моим телефоном, умудрившись установить на него приложение для анонимного общения с противоположным полом. Флирт у него был своеобразный, но до того уморительный, что, взглянув на его переписку одним глазком, я сразу же избавился ото сна.

«Прив. Ск лет», – писал он первому анониму, при этом двигая головой в такт насвистываемой песни Меладзе, ничуть не стесняясь урока.

«16. Тебе?» – следовал ответ.

«17».

«Как тебя зовут?»

«Артемон».

«Я Зоряна».

«Я друг Матвея Фиолетова, известного журналиста», –

Артемий не любил Фиолетова и пользовался любым случаем, чтобы выстебать его своеобразное поведение.

«У меня есть его автограф»

«Прикинь».

«Я сам о****л».

«Даже сфоткался».

«Слышала вообще про такого?»

«Зоряяяна».

«Нет((» – отвечали нам скромно.

«Да ты что!!!»

«Как такого можно не знать!»

«Я в шоке!»

«Это самый популярный журналист».

«У него 50 подписчиков в инсте».

«Прикинь».

«)))» – аноним явно пребывал в легком шоке от такого потока непонятной информации.

«Он такие статьи пишет».

«П****с».

«До слез».

«У нас в Лимске все, кто его увидит будет счастлив на века».

«Прикольнo».

«Приезжай познакомлю» (пикап–мастерство у Кленова своеобразное).

«Хах» – отвечали.

«Автограф возьмешь сфоткаешься».

«Статьи слушаешь».

«Его даже ректор нашего ВУЗа уважает!»

«Уж лучше без меня))».

«Блин, зря»

«Хотел тебя познакомить с ним»

«Ладно тогда, как хочешь. Пока»

Артемий был очень доволен собой, и мое настроение поднялось высоко. Юмор пусть и специфичный, но все равно смешной и для нас актуальный. Проблемно только то, что Фиолетов бы не смог оценить его самоиронично – не было у него ни чувства юмора, ни формируемой им легкости отношения к жизни. Про урок же мы забыли...

– Сейчас другой напишем, – весело говорил Артемий.

«Привет».

И в этот момент его вызвали к доске, в отместку за слишком шумное поведение. Мой телефон он захватил с собой, чтобы я не развлекался без него – очаровательная наглость. Как только же он вернулся после непродолжительных мытарств, приложение вновь открылось, там был наглый ответ

на наше затянувшееся приветствие. Артемий начал реагировать эмоционально, но для меня это казалось очень комичным со стороны.

«Ну?» – был ответ.

«П***у гну».

«Не нукай не запрягала».

Собеседница попалась борзая и попыталась противостоять напору Артемиевской скандальности, но с эти соревноваться невозможно:

«Я тебе сейчас **й согну».

«И в ж*** засуну».

«Попробуй» – Артемий не растерялся.

«Пиявку обкуренная» (гениальная реакция – неожиданное оскорбление).

«Привет кстати».

«Пробывала. Не разогнули потом» – не унималась собеседница.

«Ага».

«Оно и видно» – писал Артемий.

«Неразогнутая».

«Я то разогнутая. А ты скоро нет».

«Не вякай тут. Со мной базар короткий <3»

«Слышь бл***» – выходил из себя Кленов.

«Курица»

«Я хоть курица, а не *** знает что» – держалась собеседница.

«Ты еще не знаешь кто я» – ворчал Артемий.

«Мымра».

«Недодел общества» – вякнул аноним.

«Ты меня не видел что бы п***ть»

«Боюсь даже посмотреть» – сделал удачный выпад Артемий.

После этого наша собеседница покинула чат. Честно, я очень смеялся над каждым мгновением набора ответа Артемием! Осуждай школьников, читатель, но из такого юмора в таких обстоятельствах тоже состоят те одиннадцать лучших лет жизни, и помнить их стоит наравне с историями о песнях и чае под Новый год с классным руководителем. Душевности нам в жизни всегда хватает, а посмеяться над чем-то глупым порою мы считаем недостойным себя. Зря... Несчастливы такие люди.

В этот момент мне пришло уведомление от сайта новостей, которое Кленов сразу же продекламировал, перебив громким голосом лекцию Ангелины Николаевны:

– Дети! «Министерство образования назначило начало каникул на следующий понедельник». Russia tomorrow.

– «По словам министра, каникулы продлятся на неделю больше запланированного», – добавил я живо.

Так начался период настоящего *заточения*, разрушающего не только привычный уклад жизни, но и связи между людьми, которыми ты дорожил в нормальное время...

Думаю, мое стихотворение чудесно отражало всю сущность дистанционного обучения. Говорить о нем много вообще не стоит – имеющиеся проблемы делали его просто неэффективным. Нам сулили занятия по расписанию, уроки в формате конференций в онлайн–формате, а на деле мы получили обязательные домашние работы, длящиеся с 9 утра до 9 вечера. Задавать начали тоже нещадно больше, особенно по тем предметам, делать которые я не хотел, да собственно и не делал никогда раньше – информатика, физика, даже литература и МХК (вещь грозная). И все это торжество учителей, ценящих в первую очередь сам факт наличия сделанной работы, а не ее качество, омрачалось одним «но» – практически все работы в условиях дистанционного обучения списывались или, и того проще, пересылались друг от друга в почти одинаковом виде. Лично я для литературы пользовался Риммой, эксплуатировать которую считал своим моральным правом обиженного и зафрендзонаженного человека (хотя в литературе я понимал гораздо больше нее, справедливости ради). Артемий же пользовался ситуацией, чтобы исправлять свои оценки.

– Представляешь, Леонидовна написала мне, чтобы я сочинения прислал все! – жаловался он по телефону.

– И что?

– Так что–что. Сейчас "ctrl+c" "ctrl+v" и все. Пятерки в журнале!

На этом можно закончить описание дистанционного обучения. Ничего по–настоящему ценного оно нам не дало. Божесов, кстати, понимал это, и после завершения всех этих образовательных изысков нашел способ уволить министра образования и устроить федеральную (и чрезвычайно репрессивную) прокурорскую проверку всем причастным.

Больше же всего страдал я от отсутствия нормального общения и нормальных эмоций. От общества, которое было основным потребителем моей экспрессивности, я зависел очень серьезно. При этом сидеть дома мне было не так уж и тягостно – гулять было лень – но все равно нехватка общения убивала желание творить и двигаться вперед, вела к деградации. Было тяжело, но странные опасения личного характера развлекали мою эмоциональность.

Буквально за несколько дней до преждевременных каникул Миланская устроила еще одно театральное мероприятие. Оно прошло в очаровательной форме. По удачному стечению обстоятельств, нам с Ингой удалось заполучить отдельные места в партере, пока другие одноклассники сидели на третьем ярусе... Ничего особенного, к сожалению, из этого не вышло – мы просто приятно провели время под двусмысленные взгляды одноклассников с верхних этажей. Но дело в том, что именно в тот вечер в кармане у меня аккуратно ле-

жало длинное и пространное письмо, написанное мною ночью в предчувствии неотвратимой разлуки, которая не сулила ничего хорошего *нашим* чувствам.

Спецификой, странной спецификой, наших отношений было то, что мы ни разу не говорили откровенно. Все получалось как бы само собой и обсуждений не требовало. До карантина – ни одного искреннего разговора начистоту. Да, я видел какие–то внутренние противоречия в ней, какие–то странные поиски смыслов и постоянный труд по убеждению не столько окружающих, сколько самой себя в том, что она талантливее остальных. *Я же верил в это и без доказательств* – просто любовался ею, скрывая свой восторг за потоком ироничным и местами глупых речей. Но сейчас понимаю, что было множество моментов, когда следовало прекратить болтовню, задумчиво обвести взглядом ее волосы, которыми играл ветер, дувший со стороны реки, с задорным огнем в глазах посмотреть на нее и произнести, пусть с некоторой легкостью, простую фразу: я тебя люблю. Постоянно оттягивал этот момент и вот дотянул до карантина! Конечно, я писал пару раз эту фразу сообщениями – прямым текстом или в стихах, но в переписках совершенно необязательно отвечать на подобные «выкрики». Если бы я сказал это на набережной, в парке, театре, концерте или даже в школе, когда совершались мною какие–то поступки – о, тогда слова о любви были бы ценны. И более того, она бы не могла на них не отреагировать. Случаи были – в кино, театре, по дороге

домой из школы, за стаканчиком кофе под холодным воздухом и серым небом Лимска, – но я ими не воспользовался...

В день мероприятия в театре я решил сделать попытку откровенного разговора по душам, о нас. В письменной форме, с особенно красивым для этого почерком я делился с ней своим видением нашей взаимной заинтересованности. Не стану приводить письмо полностью (есть некоторые интимные подробности, подверженные удалению для спокойствия сюжета), но основные моменты упомяну.

Дорогая Инга!

Не имея внутреннего ресурса выйти за собственные рамки в живом разговоре, я обращаюсь к Тебе в подобном романтическом формате письма от руки. В некотором роде это письмо пытается открыть новую дверь галереи наших развивающихся отношений.

Выходить за рамки сложившейся модели чувственно–молчаливого общения я начну со стихотворения. Пусть оно довольно коряво, но написано в небывало эмоциональном состоянии:

Я люблю.

Люблю давно,

Проникновенно.

Я люблю,

И глупо, и надменно.

*Я люблю,
Взаимности желаю.
Я люблю,
Но не переступаю.*

*Неизвестности боюсь жестокой,
Страшно, больно и опасно это.
Надо мной висят большие тучи,
Развивая тормоза для человека.*

*Я не прав, я часто ошибаюсь,
Я художник, я писатель, я поэт,
Музыкантом быть не собираюсь,
Знаю только – нужен Человек.
Очень рядом он со мной явился,
Он прекрасен, чувственен, не строг. *
*Как давно же я в него влюбился?
Знаю лишь, что это знает Бог.*

*Что любовь? Не состоянье результата,
В ней гораздо больше полноты,
Нет, она не горечь, не утрата,
Вся должна гореть от теплоты.
Да. Любовь – это процесс познания,
Да. Анализ через этажи.
Это два божественных создания,*

Строящих гармонию души.

*Я сказать хочу в стихах корявых,
Что люблю тебя давным-давно,
И не надо ожиданий атмосферы –
Будь со мной, Мы сотворим добро!*

Любовь – не результат и не состояние, с которым можно смириться и жить дальше. Любовь – движение, начало взаимного познания, изучения и построения гармонии души (5 строфа). Во всяком случае, мне кажется, что диалог: «Я люблю тебя, Глаша» – «А я люблю тебя, Ваня» нельзя считать развязкой или кульминацией романтических чувств двух людей...

Я как творческая и (по приятным словам окружающих) глубокая личность, испытываю постоянную необходимость в человеке понимающем, с тонкой душевной организацией и эстетическим чутьем... Уже давно таким Человеком я считаю Тебя... Твою выдержанность, рассудительность, спокойствие, скромность, социальный и духовный ум, безусловную для меня красоту, самоуважение, доброту, творческую одаренность, воздушное очарование – и многое другое, что одним словом я называю "аристократичностью" – от этого у меня возникает сердечный трепет и благоговение пред Тобой...

...

При всем романтическом настрое и смелости не могу не сказать и о своих страхах (прости, если мое послание кажется эгоистичным). Во-первых, я боюсь неудачи чувств и очередного попирания своей душевной открытости; во-вторых, неизвестности и неясности в том, как наши отношения станут развиваться и чем будут наполняться. Тем не менее, все страхи существуют лишь на эмоциональном уровне. С первым, я уверен, мы не столкнемся – у нас уже достаточно взаимного уважения, чтобы не причинять друг другу душевных страданий. Второе продиктовано отсутствием опыта взаимных чувств, а потому с легкостью решается практикой, временем и совместными мыслительными усилиями.

Если у Тебя тоже есть страхи с похожей природой, то знай – я никогда не плюну в душу и всегда буду готов поддерживать (да, возможно, в своей специфической ироничной манере, но с ней нужно смириться, все равно это по-доброму). Примерно об этом первые четыре строфы стихотворения.

...

Завершая попытку слома рамок, говорю искренно, с полным осознанием ответственности за свои слова: я люблю Тебя. Ты мне нужна, и поэтому я предлагаю "строить отношения" – "Будь со мной, Мы сотворим добро".

P.S.

Я старался убрать завуалированность и говорить откровенно. Если что-то остается туманным – спрашивай.

Если я чем-то тебя задел – прости. Главная цель моего письма – открыть себя и сделать разговор "глаза в глаза" неотвратимым.

P.P.S.

Возможно, все это немного глупо и наивно, а местами вульгарно–драматично, но я пытался, чтобы получилось мило и романтично. Надеюсь, Тебе понравилось)

Прости, пожалуйста, что много говорил о себе – без этого я не могу, но стараюсь бороться, для Тебя...

Бесконечно преданный, открытый, честный, готовый к разговору, все еще немного ироничный, но от этого не менее прекрасный; любящий

Я

Честное письмо. Хотя, возможно, и глупое, и наивное. К тому же все равно у меня не хватило духу вручить его. Наверное, мы бы наконец поговорили откровенно, ничего не стесняясь и называя вещи своими именами. Но письмо до сих пор со мной.

Дойдя до написания этих строк, я четко осознаю, что все ступеньки, по которым прошла Инга, двигаясь ко мне, неслучайны. Я ее интересовал, иногда вдохновлял и мотивировал. В ней было уважение ко всем, не позволявшее даже думать о причинении боли окружающим. Она уважала меня просто так, за счастливые моменты прошлого. Она с теплотой помнила все и не могла вычеркнуть это из своего сознания, даже если бы хотела. Также и для меня она все равно оста-

валась *первой*, доверившейся настолько сильно, что рискнула на отношения со мной. К тому же она была допущена в самые заветные уголки души, я открывался перед нею, страстно желая получить то же взамен, но...

Через несколько дней с уже начавшимися санитарными ограничениями нам удалось встретиться с ней и долго гулять по городу, разговаривать, обсуждать перспективы предстоящего с интересом, и даже заниматься неким подобием социальной поддержки незащищенной категории населения... Я и не думал о письме – момент упущен. Мы просто проводили время вместе, и каждый из нас чувствовал, что заточение в самоизоляции принесет расставание.

Раньше со страхом я думал о летних каникулах и тонкостях наших отношений, которые, несомненно, будут испытаны расстоянием. А сейчас эта проблема появилась гораздо неожиданнее и обостреннее. Страшно было за то, что никакими действиями я не мог подтверждать чувства, а действия основная опора человеческих отношений.

Каждый день карантина походил на предыдущий – встать, сесть за дистанционные задания, что–то сделать, что–то выпросить у друзей, что–то обменять у знакомых, что–то подарить врагу, и вот уже вечер, а в журнале пять пятерок. Дико странно. Конечно, я не слишком активничал и не нарушал божесовский карантин – а вот Кленов гулял свободно, получая удовольствие от свободы. Инга тоже дышала воздухом намного чаще меня, но и ее активной душе переносить отсутствие нормального живого общения было не совсем комфортно, поэтому всяческими способами она развлекала себя, занимаясь самым адекватным – самообразованием и саморазвитием. Этому можно было только завидовать.

Я остро ощущал, как мне не хватает ее и как я скучаю, когда ее нет рядом. Да, мы вели переписку, да, говорили о каких–то вещах. Я даже сделал для нее домашние задание по географии, неожиданный и безумно приятный в условиях постоянной учебы подарок. Но живого эмоционального общения нельзя было заменить никаким образом. И от этого было тяжело. Переживания обладали удивительной и в целом надуманной силой, и все равно я записал в своем дневнике небольшую молитвенную беседу–обращение: *«Она прекрасна, Господи, и именно она нужна мне. Не знаю, какие планы на мою жизнь есть у Тебя – их выполнять я полно-*

стью готов... Но прошу, если нельзя ей быть со мной, сделай так, чтобы она не оставила меня уничтоженным. Она очень нужна мне, прошу, сделай и меня нужной ей... Помоги установить доверие. И пожалуйста, не отбирай ее у меня, это слишком мучительно и именно этой очередной неудачи я боюсь... Господи!»

Страх был эгоистичным – по большому счету я просто боялся стать неинтересным. Это вполне могло случиться, ведь львиная доля моей природной харизмы приходилась на общение с визуальным контактом. Часть привлекательности заключалась в умении говорить провокационные вещи, одновременно способствующие возникновению дискуссии и обладающие безапелляционностью. Вся моя заботливость (думаю, она была), все совместно проведенные часы, все эмоции, все разговоры и все подарки – словом, все то, что я делал исключительно для нее, все это было перечеркнуто карантинном. Всю спорность и противоречивость своих слов при устном общении я мог с легкостью скрасить жестом, интонацией или выражением лица – в условиях же переписок я был беззащитным чванливым эгоцентриком, не совершающим действий. Во всяком случае, такой образ представлялся способным оттолкнуть ее от меня.

Телефонные разговоры представлялись лучшим способом как-то поддерживать связь. Но на самом деле становилось только хуже.

Дозвониться до нее было трудно – как до Кремля. «*Вас приветствует автоответчик*» – стандартная фраза, которую я слышал по несколько раз за день. И она не перезванивала мне. Конечно, она извинялась, но происходило это поздно. Вполне объяснимо, но мое воспаленное сознание реагировало болезненно.

«Вдруг у меня проблема, с которой я решил обратиться к тебе? – ходил я по комнате. – И нет ответа! Конечно. Я потерплю! Даром он нужен...»

Слишком категоричные выражения, да и сам это понимал. Все же решил набрать номер еще раз, вдруг она не увидела пропущенный... Я стал пролистывать нашу переписку, и глаза намокали, вновь вспоминая те дни, когда первой писала она, начиная разговор со слова «*Привет*». Счастье тогда переполняло душу и такая система отношений, когда она интересуется мною, казалась самой притягательной. Но все рушила жестокая реальность. «К чему я довел это общения?» – вопрошал я, читая искренние и легкие сообщения.

Мне казалось, что она просто не хочет разговаривать со мной. Из-за страха потери интереса ко мне с ее стороны у меня появлялась истеричность. Я в полной мере осознавал всю нелепость своей сердечной мягкости. Казалось, я тот человек, который считает фразы «*люблю*», «*скуучаю*», «*мне тебя не хватает*» невообразимой пошлостью и неприемлемой ванилью. Однако в эти долгие дни божесовского карантина меня преследовала мысль – я понимал, что не могу жить без

Ее присутствия рядом, без Ее взглядов, жестов, слов и мыслей.

Честно сказать, со многими выводами сейчас я не согласен – нервы и только нервы. Даже крупица ревности в этом имеется. Простите. Я такой не всегда. Вообще, пожалуй, крайне редко...

Когда же нам удавалось поговорить, душа успокаивалась, видя, что на самом деле все нормально. Однако от безумного восторга и торжества упрямого осла, добившегося своего, 90% времени от наших разговоров составляла моя болтовня. При чем говорил я о какой-то ерунде, выдавая бесконечные мысли сомнительного философского качества. Я затыкал буквально каждую ее мысль, мгновенно наваливая исключительно свое мнение. Идиот. Так разговор не строится, и виноват, конечно, я, как инициатор. Ну не силен я в беседах по телефону, не могу быть интересным! И страшно это в таких условиях, когда телефон единственный источник общения... Не доволен был я собою и чувствовал, что во все не в мою пользу они проходят. Правда сама возможность услышать ее голос радовала – дозвониться было сложно...

Удивительна мотивация, получаемая от бесед с ней: независимо от результатов и хода диалога, она всегда меня вдохновляла и побуждала что-то делать. Если честно, когда она писала *«Спасибо за разговор. Почувствовала себя живым человеком на этой самоизоляции»*, то я в больше степе-

ни расслаблялся и с радостной улыбкой предавался вялому творчеству. Но когда разговор не имел огня, и говорил в основном я (да, это неправильно), а завершалось все сдержанным прощанием, тогда мои порывы достигали удивительной силы. Видимо, русский писатель (я не отношу себя к их числу) действительно черпает азарт в боли, страхе и разочаровании, нежели в счастье и радости...

И все же разговоры «ни о чем» ей были скучны. В то время как я мог трепаться, просто выгляну в окно и описывая действия людей. Это для меня философия в формате блаблалогии превосходила все познания физического устройства мира. Но для Инги, девушки целеустремленной и практичной, пустословие ничем хорошим не являлось. Так и получилось, что говорить нам попросту не о чем. Да, во время дистанционного обучения можно было обсуждать проколы системы и критиковать организационные моменты, но только один раз. Можно было обсуждать литературу, но Инга не принимала на веру мое мнение о писательском труде и мыслях автора. Словом, искра потухла. *Без огня в глазах и возможности видеть этот огонь, чувствуя энергию друг друга, существовать было невозможно.*

Поэтому со временем наши разговоры сошли на нет. И это казалось мне каким-то глупым происшествием – неужели все, что нас связывало разбилось о простую разлуку? Ведь было время, когда мы каждый день ходили от школы до дома, проводя время с удовольствием, смеясь, шутя, болтая и,

наверное, даже испытывая счастье – как тяжело вспоминать эти славные времена! Боже, куда привел нас карантин?...

И я страстно желал, чтобы заточение закончилось, чтобы мы вышли на свободу, и чтобы я смог исправить все ошибки – стать лучше, потушить свою развязность и эгоизм, начать слушать ее, начать работать над этими отношениями и вести их на качественно новый уровень, да и просто меняться. Зачем? Не знаю... Просто чувствовал, что она мне нужна. Чувствовал, что без нее плохо. *Чувствовал, что она мой человек...*

Вместо эпилога

«Дорогие граждане, – обращался Божесов через три дня после начала паузы наших отношений с Ингой. – С радостью сообщаю вам, что штрафы и сроки за нарушение режима самоизоляции возымели благоприятное действие».

Он говорил это с едкой иронией.

«Наконец–то уже третий день на улицах практически нет людей, а значит, что уже через неделю распространение вируса будет снижено в несколько раз. Я благодарю всех сознательных граждан и ругаю всех нарушителей... Через неделю постепенно начнем восстанавливать работу предприятий и разрешать выход на улицу для прогулок. А через две недели, возможно, начнем открывать учебные заведения для старших классов, учеников профессионального образования и студентов...»

Позволю себе дать вам наставления и поделиться с вами своими мыслями, на прямую не относящимися к теме борьбы с эпидемией, но затрагивающими нашу жизни и отношение к ней.

Главный вывод, который все смогли извлечь, находясь на карантине – *большая часть нашего повседневного окружения, которую мы считали неотъемлемой и обязательной, оказалась совершенно для нас ненужной*; мы прекрасно обходились без нее и поняли, что только семья по–настоящему

наша, а друзья, начальники, вторые половинки и просто знакомые не создают мир вокруг нас... Но это неправильный вывод! Если бы вы проводили время самоизоляции вне своей семьи, то скорее всего вообще забыли бы о ее существовании или поняли, что и не она создает комфорт. Правильный вывод проще: ценны те, кто находится близко и те, о ком вы думаете и кто, находясь далеко, думает о вас и скучает по вам.

Да, за месяцы карантина мы забыли о своих друзьях, о том, как они выглядят, о том, как они изо дня в день делают нашу жизнь лучше, дарят искренние и светлые эмоции, забыли о самой ценности дружбы, сделав большую половину своих «друзей» просто «знакомыми». Мы забыли о наших вторых половинках, находящихся далеко–далеко, посчитав их любовь недостаточно крепкой, чтобы уверенно пройти испытание отношениями на расстоянии, да и самих их не очень привлекательными и нужными. Мы забыли ценность практически всех добрых, ласковых, любящих, честных и открытых людей, которые раньше каждый день окружали нас и дарили нам чувство полной жизни.

Да, семья важна. *Семья – это те, кто несмотря ни на что любит вас и не может от вас отвернуться.* Но прошу вас всех – не забывайте о людях из своей прежней жизни. Восстановите значимость каждого человека и обнулите отношение к нему, полученное за время разлуки, смотрите на каждого таким же ласковым и любящим взглядом, как дела-

ли это до карантина. Помните, что мир и люди не изменились, просто мы все ненадолго уснули и начали достраивать несуществующие черты своим знакомым, делая из них совершенно других людей...

Продолжайте дружить и любить. Спасибо за внимание».

Слова Божесова воодушевляли и содержали совершенно настоящий и правильный смысл – действительно, *мир не изменился*. Почему, не видясь с человеком по безусловно уважительной причине, наши отношения должны резко поменяться? Божесов сказал чистую правду, главное, прислушаться к этому и не разрушать свои и чужие жизни, быть проще – продолжать дружить и любить! Ведь правда – люди не изменились, просто наше сознание стало само определять им характер и присовокуплять черты, которых раньше в них и не было! Все это продукт «оценочных суждений» о человеке, с которым лично не виделся уже очень давно и считаешь это за «переосмысление отношения» к нему. Ложь. Все это надуманные и вышедшие из лишённого социального питания сознания вещи – *прежние мы, прежние...*

Одно дело, менять отношения с человеком, если вы с ним спокойно общались, а потом он исчез на два месяца, пока ваша жизнь ни в чем не изменилась – тогда человека можно назвать неблагодарным предателем... Другое дело, когда разлука приходит неожиданно и нежеланно, разделяя людей неотвратимой волей. Конечно, мы должны думать о близких,

размышлять над отношениями с ними, но не подвергать их критики и не делать выводы, основанные на чем-то призрачном и надуманном. Все мы в карантине сидим и всем нам делать нечего... *Не время карантин для мыслей о других людях – время для себя. О других можно строить мнение, исключительно встречая их каждый день, ведь человек всегда разный – в одну неделю такой, в следующую совершенно иной.* И пока вы на расстоянии осуждаете его дурной склад характера, возможно, он старается меняться... Я это четко понимал и знал, что такой же прежней осталась Инга, таким же остался Артемий, Герман и остальные. Я понимал, но они сами? Мы же не думаем об учителях на летних каникулах, так почему мы должны выстраивать отношение к человеку, который не может мгновенно отреагировать на твое изменившееся мнение с тем, чтобы переубедить или, что тоже справедливо, дать в морду?

Я радовался, слушая эти слова от Божесова – всем моим терзаниям о потухших и «бесполезных» (по оценочному мнению) отношениях с Ингой подходил конец и впереди ждали нормальные встречи, нормальные разговоры, нормальные обсуждения и нормальные чувственные отношения. Я уже представлял радость встречи, свои робкие объятия, желал слушать только ее (а не свои!) ласковые и приятные слова, которых был так долго лишен... Уже видел, как смотрю в ее глаза, как наши головы находятся рядом, как она наконец отвечает хоть что-то на впервые произнесенное

мною вживую выстраданное и сотню раз передуманное «*Я тебя люблю!*»

Наверное, читателю не совсем понятно, почему я прерываю эту историю сейчас, но в тот момент и я не понимал, что ждет нас впереди. Ясно только одно – *с нормальным и свободным течением жизни у нас с Ингой все наладится. Ничто не помешает.* Ведь неужели напрасно эта сложная и многогранная девушка увидела во мне нечто притягательное, рискнула связаться со мной и побудила меня к саморазвитию?! Потому именно о ней, несмотря на все возможные вызовы будущего, я буду говорить: она моя *первая любовь.*

Часть третья

Глава I

Российская политическая элита справедливо относилась к фонду «Благословение» критически. Кто-то боялся, кто-то восхищался, кто-то откровенно считал недопустимым создание подобной структуры, но абсолютно все желали увидеть его учредителя, редко показывающегося широкой публике и не позволяющего себя снимать.

Михаил Александрович с радостью принял приглашение, доставленное ему Орловой, и потому находился на благотворительном концерте фонда в Большом театре. Он размеренно прохаживался между многочисленными гостями – федеральными чиновниками, крупными бизнесменами, известными артистами–исполнителями, огромным количеством дорогих украшений, развешенных на шеях спутниц деловых мужчин, и собственно деловых женщин, с гораздо более эстетичными аксессуарами.

-дон- Сергей Авраамович, шалом, – улыбнулся Божесов, плывая к Нарьевичу. – Что вас занесло в этот Храм искусства? Вы же в музыке ничего не смыслите!

– Шалом у–враха, Михаил Александрович, – невозмутимоотреагировал Нарьевич. – То же, что и вас. Желание уви-

деть епископа вживую.

– Мне–то хоть не ври, Аврамыч, – хитро посмотрел на него Божесов. – Будто я не в курсе, что он в твоём особняке живёт в Приморских Альпах.

Нарьевич безнадёжно улыбнулся, но в глазах проскочила искорка оскорблённости.

– Лапин будет сегодня? – поинтересовался он после короткой паузы.

– Да вроде, живёт он близко... – ответил Божесов, осматривая глазами собравшихся в зале. – Я сегодня с народом пообщаться хочу, так что можете отвлечь Лапина от меня, его твой «AnnaBank» со всеми причитающимися, как и всегда, сильно интересуется. Буржуины...

– Вы на коммунизм часом не подсели? – неуклюже подтрунивал Сергей Авраамович.

– Не беспокойтесь, батенька, вы перекраситься успеете всегда.

– Вот и Лапин. С женой вашей...

– Бывшей, – пригрозил пальцем весёлый Михаил Александрович и направился к Президенту, но обернулся и спросил, демонстрируя свою осведомлённость. – Вы ведь с ней встречались у епископа, так?

Не дожидаясь ответа, Божесов проскользнул к Сергею Николаевичу.

– Hello, mister President! Елизавета Николаевна, вы сегодня неотразимы! – раскланялся премьер–министр, взглянув

на красный северокавказский костюм Орлово, состоящий из длинного распашного платья и плотной рубахи, украшенной золотыми галунами в три ряда. Он целомудренно закрывал всё тело, всё равно подчёркивая соблазнительную красоту линий Елизаветы Николаевны. Длинные расклёшенные рукава и стоячий воротник завершали королевский образ Орловой.

– Ну, надо же тебя перещеголять, – заулыбалась она довольно, кивнув головой с короткой причёской.

– Божественно выглядишь, – искренно произнёс Михаил Александрович.

– Вы тут давно? – рассеяно поинтересовался Лапин, осматриваясь.

– Достаточно, – отвечал Божесов незаинтересованно, а Лапин пошёл здороваться с гостями.

– Где твоя? – спросила у Божесова Орлова.

– Пьёт шампанское, наверное. Что–то у Мари нервы сдают. Не выдерживает накала перед началом...

– А он что здесь делает?! – прервала Михаила Александровича Орлова, кивнув в сторону Клёнова.

– Вообще–то друг епископа, ты же знаешь? – иронично ухмыльнулся Божесов, добавив уже подозрительным тоном: – Но я думаю, что не от любви к симфонической музыке он сюда пришёл...

– Не с твоей поздоровался? – спросила сквозь зубы Елизавета Николаевна, наблюдая за Клёновым.

– Может быть... Хотя, как они могут быть знакомы?

– После гибели Мировича расследование вяло продвигается, – шептала Орлова, смотря совершенно в другую сторону. – Твоя решительность выиграла время...

– Брось, мы действуем для России, и всё это часть масштабного плана!

– Ох уж твой эпатаж...

– Кто бы говорил! – заулыбался Михаил Александрович. – Сама пришла в кавказском свадебной костюме красного цвета! И мне ещё эпатаж в вину ставишь, ха-ха!

К развеселившимся Божесову и Орловой вернулся Лапин в компании Нарьевича, какого-то нефтяника и Красенко, захватившего с собой Клёнова.

– Здравствуйте, Елизавета Николаевна, – поздоровался Клёнов, восторженно глядя на Орлову. – Михаил Александрович... – он протянул руку с видом давнего приятеля. Красенко и Лапин хитро переглянулись при этом жесте.

– Здравствуйте, – невозмутимо отвечал Божесов. – Рад знакомству, Лиза, это?

– Капитан Службы безопасности Клёнов, – молниеносно подыграла Орлова. – Я с ним познакомилась у епископа...

– Вы друг епископа Евгения? – спросил Лапин, как будто не знал этого.

– Да, школьный, – также спокойно участвовал в спектакле Артемий.

– Михаил Александрович сторонник сокращения влия-

ния Службу безопасности на экономическую сферу, но при этом хочет передать контроль отдельному ведомству, хоть и не знает какому! – сказал Красенко, выставляя Божесова в невыгодном свете одновременно перед Клёновым, преданным сотрудником, и Нарьевичем с нефтяников, которым контроль в принципе не нравился.

– Не вижу ничего плохого в независимом контроле, хотя возможно ваша критика продиктована собственными интересами... Тогда это похвально, – ядовито ответил на выпад Красенко Божесов.

– Мы рады вас видеть здесь, отдыхайте, – распрощался он деликатно с Артемием.

– Всё–таки страшные люди, гэбисты... Не обижайтесь, господин Красенко, – засмеялась Орлова, развеивая лёгкое напряжение.

– И не говори, – с лёгким раздражением согласился Михаил Александрович.

Начали обсуждать текущие вопросы экономики. Красенко подозрительно смотрел на Божесова. Божесов за этот взгляд все подколы направлял в его сторону.

– Я не сильно опоздала? – спросила Мари, занимая своё место в зале рядом с Орловой.

– Ничего серьёзного, – ответил Михаил Александрович,

устремляя свой взгляд в зал.

– Здравствуйте, Елизавета...

– Добрый вечер, Мари, – шепнула Орлова, наблюдая за Божесовым.

– А! Вот туда пойду, свободно вроде... – он направился из VIP-зоны к простым зрителям.

– Ну и позёр он, – усмехнулась Елизавета Николаевна, взглянув на Мари, одетую слишком откровенно по сравнению с нею.

На сцене появились музыканты, начавшие рассаживаться под сопровождение аплодисментов зала.

– Здравствуйте! Здравствуйте дорогие гости сегодняшней благотворительной акции, – вышел на сцену под гром аплодисментов епископ Евгений, облачённый в чёрную рясу с красным продольно-вышитым узором. – Огромное всем спасибо за посещение нашего мероприятия. Радостно отметить, что уже на данный момент с вашей помощью мы собрали более шестидесяти миллионов... Все деньги пойдут в отдел социального благополучия фонда «Благословение» и будут использованы, – епископ сделал паузу, обведя глазам зал Большого театра, взвешивая, как следует пошутить. – Впрочем, не буду портить ваше настроение, сообщая о целях благотворительности...

– Куда деньги пойдут? – спросил Лапин у Орловой.

– На погашение кредитов населения... – шёпотом ответила она.

– Возмутительно! – шикнул тихонько Нарьевич, сидевший рядом.

– Сергей Николаич, – обратилась Орлова – Божесов уже два месяца назад предлагал заплатить за кредиты населения, а вы всё против были... Теперь фонды будут выплачивать и никаких политических бонусов для власти!

– Слава Богу, что это крайне мало...

– Долгов у россиян, Сергей Николаевич, больше двадцати триллионов. И пусть сегодняшние деньги это капля в море, но людям всегда приятны подобные акции, тем более от православных организаций...

– Вот видите, – говорил в это время Божесов своему случайному и оттого слегка шокированному соседу, – Не любит епископ богатых, говоря про то, что благотворительность им не нравится. Милая шутка...

– Ну, теперь пора поговорить о прекрасном. О музыке, объединившей нас всех в едином благородном порыве помощи ближним. Сегодня прозвучит несколько произведений, но откроет концерт исполнение симфонической поэмы Бедриха Сметаны «Влтава» из цикла «Моя родина». По моему глубокому убеждению Музыка является одним из редких откровений Бога с людьми, а потому при прослушивании Музыки следует включать сердце и открывать душу для понимания и духовного исцеления... Выбор этого патриотического произведения не случаен, через него вы сможете почувствовать красоту природы, восхваляющей её музыки

и увидеть всё очарование силы любви, любви к Родине, любви к искусству, любви к людям, к Богу... Так что закрывайте глаза и представляйте радостные для сердца картины умиротворения... Исполняет симфонический оркестр Большого театра, дирижирует, для вас это сюрприз, учредитель фонда «Благословение», епископ Сервский Евгений! То есть, я.

Все заплодировали. Епископ Евгений подошёл к дирижёрскому пульту, хищно осмотрел музыкантов и сделал едва заметный, лёгкий взмах правой рукой. Зазвучали флейты, переливаясь друг в друга, словно течение вод чешской Волги. Зрители скользили по течению реки, погружаясь в её изгибы, двигаясь вперёд мимо поселений. Бодрое вступление струнных инструментов перенесло сознание от воды к лесам, окаймляющим береговую линию и золотым просторным полям.

Божесов сидел с закрытыми глазами и улыбкой на лице. Поза Лапина была похожей, но он скорее всего просто спал. Орлова внимательно слушала, искоса наблюдая за Мари, которая в свою очередь искала кого-то в зале. В один момент их взгляды встретились, Елизавета Николаевна покровительственно улыбнулась Мари, на что та ехидно ослабилась. Епископ Евгений в движениях дирижёра разводил руками, и широкие рукава его рясы придавали его фигуре схожесть с парящим и контролирующим всё орлом.

Глава II

После концерта Президент и свита исчезли из театра с невообразимой скоростью, но Михаил Александрович без охраны несколько минут стоял в гардеробе для рядовых граждан, весело помахивая им рукой и даже обмениваясь парой слов о прошедшем концерте. Блаженное пребывание среди настоящих людей прервалось отыскиваемыми Божесова сотрудниками Службы охраны, поспешившими вывести его на улицу. У бокового входа толпилось множество работников спецслужб, что казалось странным, ведь Лапин уже уехал, но Красенко всё ещё стоял о чём-то говорил с офицерами.

К Божесову подъехал автомобиль Орловой.

– Садись, – прозвучал задорный голос. – Познакомишься с Евгением...

– Лиз, моя очаровательная охрана такого не простит, – улыбнулся Божесов, показывая руками на своих телохранителей. – Впрочем... Девочки, следуйте за нами.

Он сел к Орловой. Личная отряд охраны Премьер-министра состоял из 30 женщин-военнослужащих, отобранных из лучших специальных подразделений различных служб. Все девушки обладали красотой, умом, профессионализмом, а главное личной преданностью; чувство юмора у них тоже было – Божесов ласково называл свою охрану «эскорт-

ницами». Кортеж Премьера последовал за автомобилем Орловой.

– Здравствуйте, Ваше преосвященство, – потянулся Божесов.

– Добрый вечер, Михаил Александрович, как концерт?

– Душевно–с, – отвечал Михаил Александрович, заглядывая в свой телефон и с удивлением добавляя: – Вообще вам крупно повезло, что мы были приглашены...

Елизавета Николаевна и Князев посмотрели на него вопросительно.

– Чуть теракт не произошёл, представляете? Хорошо, что Президента охраняют те же, кто изучает всю террористическую деятельность...

– Мы избежим утечки, не волнуйтесь, – успокоила епископа быстро сориентировавшаяся Орлова. Божесов же показал абсолютно невозмутимому Князеву сообщение от Екатерины Алексеевны: *«Повезло тебе, пиарищик, чуть Большой не взорвали»*.

– Мы с вами встречались в Лимске, – улыбнулся Михаил Александрович. – Хотя плохо вас помню.

– А вот вы совершенно не изменились.

– Да, как был Премьером, так и остался, зато у вас и проекты новые, и друзей много интересных, и с деньгами нормально, и работа уважаемая – хорошо устроились.

– Не жалуясь, в Европе уютно и можно заниматься творчеством и всем, что нравится.

– Да... – мечтательно протянул Михаил Александрович, любуясь ночной Москвой, добавив доброго сарказма с чуть уловимой насмешливой улыбкой: – Зато мне на звонки отвечают с первого раза.

Орлова незаметно закатила глаза и закрыла улыбающиеся губы ладонью, не желая смутить епископа такой шуткой. Но реакция Евгения оказалась спокойной, он понял «клёновскую» манеру Божесова:

– Я могу вам только позавидовать, Михаил Александрович. Сколько бы проблем я избежал, если бы на мои звонки отвечали или перезванивали.

– Какие у вас проблемы? У вас были такие перспективы в юриспруденции, политике, может и экономике, но вы выбрали духовный путь, лишённой драйва...

– Почему же? Есть у нас легенда корпоративная, что все архиереи попадают в Рай, – посмеялся Евгений. – Путь же политика, увы, в любом случае ведёт в Ад.

– Хах! Как жестоко вы шутите, – произнёс Божесов. – Мы всё–таки людям помогаем!

– К сожалению, злые поступки перевешивают добрые намерения.

– Ну, а вы прямо Божий одуванчик, – усмехнулся Божесов. – Даже кальян не курили в студенческие годы (мне Елизавета Николаевна так сказала)!

– А мне Клёнов! – тоже оправдываясь закивала Орлова. Выглядел этот момент комично.

– В общем, думаю, нам определённо нужно будет встретиться и поговорить, – сказал после повисшей ненадолго паузы Божесов. – Исповедь устроите, а то много страшного я совершал. Но только тогда, когда всё закончится...

– Что именно закончится?

– Смотря, на сколько вы в курсе событий? – спросил Божесов, отсылая вопрос Орловой.

– Без подробностей, но на нашей стороне, – ответила она.

– В таком случае, успокою вас – на данном этапе мы побеждаем.

– А как всё–таки моя просьба? – спросил решительно Евгений.

Божесов с Орловой переглянулись:

– Я решила вам помочь. Книга подтолкнула...

– Вы здесь поселились? – перебил Божесов, который явно придерживался иного мнения. – Недурной у вас вкус, Евгений, широко живёте. Что ж, зря центр выбрали, может быть не слишком надёжно... Тем не менее, рад снова познакомиться.

– Взаимно, – кивнул епископ, окрылённый словами Орловой. – Ещё раз спасибо за вечер. Елизавета Николаевна, вам отдельно...

– А стихи у вас неплохие, эмоциональные, – сказал Михаил Александрович вслед. Епископ направился в отель, никак не отреагировав на слова Божесова.

– Как ты жесток, – пропела Орлова слегка раздражённо.

– Ну, а чего хочешь? Я считаю его книгу размазанной. Много событий, много идей, и много собственных рассуждений. Диалогов бы побольше! Ну, и главная идея, Лиз, сомнительна – всё–таки любовь *единственной* в XXI веке не бывает. Хотя желание помочь человеку, к которому, когда–то, были чувства, понятно мне...

– Ну, не знаю... – пожала плечами Орлова. – Я думаю тебе говорит ложная мужская солидарность. Мы же не знаем, чем вызван celibат Князева.

– Как же! – раздражённо произнёс Божесов, не сильно интересующийся такой приземлённой темой. – Как мужчина скажу, что в отношениях на расстоянии существовать очень трудно... Хотя Инга мне очень понравилась, как персонаж, умная, по словам Князева, красивая, целеустремлённая и, как он писал, «аристократичная»... Жалко, что работает в «True liberals», это, конечно, говорит о её благородных убеждениях, но в этом году о выборе точно придётся пожалеть... А оградить её от уголовной ответственности, я считаю не совсем выгодным для нас. Зачем? Никакого смысла не будет, пустая трата влияния, «слова на ветер»!

– Миш, – вздохнула Орлова на вновь ироничную отсылку Божесова к книге Князева, – Если вернуться в реальность, то «True liberals», по–честному, ни в чём не виноваты, и Инга в любом случае не заслуживает быть разменной монетой в наших репрессивных играх...

– Ой ладно, делай как знаешь... – махнул рукой Боже-

сов. – Я всё–таки в человеческих чувствах не спешу разбираться, а уж о морали не с политиком разговаривать. Но для чего он писал? Переосмыслить что–то? Вспомнить? Понять ошибки? Глупо всё, несерьёзно и слишком приторно для меня... Ну, возможно из–за того, что к женщинам я отношусь немного потребительски, не думая об их правах на чувства. Кроме тебя, конечно, зайка моя, – добавил Божесов с медовым сарказмом.

– Я думаю он для того и написал, чтобы понять, что любовь никуда не ушла, – ответила Орлова сдержанно. – И это прекрасно.

– Ты домой? – не выдержал сентиментальности Михаил Александрович.

– Да.

– Поехали. Заодно разберёмся в делах государственной важности, а не в этой романтике. Голосование уже через неделю...

Орлова жила рядом со станцией Китай–город, рядом с местом своей основной работы, в элитном доме–комплексе, построенном греческой строительной корпорацией, по слухам принадлежащей жене Лапина. Трехуровневая квартира, отделанная чёрным мрамором, располагалась на самых верхних этажах, откуда открывался приятный вид на вечно ожив-

лѐнную часть города.

Божесов по-хозяйски зашѐл на кухню и заварил зелѐный чай, закинув в него какие-то ягоды. Орлова из кабинета, параллельно избавляясь от тяжѐлого наряда, говорила по телефону и давала какие-то рекомендации Russia Tomorrow. Михаил Александрович на подносе принѐс в библиотеку чайный набор и несколько круассанов. Не дожидаясь завершения Елизаветой Николаевной разговора с RT, он закинул ноги на диван и с чашкой в руках поэтично устался на огни Ильинского сквера. Орлова завершила разговор парой фраз, произнесѐнных властным голосом, не терпящим возражений. Божесов лукаво смотрел на неё, надкусывая круассан.

– Миша, почему ты так хорошо ориентируешься в моей квартире?!

– Я тебе её выбирал, – отвечал Михаил Александрович, жуя круассан. – Всего три года прошло, прекрасно помню планировку...

– Это да, а про кухню мою откуда такие сведения? Даже я о том, что круассаны принесла домработница, не знала.

– Случайно увидел, – отмахнулся Божесов, протягивая Елизавете Николаевне чашку чая. – Мне что чай с круассаном, что какава с баранкой.

Орлова сделала глоток и опустила спинку кресла, принимая расслабленную позу.

– Миш, вот мы с тобой самые безнаказанные в России

люди, которые способны совершить всё что угодно и ничего нам за это не будет...

– В Мытищи стрелять сегодня не поедем, Лиза. Я пистолет не брал, – с серьёзным лицом перебил Михаил Александрович.

– Да я не про это! – бросила раздражённо Орлова.

– Я понял, – вновь перетянул Божесов на себя. – Я тебя боюсь, ты меня. Мы играем с людьми, с системой. Так уже давно сложилось, с 2023 года... Но предстоящие два месяца нам нужно усердно держаться вместе, сопротивляясь всем враждебным силам.

– Поправочка, Мишань – два месяца, если нас не съедят за эту неделю... Иначе будем несколько лет возиться с судами.

– А разве что-то идёт не так?

Орлова проглотила последний ломтик своего круассана.

– Мне кажется, мы что-то упускаем, – таинственно произнесла она, закидывая ноги на стол и сбрасывая туфли.

– Красивый педикюр, – сказал Михаил Александрович вальяжно. – Давай ещё раз. Послезавтра, в воскресенье, состоится четвёртый и наиболее массовый митинг «True liberals» против конституционных поправок. Так как мы по минимуму выставляем полицию, обязательно будут лёгкие беспорядки... Возможно кто-то их подтолкнёт... Это один из этапов нашего плана.

Орлова недовольно сморщилась.

– Знаю, Лиз. Ты меня осуждаешь за показуху и театраль-

ность некоторых моментов, но без этого удовольствие получить нельзя...

– Хорошо, даже спорить с тобой не хочется. Но ты стремишься к лишнему. К среде можно вполне остановиться... Но я так и не понимаю, какую выгоду ты извлекаешь из невмешательства в своё уголовное дело?

Божесов помолчал и поставил чашку на столик, сложив руки в замке на коленях.

– Честно, не знаю. Но планирую, что это разделит меня с предыдущей властью, сделает борцом, мучеником и героем.

– Хорошо, хотя ты и так герой после борьбы с эпидемией.

– В России нет института репутации, никто моих заслуг не помнит... Так что давай о деле.

– Но в сознании всё равно остаётся понимание того, что ты управлял твёрдой рукой в критическое время... А если о деле, то меня беспокоит прокурор Смолов.

– Отчего же? Он всё сделал так, как надо. Дело подшито, выводы правильные и нужные. Его партия разыграна безупречно.

– Вы же с ним недолюбливали друг друга, когда он был Лимским прокурором после тебя.

– Так, – строго, хоть и шутливо, сказал Божесов. – Это не имеет никакого значения, мой троллинг давно закончился... Мы со Смоловым начали переписываться с 2017 года, он спрашивал о процессах, о судьях, поздравлял с днём рождения и многое другое. А в 2019 он стал прокурором вме-

сто меня и отношения испортились чуть–чуть, он заносчивее стал. Мы это исправили просто. Шесть лет назад встретились, и я ему показал сохраненную историю диалога. Почитали переписку, освежили эмоции и воскресили прежнее уважение с оттенком дружбы. Действенный метод, кстати. Если с каким–то человеком чувствуется напряжённость в отношениях, просто перечитай переписку с ним, сразу станет легче, потому что увидишь своё прошлое отношение к нему. Добрые уважительные отношения всё равно лучше вражды и игнорирования. Дружить же надо со всеми.

– Ты мне на что–то намекаешь? – заметила Орлова с издёвкой.

– Ну, может и не без этого...

Михаил Александрович поднялся с дивана, поставив чашку на поднос.

– Я ещё переживаю о том, кто финансировал «True liberals», – говорила Орлова.

– Даня и Катя пытаются найти его.

– Но ведь Минович должен был встречать с информатором? – спросила Елизавета Николаевна. – Ты рассказывал.

Божесов положил свои руки ей на плечи, массируя их.

– Да, но теперь Миновича с нами нет.

– Но не факт, что Клёнов не пошёл на встречу, – произнесла Орлова, блаженно закрывая глаза.

– А Клёнов был в театре сегодня?

– Да... – протянула Орлова, расслабляя плечи и не обра-

щая внимание на слова Божесова.

Михаил Александрович своими мягкими пальцами водил по её плечам и шее, разминая их. Орлова учащённо дышала.

– Стоп, а что ему мешало встретиться с информатором из Правительства? Мы все были там! Да и Клёнов не особо разбирается в академическом музыке, как я заметила в Ницце, – заговорила она неожиданно. Божесов убрал руки с её плеч.

– Ну, поздновато вспомнила. Давно бы уже проследили за его контактами и за передвижением всех наших.

– Это обязательно нужно проверить, возможно, узнаем что-то о планах Лапина, – сказала Орлова, сетуя на себя за слова, подтолкнувшие Божесова к завершению разговора и переключения на другую тему. – Что ты решил по Князеву?

– А должен был? С его пэрвой любовью разбирайся сама, по совести. Но потом я приглашу его в наш клуб «франчизма» точно.

– Вряд ли согласится на политическую деятельность, хоть и разделяет наши взгляды, – отмахнулась скептически Орлова.

– Поддержит, ты плохо читала его книгу! – посмеялся Божесов.

«Как будто ты читал внимательно, литератор», – ласково поругала Божесова Елизавета Николаевна. Он будто услышал её мысли и мгновенно отреагировал:

– Знаешь, какая метафора была заложена в образ Лолиты у Набокова и в образ Лары у Пастернака в «Докторе Жива-

го»?

Орлова посмотрела на него с вопросительным выражением усталого лица.

– Это метафора самой России, которую грязно и безумно имеет сильный властелин. Пошляк и растлитель. Гумберт и адвокат Комаровский соответственно олицетворяют такую грубую и инерционную в своей жестокости власть...

Божесов уже стоял у двери. Елизавета Николаевна тоже была вынуждена спуститься в прихожую, выслушивая его слова с ласковым огоньком в глазах, но делая недовольный вид человека, не желающего придаваться пустословию.

– Божесов, я иногда удивляюсь, как ты можешь быть таким эффективным политиком–управленцем, – проворчала Орлова, провожая Михаила Александровича. – Ты ведь само противоречие! Идеалист с собственными представлениями о действительности, лишённый хоть какой–нибудь возможности анализа происходящего. Даже прокуратура тебя ничему не научила...

– Да, – отвечал самоуверенно Божесов, театральничая, – Я в некотором роде разочарованный шизоид, понявший, что мои взгляды не всем интересны, а потому силой приучающий людей к ним. Мне трудно понять человека с его постоянными проблемами, поисками себя, исследованиями недостатков, поисками поводов для борьбы! Да это и невыносимо, Лиз, если быть честным.

– Ну, началось в колхозе утро... – прошептала Орлова,

облокачиваясь на тумбу в холле.

– В школе я учился хорошо и даже чуть–чуть отлично, но всё это только благодаря моей исполнительности, умению налаживать отношения с учителями и расчёту в получение нужных оценок для итогового четвертного результата. Точно это же спасло меня в вузе... Вообрази, за 5 лет я не пропустил ни одного занятия! И только благодаря моему постоянному присутствию в университете меня не отчислили... Я ведь плохой юрист, ты знаешь... Потом мы с тобой познакомились и, поддавшись свойственной нам с тобой театральности, вопреки всем протестам твоего властного отца, Царство ему Небесное, – сказал Божесов без особого сожаления, – Поженились как невероятно умные прогрессисты, без трёхдневной свадьбы, знакомых, платьев и лимузинов... А потом всё так закружилось, завертелось. Что вот я, умеющая «казаться» бездарность, стал премьером.

– Брависсимо, на слезу умеешь пробить, – похлопала Орлова саркастично. – Давай я спать пойду, а ты думай о светлом будущем. Иногда проще соглашаться с тобой.

– Я знал, что ты правильно меня поймёшь, – сказал Божесов, чмокнув её в лоб и, пританцовывая, удалившись.

«Какой бы бред не придумал, всё у него получается... – проворчала Орлова. – Божесов ты или Дьявол?»

Она поднялась в спальню, отделанную красными тканями, и упала на мягкую просторную и высокую кровать. Погружаясь в сон, она услышала звук уведомления и на авто-

мате, руководствуясь рабочими привычками, протянула руку за телефоном. Божесов написал ей:

«Так вот, Лиза, рано или поздно мы все приходим к простому выводу – Лолиту надо было не насиловать, а воспитывать... Так и России нужны воспитатели, любящие и направляющие её))»

Глава III

Неожиданная мысль Елизаветы Николаевны о Клёнове оказалась правдивой. После несчастного случая с Мировичем Красенко негодовал, передав своё настроение и Лапину. Они начинали чувствовать, что Божесов о чём-то догадывается, и были уверены в его способности инициировать гибель сотрудника Службы безопасности. Их планы резко смялись – первоначально они планировали собрать компромат на Божесова, принять конституционные поправки, допустить Божесова к выборам и в момент фактически двусторонней борьбы предать делу ход. Лапин отдавал себе отчёт, что сильно рискует, устраивая подобное политическое шоу, но, если бы он арестовал Божесова раньше выборов, то игроки его команды, грамотно рассованные по ключевым постам в системе федеральной власти, остались со своими должностями и причиняли бы вред существованию Лапина. Но во время выборов команда Божесова сплотилась вокруг него, покинув службу, а значит, была бы также скомпрометирована громким уголовным делом. Уверенность основывалась ещё и на том, что Божесова совершенно не любил бизнес и финансирование его избирательной кампании стояло под вопросом... Однако информация, добытая следствием, убедила менять стратегию.

Когда погиб капитан Мирович, Клёнов первым делом

нашёл контакты информатора из Правительства. Важность этой встречи была совершенно очевидна. Ему мгновенно удалось выйти на связь и договориться о разговоре, который должен был состояться в день благотворительного концерта в Большом театре. Клёнову досталось приглашение, и под ревнивые и злые взгляды жены Лены, которой было страшно и за жизнь Клёнова, и за безопасность всей семьи, он посетил концерт, довольно скучный для него. В театре он долго всматривался в публику, ища условленные элементы образа на предполагаемом информаторе. И нашёл её...

После завершения вечера, Клёнов вместе со всеми вышел из Большого театра. На Театральной площади, как и всегда, было много людей, но сейчас многие смотрели на парад кортежей чиновников и предпринимателей различного уровня. Клёнов глубоко вдохнул прохладный ночной воздух и, подозрительно озираясь по сторонам, держа осанку, пошёл на противоположную сторону Театрального проспекта. У мемориальной доски с цитатой Энгельса виднелась фигура сотрудника Правительства. Клёнов решительно подошёл к памятнику, но не спешил начинать разговор, первым делом нужна проверка.

– Вы не подскажите, о ком говорит Энгельс? – спросили у Клёнова, как и договаривались.

– Я думаю о Председателе Правительства, – ответил он.

– Глупый пароль и отзыв, – выдохнула женщина. – Можно было всё устроить проще, а не в шпионов играть.

Клёнов пожал плечами, не особо задумываясь над этим.

– Здесь говорить нельзя, скажу сразу...

– На Лубянку я не пойду, меня ваша собственная безопасность прекрасно знает.

– Пойдёмте в какой-нибудь ресторан тогда.

– Ну, вы меня ещё в Метрополь пригласите...

– Вряд ли я нарушу этику, – заметил Клёнов, игриво подняв бровь.

– Не в этике дело, – холодно ответила она. – Просто во всех хороших ресторанах Москвы меня тоже знают, я всё-таки довольно светский человек. К тому же я не могу позволить себе пользоваться финансовым вниманием женатого мужчины, зарабатывающего меньше меня.

Эти слова были сказаны только для того, чтобы затушить весёлый настрой Клёнова, и он ожидаемо оказался задетым. Огонёк в глазах сразу потух.

– Давайте-ка так, – сказал он грубо. – Встреча нужна вам, а не Службе безопасности. У нас и так достаточно материалов. Поэтому говорите место, где мы будем говорить или поедем на Лубянку.

Женщина с любопытством взглянула на Клёнова, и её губы растянулись в пухлой улыбке. Она понимала, что Артемий Алексеевич нуждается в информации и просто блефует, но и важность этого разговора для себя осознавала.

– Хорошо, – произнесла она, решая вновь заигрывать. – Поехали ко мне домой.

– Но... – невнятно начал возражать Клёнов. – Я без машины!

– Ничего страшного, моя здесь рядом стоит...

И она быстро сорвалась с места, не поворачиваясь к Клёнову, инстинктивно следовавшему за нею. На ближайшей парковке у Метрополя они сели в белый кабриолет Audi, крыша которого была закрыта.

– И никакой этики, и тем более женатости, – густо усмехнулся Клёнов.

– Разве я виновата, что вы такой распутник? – ответила с улыбкой она.

Довольно быстро Клёнов оказался в уютной квартире в Хамовниках, занимающей около 100 квадратных метров. Дорогой китайский интерьер квартиры был разработан каким-то знаменитым дизайнером, выдававшим себя за истинного азиата, но этнически оставшимся поляком. Первым делом Клёнову предложили чай и оставили на кухне с развешанными по стенам акварельными картинами. Пока Артемий доставал из своей папки несколько страниц, женщина успела снять украшения и заменить вечернее платье на лёгкий китайский халат, подчёркивающий выгодные стороны её фигуры и предававшей образу неприличную эротичность. Клёнов равнодушно посмотрел на помолодевшего от

домашней одежды информатора.

– На Лубянке наш разговор был бы продуктивнее, – сказала нежным шёпотом девушка.

– И длился меньше, – пошутил Артемий, не удержавшейся от косога взгляда на красную бретельку бюстгалтера. Девушка закинула ногу на ногу и по гладкой коже пробежал соблазнительный блик. Из-за этой позы от девушки исходила головокружительная энергетика, и в голове Клёнова за мгновение пробежало страстное желание, почувствовалось задыхающееся и пронзительное дыхание и иллюзия того, как он склонялся перед ней на колени, любовался каждой линией тела, поднимался с жадными поцелуями к животу, шее, пухлым шелковистым губам и запоем вдыхал аромат её волос... Она же гладила его кожу, царапая её кончиками своих тонких пальцев, наслаждалась звуками неровного дыхания и стремительным трепетом трясущегося от удовольствия человеческого тела в её объятьях. Раз, раз, раз, – колотилось сердце. Огненные стоны раздавались в апартаментах, он хищно смотрел в её глаза. Она плотно держала своими руками его напряжённую фигуру, подталкивая обоих навстречу мощной, смывающей всё волне гедонизма...

– С вам всё нормально? – поправила кимоно девушка с усмешкой. – Может быть коньячку?

– Нет, нет, – пробудился Клёнов и постучал себя по щекам, отвергая это странное наитие. – Давайте быстрее закончим всё. Меня ещё семья ждёт.

– Ах, жаль моя свободолюбивая сущность не понимает ваших переживаний, – фыркнула она задорно кокетничая.

– В общем, – проигнорировал ее Кленов, – Вы знаете, что на счета «True liberals» Правительство переводило деньги?

– Конечно, – взмахнула волосами девушка.

– И это делалось по распоряжению Председателя Правительства Божесова?

– Нет, – хитрая улыбка озарила её лицо. – Вы серьёзно считаете, что он причастен или просто создаёте картинку для меня?

– Что вы имеете в виду?

– Вы думаете, я глупа? – пояснила она. – «True liberals» получили свои двадцать миллиардов через сложную систему пожертвований. Было задействовано множество фондов, в том числе и принадлежащих видным предпринимателям. Например, Нарьевич и его «AnnaBank»... Но, уверяю вас, Божесов к этому отношения не имеет, – девушка сделал глоток из фарфоровой чашки.

– И всё же это происходило в Правительстве?

– Да, – кивнула девушка, добавив после короткой паузы: – И придумала это я.

Такого Артемий Алексеевич не ожидал.

– Вы?!

– Конечно, в реализации мне помог Фёдор Михайлович, заместитель руководителя Аппарата Правительства, но это звено промежуточное. Простой исполнитель неприглядной

схемы...

Клёнов замолчал, не особо понимая, что спросить и вообще не зная, что нового он узнал. Причастности Божесова к финансированию революции лично для него и так не существовало, и сейчас это подтвердилось.

– Вот выписки переводов, – девушка кинула Артемию папку. – Приобщите к материалам дела.

– То есть Божесов не предпринимал попыток насильственной смены власти? – спросил он прямо.

– Нет... А должен? – пожала плечами девушка. – Знаете, дело Божесова и так полностью фальсифицировано, но с этими бумагами вы можете предъявить ему нечто большее, чем посещение благотворительного вечера «True liberals» накануне задержания фур с оружием.

– Возможно я принципиален, – произнёс сосредоточенно Клёнов. – Но это мне кажется делом подлым...

– Ну, ну, ну! Не торопитесь с выводами! Как будто я захочу устроить встречу, чтобы просто передать «бухгалтерию», я вам желаю сообщить нечто большее, – тон её голоса понизился. – И успешное для карьеры...

– Что же? – заёрзал Артемий.

– Я думаю вы прекрасно понимаете, для чего Лапин и Красенко копают под Божесова?

– Ну, это форма политической борьбы. И довольно грязная форма.

– Именно! Но все существующие обвинения высосаны из

пальца и с лёгкостью разобьются адвокатами Божесова, что делает его самым успешным оппозиционером.

– Ну, я не считаю, что моё начальство этого не понимает...

– Оно всё понимает, – отмахнулась девушка. – Просто рискует с довольно глупой мотивацией. Власть уже давно не способна устраивать шоу...

– Ну, и что у вас? – нетерпеливо спросил Клёнов.

– История пребывания у высшей власти кровавого убийцы и должностного преступника... В 2018 году Божесов был областным прокурором в Лимске, а губернатором был нынешней глава МИД, Наклеватько. В 2018 произошла серия из четырёх убийств перед выборами, которая привела к протестам и смене власти в регионе. Исполняющим обязанности губернатора был назначен именно Божесов. Который в 2019 году организовал Международную ювелирную выставку, где было похищено изумрудное ожерелье, совершён теракт и убийство выпускницы. Следствие вёл новый областной прокурор Сергей Смолов, недавно назначенный Генеральным прокурором. А за безопасность выставки отвечала сотрудница местного отдела Службы безопасности Екатерина Алексеевна, нынешний начальник Управления Собственной безопасности. Дело было замято, раскрыто, а Божесов за избежание международного скандала был стремительно назначен Министром юстиции. До 2023 года он работал там и создал вооружённое подразделение на базе министерства, доверив его своему бывшему помощнику Даниилу. А потом

инкогнито приехал в Лимск, где при помощи Председателя облсуда Аркадия Хвостовского, который сейчас совершенно случайно третий год занимает должность Председателя Конституционного суда России, смог развалить заключительное слушание по делу об убийствах 2018 года, устранив физически подсудимого. А потом в Лимске же он выдвинулся на пост Президента. В 2024 году провёл кампанию, стянул всю свою команду и пригласил бывшую жену. Почти что победил, но увы, в него выстрелили и он впал в кому. Ну, а когда вышел, началось премьерство, за время которого он постепенно, пользуясь своей популярностью после борьбы с эпидемией, ввёл своих друзей на ключевые должности.

– На что вы намекаете? – по–настоящему заинтересовавшись спросил Клёнов.

– Он и так готов взять власть в свои руки. И его амбициям абсолютно не нужны поправки Конституции, – прошептала девушка таинственно. – Молчу уж про гибель вашего напарника...

– Пффф, – выдохнул Артемий. – То есть, вы говорите, что он совершал преступления до 2024 года? И к убийствам 2018 имел прямое отношение?

Девушка рассмеялась и продолжила говорить чарующим голосом:

– Можно сказать и так... Он покрывал преступника. Помог уйти от ответственности в 2018, а потом развалил дело ценой убийства в 2023... Но вы главного не слышали, как

будто! Говорю вам ещё: Божесову не нужно ждать принятия поправок.

До Клёнова наконец дошёл смысл этих слов. Его лицо изменилось и на нём появилась печать профессионального возбуждения хищника, почувствовавшего опасность и одновременно источник кайфа. Только мысль об убийстве Мировича отрезвляла его – он понимал, что Собственная безопасность вела расследование так, как оно было выгодно Божесову.

– Я понял! – закричал он довольно громко. – Спасибо вам!

– Вы уже уезжаете? – театрально разочарованно протянула девушка, стремясь привлечь внимание Клёнова, но оно было сконцентрировано на другом.

– Но лично он не убивал в 2018? – спросил он, молниеносно вернувшись из холла на кухню, чтобы забрать папку с финансовыми выписками.

– Там он только совершил должностное преступление. Статей много можно найти...

– И всё же, кто убил?

– Так я и убила–с, Артемий Алексеич...

Понимая всю важность полученной информации, Клёнов запрыгнул в заказанное такси и отправился к Красенко. За длительную поездку он успел позвонить Лене и сказать, чтобы она собирала вещи и уезжала из Москвы как можно быст-

рее. Она, разумеется, отнеслась к этому требованию негативно, но уверенный и мужественный тон Артемия не предполагал каких-либо возражений.

В полупустом ночном здании Службы безопасности дежурный направил Клёнова в Отдел по борьбе с терроризмом, где Красенко разбирался с провалившейся атакой на Большой театр. В допросных комнатах бесцеремонно разговаривали с задержанными, а сам Красенко, как в нТВэшном сериале про ментов, сидел в соседней комнате, наблюдая за допросом своими маленькими прожорливыми глазками.

– Что у вас? – не повернув головы, спросил Красенко у вошедшего Клёнова.

– Вопрос национальной безопасности. Нам лучше поговорить...

Красенко грузно повёл головой и, заметив возбуждённую дрожь на руках Артемия, попросил прервать допрос и выйти всем из этой комнаты.

– У вас должна быть встреча с человеком, переводившим деньги оппозиции. Даже не знаю, что вы могли узнать...

Клёнов положил папку на стол. Красенко вяло пролистал её, заключив:

– Ну, это отлично. Теперь есть доказательства перечислений, взятые прямо от Правительства, со всеми техническими тонкостями. Связь с Премьером будет установить не так трудно...

– А вы берёте в расчёт, что Божесову не нужны изменения

в Конституции?

– Так, капитан. Давайте–ка без наводящих вопросов и всё по существу.

Клёнов молча согласился, включив запись недавнего разговора. Прослушав с любопытством сказанные вещи, Красенко с мерзкой улыбкой прошипел:

– Ну, о делах Божесова и так было известно...

– Так почему нельзя предъявить ему за это?

– Ну, дорогой мой, как вы себе представляете убийцу и должностного преступника, который одиннадцать лет был вторым лицом государства? Сие не политично, и подставляет Администрацию Лапина под общественную критику. Но попытка переворота, наоборот, кажется уместной для такого человека, как Божесов, а его подавление поднимет популярность Сергея Николаевича.

– Но мы всё надумали по большому счёту! – возмутился Клёнов.

– Нам не нужен уголовник, нам нужен предатель, – металлическим голосом произнёс Красенко фразу, должную казаться мудрой. На деле вышло смешно.

– Вы хоть главное поняли? Божесову не нужна новая Конституция! Он будет действовать раньше!

– Спасибо, Артемий Алексеевич, – сказал Красенко, и его глаза показали Клёнову на дверь. – Ваша информация чрезвычайно полезна. Продолжайте в том же духе. Когда Президент вернётся из поездки, я обязательно сообщу о вашем

рвении.

Клёнов ничего не ответил, сделал формальный жест и вышел из кабинета, забрав свои вещи. Красенко сложил руки и в задумчивой позе с жатыми губами уставился в стекло, отгораживающее комнату допроса. В его голове складывался пазл.

Глава IV

В воскресенье началась масштабная акция–протест на проспекте Академика Сахарова, собравшая около сотни тысяч человек. Повсюду виднелись красочные транспаранты с лозунгами: «Лапинова Конституция», «Хватит конституцировать», «Наконститутил» – и другие не отличающиеся поэтичностью призывы.

Солнце освещало одухотворённые лица недовольных, испытывавших самое светлое счастье их жизни от мысли о том, что здесь они полезны, что здесь они делают по–настоящему Великие вещи... Полиции было много, но ненависти к ним со стороны протестующих было гораздо больше.

«Полиция с народом! Не служи уродам! – скандировали кучки людей, находящиеся ближе к правоохранителям. – Мусора позор России!»

Пёстрые кепки собравшихся двигались по всему проспекту, ожидая начала митинга. Любовь Аркадьевна – лидер оппозиционного движения «True liberals» – стояла около сцены, обсуждая последнюю информацию с коллегами.

– Полиция не шевелится, – сказал один. – Автозаков подозрительно мало и нет ни одного «космонавта»...

– Они нас демонстративно игнорируют, – подтверждал другой.

– Значит, надо их как–нибудь встряхнуть, – сказала Лю-

бовь Аркадьевна.

«Оставьте Конституцию! Оставьте Конституцию!» – начинали разливаться единодушные выкрики.

– Пора, Любовь Аркадьевна...

После нескольких зажигательных речей, ругающих обкрадывающий население лапинский «режим» и сплотивших протестующих у одной главной мысли, на сцену вышла Любовь Аркадьевна.

Речь её блестела популизмом и самыми абсурдными умозаключениями, которые так нравились толпе, что после каждой фразы она взрывалась в одобрительной волне экстаза.

– Они думают, что через 15 лет вновь можно вертеть Конституцией для своих интересов, чтобы как можно дольше оставаться у власти, продолжая разворовывать нашу с вами страну! Мы говорим им – хватит, уходите!

«Уходите!» – повторила толпа.

– Лапин и его близкое окружение только и делают, что поддерживают своих друзей–олигархов, забывая о нас с вами... Хватит. Их время прошло, второй срок президентства завершается. У–хо–ди–те! Дайте дорогу новым лицам!

«Новые лица во власти! Новые лица во власти!»

– Они не дали шанса нашему движению принять участие в обсуждении новой Конституции. Мы предлагали её семь раз! Но им всё равно на народное мнение. Нас не хотят слышать! Так мы даём им право решать за нас?

«Нет!» – прокатилось по всему проспекту громогласное

отрицание. Все кричавшие счастливо заулыбались.

– Им всё равно плевать на наше мнение! Но мы будем бороться за свои права. Во вторник, накануне сессии Избиркома о подготовке к голосованию, мы вновь соберёмся здесь и устроим масштабное шествие до Администрации Президента и до Красной площади! Мы хотим, чтобы нас услышали?

«Да!» – редела толпа, каждый участник которой думал только о том, как бы убежать с работы во вторник для получения такого колоссального заряда энергии.

Правоохранители скептически улыбались, предвкушая обычное развлечение с догонялками демонстрантов по всему центру Москвы. На краю толпы кучка особо активных студентов спорила с полицейскими. Один студент держал за спиной пустой стаканчик...

В связи с этим Лапин был вынужден вернуться из Крыма для экстренного совещания Совбеза. Сначала долго обсуждали внеплановые военные учения Китая в Хэйлунцзяне. Министр обороны и министр иностранных дел объясняли происходящее. Божесов притворялся спящим и незаинтересованным, но его кошачье внимание было обострено. Говорили много, Лапин был серьёзно напряжён. Когда военная и дипломатическая обстановка разъяснилась, начали предлагать стратегию ответных действий. Божесов усиленно

делал скучающий вид, а в глазах всё равно чувствовалось оживление.

– Пока мы тут обсуждаем действия Синь Лина, – произнёс он серьёзно. – На проспекте Сахарова Люба анонсировала шествие во вторник.

– Михаил Александрович, – сказал сурово Лапин, – Нам на оппозиционные выкрутасы наплевать. Этот цирк каждый год происходит. А с Китаем мы не договорились на прошлой неделе о территориальных водах, и, поверьте, от их учений проблем гораздо больше!

– Ну да, ну да... Когда нас внутренние проблемы интересовали, – затушил фразу Божесов. Лапин посмотрел на него даже с каким-то презрением.

– Зато вы только об этих митингах и думайте! – не сдержался от такого резкого высказывания он. Михаил Александрович сам понял, что сказал лишнее.

– Извините, Сергей Николаевич, нервы, – смиренно произнёс Божесов, Красенко и Лапин подозрительно переглянулись.

– Ладно, продолжим...

Они ещё сорок минут совещались об ответных мерах и рисках. Лапин с каждой новой минутой пытался завершить разговор, будто его ждало что-то действительно важное, но дипломатический и военный спор остановить трудно, потому ему приходилось ждать тишины. В конце концов, было решено провести учения в Дальневосточном федеральном

округе и вызвать посла Китая в МИД.

– И ради этого сидели полтора часа, – зевнул Божесов. – Такой ужин пропустил...

– Да успокойтесь, Михаил Александрович, – сказал Лапин Божесову, стоявшему уже у самой двери. – Вас я не задерживаю... А вот Красенко, секретарь Совбеза и руководитель Разведки останьтесь, пожалуйста.

Божесов искоса взглянул на Лапина и его сердцебиение невольно участилось, а глаза забегали, но он быстро взял себя в руки, помахав Лапину, вышел из зала заседаний.

– Что это было? – подошли к нему Министр иностранных дел и Министр обороны.

– Нормально. Кажется, хотят обсудить действия «True liberals» и их шествие во вторник под призмой моего влияния... Не будем мешать. Нам главное, чтобы был полицейский произвол, хоть где-нибудь и тогда пасьянс сойдётся раньше, чем они успеют что-то предпринять...

– Так, а точно будет произвол?

– Друзья мои, у нас аресты хоть и не так жестоки, как на Западе, но вызывают куда больший общественный резонанс! К тому же не забывайте, что фур было несколько... Не все же фуры мы им разрешили задержать, – Михаил Александрович произнёс это обаятельным шёпотом мерзавца. Министры переглянулись, не совсем понимая, о чём говорит Божесов.

– Операцию курировала Екатерина Алексеевна не случай-

но... – добавил он с озорным блеском в глазах.

– Ну, Миша! Это ж чистой воды напёрстничество, – прошипел сквозь зубы Наклеватько, испытавший такую же зазорную радость в глубине за рискованность Божесова.

– Куда мы без театра и паутины? Но, если что, всё равно никуда не отступайте, – многозначительно погрозил пальцем Божесов на прощанье, оставляя соратников в состоянии крайнего удивления и уходя из резиденции.

– Теперь, я надеюсь, вы всё понимаете, – сказал Лапин оставшимся членам Совбеза после прочтения ими материалов уголовного дела. – Божесов поощряет экстремизм с дальнейшим захватом власти...

– Ну, нам–то лапшу на уши не вешай, – прервал секретарь Совбеза. – Тут за уши всё притянуто. Ясно только, что Правительство переводило деньги на счета оппозиции, она обновила в том числе и автопарк, продала старые машины непонятно куда, а на тех машинах, непонятно откуда, в страну доставили биологическое и огнестрельное оружие. А дальнобойщики молчат в тряпочку и ни слова не произнесли за полтора месяца следствия... Честно, тут даже связь оружия с «True liberals» сомнительнее, чем факт участия Божесова в финансировании!

– А для этого у нас есть свидетельства из уст человека

его команды! – бойко вмешался Красенко. – Буквально на днях капитан Клёнов встретился с пресс–секретарём Божесова и получил от неё свидетельства денежных переводов, не вошедших в отчётность.

– Так, милые мои, она человек Божесова. Он опять дурит вас, как дебилов, – продолжил секретарь.

– Нет, – помотал головой Красенко. – Она врать не будет. Потому что это тот самый человек, который совершил убийства в Лимске в 2018 году и которому Божесов помог избежать наказания в 2023!

– Сомнительная логика, – тихим голосом сказал глава Разведки. – Это скорее говорит об обратной мотивации.

– Да, но нет... – начал пояснять раздражённо Красенко, пока Лапин не стукнул по столу со словами:

– Так, хватит об этом!

Все замолчали и посмотрели на него.

– Все согласны, что Божесов хочет власти, так?

– Да.

– Все согласны, что нам в его картине власти не место, так?

– Да...

– Все согласны, что Божесова нужно политически устранить, да?

– Ага!

– Тогда что мы обсуждаем? У нас есть основания, есть улики, есть свидетель... Да, Мари согласна дать показания,

господа! Взамен на новый паспорт и оплачивание жизни в Испании...

– Так почему мы не можем предъявить Божесову за произошедшее в 2018 и 2023? – справедливо заметил разведчик.

– Не, – отмахнулся Красенко. – ВВ после соглашения с ним о премьерстве приказал уничтожить все материалы. Так что по новой будем биться с этим, время потеряем...

– А трата времени нам не нужна, – перехватил Лапин. – Как Мишу кастрируем?

– Ну, смотри, Николаич, – потянулся секретарь Совбеза. – Правительство однозначно нужно будет распустить. После поправок это будет логичным решением. Да и в нём много сторонников Божесова...

– Вот–вот!

– Но отправлять Божесова в отставку и арестовывать его до голосования опасно. Оппозиция всё равно привяжет свои протесты и к этому.

– В рамках дозволенного, – улыбнулся Красенко.

– И всё равно, уголовное дело Божесова напрямую связано с либералами.

– А дело «Дальнобойщиков» с Божесовым не связано! – крикнул Лапин. – Коллеги! Точно! Мы запретим «True liberals», завтра опубликуем расследование только об оружии и причастности «True liberals» и внесём их в список террористических организаций. Всех лидеров арестуем...

– Но тогда мероприятие во вторник пройдёт с тройным энтузиазмом, – заметил Красенко.

– А мы будем кричать отовсюду, что это попытка революции, а идейные вдохновители в скором времени обнаружатся!

– А Божесов? Он всё поймёт.

– Мы его арестуем, но без официальных бумаг. Просто подержим где-то, пока не пройдёт голосование и тогда мы объявим его либеральным–фашистом революционером.

– Но вы забываете, Сергей Николаевич, что Конституционный суд и Генеральную прокуратуру возглавляют ставленники Божесова. Первый посчитает факт проведение голосования о Конституции неприемлемым в условиях майдана, а второй возмутится неправомерным арестом Божесова.

– Как мы вообще его допустили к решению таких кадровых вопросов? – удивился сам себе Лапин. – Мы договоримся с ними. Они не дураки и поймут, что Божесов политический труп.

– А СМИ? Их контролирует Орлова, бывшая жена...

– Это труднее... Но и она отвернётся от него, поняв, что всё серьёзно и мы действуем жёстко. К тому же надавим на СМИ через их прямых владельцев – всё–таки, бизнес на нашей стороне, а Орлову можно и не слушать... Неделю протянем так и поторгуемся, а потом арестуем всю гопкомпанию за участие в подготовке переворота.

Все переглянулись, оценивая про себя риски такой опро-

метчивой стратегии. Дерзость решений, конечно, манила всех, и азартность этих интриг возбуждало залежавшихся силовиков, не захотевших прощупывать всю почву...

– Мы можем сначала нейтрализовать оппозицию, потом Божесова, а потом его сторонников? – спросил Лапин у Кра-сенко, подводя итог.

– Безусловно.

– Это никак не повлияет на голосование и не будет нару-шать закон?

– В целом, перспективы приятные, – ответил глава Раз-ведки.

– Тогда сделаем это. Арестуйте Божесова, установите на-блюдение за всеми из его команды... Об оппозиции погово-рим завтра, посмотрим реакцию на аресты в «True liberals», оценим перспективы акции во вторник и методы противо-стояния. А главное без Божесова.

На лицах собравшихся проскочили тонкие улыбки злоб-ных людей. Они почти торжествовали.

Через несколько часов к официальной премьерской ре-зиденции Божесова приехало несколько микроавтобусов со спецназом Службы безопасности и возглавлявшим всё это Клёновым. С самого начала план молниеносного захвата дал сбой, потому что охрана Божесова (состоявшая, как пом-

нит читатель, из женщин) с весёлым о обескураживающим смехом отказалась открывать кованые ворота. Оставалось только действительно вломиться в резиденцию, но это привлекло бы много шума. Простояв около получаса возле ворот, Клёнов уже собирался сообщать Лапину, что его не пускают и грозятся открыть огонь, на что имеют полное право, ведь официальных бумаг не существовало... Но на радость Артемия в небе раздался звук приближавшегося вертолѐта, который через пару минут приземлился во дворе.

– Божесов прилетел, – открыла проходную дверь женщина в военном берете. – Теперь можете зайти, только шесть максимум.

Клёнов, пребывающий в состоянии лёгкого шока от происходящего сюрса, молча вошёл за ворота с четырьмя бойцами. Глупости не закончились, и этот спецотряд умудрился заблудиться в резиденции, уйдя в обратную от кабинета восточную сторону здания, где располагалась оранжерея.

– Гости мои ночные, – раздался голос из колонок внутренней системы оповещения. – Если ваш брат так всегда ездит, то я не в политику должен был идти, а в мафию. Обратно идите, а потом по лестнице на второй этаж. Кабинет мой по правой стороне зала.

Вскоре, им удалось добраться до кабинета Божесова, но тут была закрыта дверь.

– Хоть что–то сломайте, – вновь прозвучал голос с издёвкой.

Выбить дверь оказалось трудной задачей, но через четыре минуты возни и эту преграду преодолели. Божесов сидел в кресле напротив панорамного окна возле столика с проигрывателем и слушал 45 симфонию Гайдна на виниловой пластинке, закрыв половину лица левой рукой.

– Расторопные вы...

– Михаил Александрович, – обратился уже уставший Клёнов, но собрал всю волю в кулак для уверенности произносимых слов. – Мне приказано доставить вас в безопасное место.

– Целиком или в разобранном виде? – посмотрел на него Божесов издевательски, но в глазах виднелась потерянности, а руки дрожали.

– Поехали, Михаил Александрович. Вам объяснят всё потом, а мне домой ещё надо, жена.

– То есть, вы просто так? – выдохнул Божесов. – Бумаг с вами нет?

– Я просто вас сопровожу.

– О, это восхитительно! – вскрикнул Михаил Александрович, не теряя дрожи в руках, но приведя выражение лица в порядок. – Ведите...

Глава V

Епископ Евгений утром вторника был в отеле. Всё происходящее на улицах ему очень не нравилось и наводило на самые разные мысли. Он пил капучино с очень густой пенкой, сидя у стойки бара. Бармен смотрел на задумчивого Евгения любопытно и нерешительно. По телевизору крутили политические ток-шоу, в которых лоснящиеся люди в пиджаках обсуждали актуальную повестку дня.

– Вы заметили, что вчера нам просто дали информацию о планировании серии терактов Штабом «True liberals», запрете этой организации и арестах лидеров, а сегодня неожиданно начали критиковать действия Лапина, даже Первый канал... – говорил епископ бармену, продолжая смотреть на экран с немного грустным и тревожным видом.

– Так что с них взять? – сказал бармен на выдохе. – Играют с народом... Вчера оппозиция стала террористами, сегодня они просто поняли жёсткость своей выдуманной истории и решили замести следы. Обычное дело.

– Вы прямо как знаток говорите, – повернулся к нему Евгений.

– А то! У меня здесь такие люди, бывало, сидели, мама дорогая! Вроде большая шишка, а через фразу, как говорят о неудачах, винят Запад! Ну, не дураки?

– В чём же истинная проблема? – любопытно спросил

епископ.

– Ну, – бармен немного задумался, – проблема в них самих. Уж слишком страшно далеки они от народа, так сказать...

– Ленина вы специально цитируете? Коммунист?

– Нет. Просто в голову пришло случайно... Я вообще безыдейный! Главное, чтобы была работа, дом, деньги и еда. А какая политика мне не важно.

– Безыдейным быть опасно, – улыбнулся епископ. – Да и интерес у вас, признаться, какой-то весьма ограниченный. Думаю, у вас уже сейчас всё это есть?

– В целом есть, но не хватает... Знаете, у меня дочь родилась недавно. И двух комнат стало не хватать, – епископ скептически улыбнулся на этой фразе, – надо бы расширяться, но без ипотеки никуда! В Москве живём!

– Понимаю...

– Вот и выходит, что мне от власти ещё нужна поддержка для семьи.

– Как-то мало.

– Ну уж, пока хватит... Если уж шире мыслить, нужна и страховка адекватная, и гарантия мне рабочего места (а то, пролью я на вас кофе, и всё – вышвырнут, не спросят), и налоги адекватные, и медицина качественная и образование доступное... В Москве с социальным пакетом-то относительно нормально у меня, а брат в Уфе почти выживает, хотя программист.

– А теперь вы слишком многого от власти хотите! – хихикнул епископ. – Всё–таки коммунизмом пахнет.

– Да бросьте вы свой коммунизм! – усмехнулся в ответ бармен. – Видим мы, к чему он приводит. Союз стал полностью тоталитарным и загнулся, в Китае тоже диктатура и сплошные преступления, так что ясно, что всё это бред.

– Фу! Не говорите таких пошлостей, – улыбнулся епископ.

– Почему же?

– Потому что в мире никогда ещё не было коммунизма. Он ещё утопичен, нереален, но, в некотором смысле, великолепен... Не стоит судить о коммунизме на примере стран, считающих себя коммунистами. СССР, Куба, КНДР, Китай – это не пример таких стран, и не надо делать отрицательные выводы, исходя из их истории. В мире ещё не было коммунизма, чтобы подписывать ему приговор, но его и не будет, вероятно...

– А что будет?

– Да ведь я не философ! – сказал Евгений. – И вам, сами сказали, совсем не важен политический строй, главное, чтобы жизнь была комфортной... А это возможно в разных устройствах государства, – он допил свой капучино.

Бармен смолк, видимо, обдумывая всё сказанное.

– А вы священник? – спросил он сомневаясь.

– А, по–вашему, перед вами араб сидит с аккуратной бородой и в одежде, похожей на платье?

– Нет, нет... Просто, если бы на вас не было этой одежды,

то нельзя было сказать, что вы священник...

– Правильно, – согласился Евгений. – Не вижу смысла мешать мирское с духовным.

– Но это странно. Вы совершенно... адекватный человек...

– Вы ещё, я вижу, активный атеист? – спросил с непонятными интонациями Евгений

– Да, не верю совсем...

– Что же вы за человек такой – безыдейный, ни во что не верующий? – улыбался епископ, хотя и видел смущение бармена. Он улыбнулся.

– Не знаю... Если бы сейчас я сказал: Бог, дай мне денег! И в руке появилась пачка долларов, то, может быть, поверил...

Епископ Евгений достал из бумажника банковскую карточку и вложил её в руки бармена.

– Чувствуете благодать? – спросил он удивлённого таким жестом бармена. – Чувствуете, как на вас снисходит Святой Дух и по телу разливается вера? Сомневаюсь. Это самый странный способ попросить у меня чаевые, но оригинальный... Всё же, небольшая миссионерская работа. Вы деньги получаете каждый день, в том числе чаевыми. При этом вы не считаете, что здесь замешан Бог, хоть это полностью соответствует вашим «молитвам»... Но если эти деньги буквально упали бы нас вас с неба или просто очутились в руке или кармане, вы бы и тогда не поверили. Просто подумали,

что это фокус или ещё какое–нибудь чудо... В такой радости вы бы забыли и о Боге, и о своих к Нему просьбах.

Бармен внимательно слушал, вертя банковской картой.

– Вы же в Москве живёте, наверняка у вас есть какая–нибудь духовная практика, типа йоги или медитации. Вы точно занимаетесь поиском себя, внутренней гармонии, покоя, может даже смысла жизни и прочей ерундой... Так?

– Да, да... – кивнул бармен.

– Вот это всё ерунда, дорогой мой. Как спорт, конечно, полезная вещь. Мысли действительно можно привести в чувства, но без ярого фанатизма.

– Ну, я бы с вами поспорил, духовные практики... – захотел хоть что–то возразить бармен.

– Вы же сами сказали, что ни во что не верите? А теперь мне пытаетесь рассказать о своих достижения в раскрытие и поиске себя. Глупо.

– Ваша религия гораздо темнее и муторнее. Вечные страдания и покорность...

– Это очень неверные суждения. Тоже самое если бы я стал говорить вам, что для достижения духовного успеха на пути йоги требуется вступить в половую связь со своим учителем. Бред ведь?

Бармен кивнул.

– Вот и ваши суждения о Христианстве не то, что неглубоки, а совершенно не имеют отношения к действительности. Страданий нет – есть борьба с грехом ради собственного

очищения для Царства Небесного. Есть нравственная жизнь, наполненная состраданием и добротой к окружающим. А покорность и раболепство только в отношении к Христу. «Кесарю кесарево, а Богу Богово» – слова Евангелия от Матфея... Это ведь философия спасения гораздо шире, чем ваши духовные практики. Для вас человек – это блокнот, который нужно чем-то заполнить; для христианина – это готовая книга, которую нужно прочесть и понять смысл. Потому что для достижения Рая, для борьбы с грехом, у нас всё есть, нужно только правильно построить свою жизнь, пользуясь свободой совести... Как-то так, – улыбнулся епископ Евгений.

– Спасибо... – сказал бармен, протягивая карточку обратно Евгению.

– Я вам посоветую съездить в монастырь какой-нибудь Настоящий. Даже билеты вам пришлю... Три ведь? Жена и дочка ещё?

– Да, да...

– Съездите, посмотрите, почувствуйте и, может быть, чему-нибудь вас там научат... Я ведь не проповедник, а административный работник, – усмехнулся епископ. – Так что всё, что я сказал вам, лишь малая и неумелая частичка настоящей проповеди. С Богом, – он быстренько благословил бармена и сорвался с места. Карточка продолжала лежать на стойке.

У дверей отеля епископа ждал автомобиль отечественного производства Lada Vesta, нарочито скромного внешнего вида.

– Поехали, Иеремей, – сказал он коренастому монаху с густой бородой. – В Данилов монастырь...

Салон автомобиля не имел никакого отношения к Ладе, выглядел он гораздо просторнее, а сиденья были обтянуты натуральной кожей. Напротив отеля, около здания Службы безопасности, стояло два боевых броневедомства «Тайфун» и один «Тигр» с эмблемой Министерства обороны.

– Широко готовятся к сегодняшним протестам, – отметил Евгений, сощурившись подозрительно.

Автомобиль выезжал на Садовое кольцо по Большой Лубянке. На светофоре у Сретенских ворот епископ увидел белый кабриолет Audi со спущенным колесом. Водитель нераспорно возился возле капота, а рядом стояла недовольная женщина, то и дело поправляющая волосы.

– Останови здесь, – сказал епископ Иеремею и с прыжком выпрыгнул из салона. – У вас какие-то проблемы? – спросил он женщину.

– Да... Мой водитель не может справиться... А в аэропорту меня ждёт самолёт...

– Куда вам?

– В Чкаловский...

– Да? Это просто отлично. Мне по пути! – сказал оживлённо Евгений, хотя это не соответствовало действительности.

– Увы, мои вещи не влезут в вашу машину, – отвечала она, осматривая автомобиль епископа.

– Внешность бывает обманчива, – улыбнулся он.

После недолгих уговоров, видимо, понимая, что можно не успеть, она решилась воспользоваться шансом.

– Иеремей, давай в Чкаловский аэропорт, – Иеремей посмотрел очень удивлёнными глазами.

– Он у вас немой? – спросила женщина.

– Да...

– Мне кажется, я вас где-то видела.

– Я епископ Евгений Князев, – ответил он спокойно.

Спутница чуть заметно сморщила на мгновение лицо от неудовольствия.

– А вас как зовут?

– Мари...

– А... Вы пресс-секретарь Божесова? – поинтересовался епископ, прекрасно зная об этом.

Мари посмотрела на епископа, оценивая его.

– Бывшая, – произнесла она уверенно.

– Да? – удивился Евгений. – Думал, что в это трудное время ему нужны люди...

Мари вопросительным взглядом уставилась в Евгения, ду-

мая, в курсе ли он последних событий или говорит о чём-то другом...

– Вы не знаете? – спросила она.

– О чём?

– Божесов задержан, пока не гласно, но это конец его интригам...

В голове Евгения проскочила самая страшная мысль – если Божесов арестован, то «True liberals» бесповоротно стали террористической организацией, а всех сотрудников Штаба точно арестовали, а значит и...

– То есть как? За что?

– За попытку организации госпереворота.

Евгений побледнел.

– И Орлову тоже?

– Вижу, вы многое знаете, – ухмыльнулась она дико. – Пока ещё нет. Сначала разберутся с оппозицией и митингами, потом проведут голосование, а на следующей неделе официально распустят Правительство.

– А вы убегаете от своих идеалов, – прошептал разочарованно епископ.

– Что вы! – бодро возмутилась Мари. – Мишины идеи и взгляды были противны не только моему внутреннему миру, но и моему характеру либерального человека, любящего демократию и желающего менять страну к лучшему. Да, в 2023 я посчитала его человеком, способным привести и меня к власти, и страну в будущее. Но нет, он оказался недокомму-

нистом и даже фашистом...

– Вы ошибаетесь. Его идеи гораздо шире, – робко отвечал епископ, а Мари бодро, даже с агрессией продолжала:

– Он овладел моей жизнью, связал меня по рукам, сделав всего лишь пресс-секретарём. Конечно, я не святой человек, имеющий как моральные, так и уголовные преступления, от которых Божесов меня оградил. Ему было наплевать на меня и на кого бы то ни было. Только личные амбиции, аппетиты и чувство себя, как оракула мировой справедливости! Из-за него мне сейчас 35 лет, а у меня нет ни дома, ни детей, ни будущего в этой стране... И да, я убивала, Ваше преосвященство, лично, этими руками, веря в справедливость своих действий. Делала это ради практического результата, считая, что ценнее человеческой жизни могут быть только две человеческих жизни. А в результате своих преступлений чуть не привела к власти Божесова, а у него вовсе нет рамок. Будь его воля, он начнёт и Третью, и Четвёртую и любую другую войну... Поэтому я начала сотрудничество со Службой безопасности и Лапиным. Он хотя бы современен, и будет направлять страну в мировую рыночную систему, что в перспективе приведёт к изменениям в социуме. С Божесовым же построить демократическую и свободную страну невозможно.

– Разве не видите? – спросил её епископ, взволнованный вылитым на него потоком информации. – Мы с вами на Садовом кольце, движение на котором остановлено вашей «демократией»...

Мари посмотрела вперёд. Дорога была заблокирована океаном людей, вышедших против Конституции Лапина и против запрета «True liberals». Мари слегка усмехнулась.

– Видите, – ответила она, указывая на навигатор. – Все дороги этого участка Садового заблокированы чем-то... думаю полицией. Демонстрантов остановят прямо здесь и часа три поиграют с ними в гляделки, потом отпустят, как и всегда. Лапин не отличается в таких действиях от своего предшественника.

– Значит, без аэропорта?

– Ну, раз уж застряли здесь.

Автомобиль Евгения вместе с другими машинами завяз в толпе протестующих людей с масками на лицах. Они колотились в стёкла машин и выкрикивали громкие требования разного содержания с обильным использованием крепкой лексики. Постепенно этот поток стал останавливаться.

– Я же говорила, техника перекрыла Садовое...

Машины не могли выбраться из густого потока людей. Сзади подходили бронетранспортёры, блокирующие последние пути отхода. Автомобилисты невозмутимо и без малейшей тени удивления приняли свою судьбу случайных участников протеста, но не предавали значения, думая, что всё пройдёт мирно. И ошиблись. С краёв слышались небольшие автоматные очереди. Стреляли в воздух, но пронзительный визг испуганных людей, как мужчин, так и женщин, от этого не становился тише. Все хотели бежать, но были зажаты в

плотном кольце тяжеловесной техники. Некоторым везунчикам удалось вломиться в магазины, но все дворы, все дороги и переулки были наглухо забаррикадированы сотрудниками внутренних войск. Другие с остервенением стучались в застрявшие в толпе машины, выламывали стёкла и как зверки шныряли внутрь, пытаясь хоть как-то обезопасить себя. В воздухе повисли паническое настроение и страх загнанных зверей. Лишь изредка можно было услышать одинокие выкрикивания лозунгов, быстро затыкаемые короткой очередью поверх голов. Всем было страшно, ведь никто и представит себе не мог такое боевое развитие событий вокруг привычного для москвичей публичного мероприятия. Вдруг пропищал противный, режущий ухо звук системы оповещения:

– Внимание! Внимание, внимание! Внимание, внимание всем! – звучало со столбов всего города.

– Включи радио, – сказал епископ Иеремею.

Отовсюду: из радио, из колонок, с броневедомств полиции, с рекламных экранов вдоль дороги, на которых появилось ещё и видео, – слышалась металлическая ровная фраза: «Обращение исполняющего обязанности Президента Российской Федерации – Михаила Александровича Божесова».

Глаза Мари налились ужасом, дыхание участилось, и она судорожно облизала сухие губы, потерявшие манящую пухлость. Все: митингующие и их контролёры, – непонимающе

переглядывались.

Глава VI

Весь понедельник Сергей Николаевич Лапин широкими жестами распоряжался мерами во имя защиты государственного суверенитета. Утром в Штаб «True liberals» ворвался спецназ Службы безопасности и в крепких выражениях, сдобренных жестокими силовыми действиями, сообщил об официальном запрете деятельности и обвинении в террористической деятельности. Все каналы крутили и выпускали видео о подготовке оппозицией вооружённого восстания, убеждая москвичей проигнорировать запланированное на вторник шествие, но когда русский человек слушает рекомендации власти?...

Вечером понедельника состоялось запланированное заседание ограниченного состава Совбеза – при активном и воодушевлённом участии Лапина, директор Службы безопасности Красенко и руководители силовых ведомств разработали блистательную стратегию борьбы с «восставшими», как протестующих называла неизвестно откуда появившаяся поэтичность Лапина. Лицо Сергея Николаевича сияло от восторга – по большой карте Москвы он передвигал миниатюрные автозаки, играя с жизнями реальных людей.

– Нам нужно дополнительно подумать об охране Кремля, – говорил с генералами Красенко. – В это время Президенту необходимо находится здесь, в сердце России! В

Московском Кремле, чтобы показать несокрушимость нашей власти!

– Всё–таки хорошее шоу мы придумали, – геройствовал Лапин, – И оппозицию разгромили, и Божесова убрали, и переворот предотвратили, и Конституцию обновили!

– Да, Сергей Николаевич! Тут можно новую главу в истории писать, – соглашался с ним Красенко. Лапин похлопал его по плечу.

– Протестующие собираются на проспекте Сахарова, выходят на Садовое, бредут по нему, останавливая движение, выходят на Покровку, по ней идут до Китай–города, а потом на Красную площадь... – озвучил маршрут Министр внутренних дел.

– На Покровке их лучше всего будет остановить... – ба- систо заметил один генерал.

– Там магазинов много с выходами во дворы. Разбегутся, – поправил Красенко.

– Никаких Покровок, – прервал Лапин. – Мы остано- вим их исключительно на Садовом! Перекроем всё танками, БТРами, грузовиками и просто будем мариновать эту толпу на протяжении нескольких часов!

– А если они вооружены? – спросил Министр. – Вдруг ка- кое–то оружие всё же есть в городе?

– Тогда откроем по ним ответный огонь, – спокойно бро- сил Красенко. Лапин удивлённо поднял брови и чуть слыш- но усмехнулся на такую жесткость.

– Так что на Садовом законсервируйте их всеми имеющимися ресурсами.

– Между Каланчевской и Покровкой мы сможем заблокировать все дворы...

– Сергей Николаевич, а с Божесовым—то у нас что? – поинтересовался секретарь Совбеза.

– Сидит голубчик. Никуда не денется...

– А его люди?

– С прокуратурой и судом решили, могли, конечно, отозвать через Совфед, но Смоллов и Хвостовский пришли к внутреннему решению...

– А Министр обороны и Наклеватько?

– Ну, этим делать особо нечего, – сказал Красенко. – Армия не только министром управляется, но и Генштабом и лично Президентом. А от Наклеватько страшного быть не может – иностранные дела тоже зависимы от Кремля. Своего заместителя, начальника Собственной безопасности, я отправил в отпуск на три недели, в целом человек полезный, её можно не репрессировать... Но больше всего нас смущал спецназ Минюста, верный Божесову.

– И что? – единодушно спросили все.

– Мы устроили им отпуск, так что они демобилизованные.

– А что с Орловой? – робко спросил командующий московским гарнизоном.

Лапин вскочил с кресла в весёлом расположении духа и, оббежав вокруг стола, с аппетитом произнёс:

– Я её уволил. Нечего бывших Божесова держать капитаном корабля пропаганды!

На лицах собравшихся появилась улыбка облегчения – силовики не любили Орлову, часто играющую не на их стороне в медиа–пространстве, – а теперь она была устранена.

– Так что всё у нас хорошо, коллеги. Только завтрашний день пережить и голосование... А потом подумаем, почему эти годы мы жили практически в системе двоевластия! Что у Божесова даже армия своя была!

Чуть раньше этого совещания уже уволенная Елизавета Николаевна приехала к месту, в котором содержали арестованного Божесова. Сидел он комфортабельно – большая камера с полноценной кроватью, письменным столом по стеночке и отдельной ванной комнатой. В момент, когда грубый мужлан–надзиратель привёл к нему Орлову, он вышел из душа, одетый в пушистый белый халат. Надзиратель посмотрел на Божесова презрительно и вышел из камеры, будто сдерживая какую–то скрытую ненависть.

– Козёл, конечно, редкостный! – сказал Михаил Александрович. – Ни слова мне не сказал, а такое ощущение, что в чай плюёт.

– Ты тут и суток не просидел, Мишаня, а уже чаи хлебаешь.

– И вообще на харчах бластных сижу... Ладно. Что там у нас? А то телевизор мне отключили.

– Тогда обрадую тебя. Оппозиция арестована в полном составе, ты формально всё ещё Премьер, а меня уволили, – говорила Орлова, доставая откуда-то маленький телефон и передавая его Божесову. Он с удовольствием взял его и прочитал сообщение: «Точно прослушивают. Пиши всё важное здесь и не отправляй. Как тебе помочь?»

Божесов стёр сообщение и, набрав новое, показал его Орловой: «Кого ещё уволили или арестовали?»

«Только Катю отправили в отпуск и спецназ Минюста».

«Отлично! В таком случае это всё меняет...»

«Я знаю, что ты хочешь сказать. Смоллов и Хвостовский тип достигли соглашения с Лапиным, но готовы действовать на твоей стороне».

«Ты ведь сделала что-то?»

«Да. От твоего имени и имени Правительства составила официальное обращение в Конституционный суд и Генпрокуратуру для проверки соответствия деятельности Службы безопасности и распоряжений Лапина законодательству»

«Умница. Что нам для реализации плана не хватает?»

«В целом, твой арест ничему не мешает. Только техники для спецназа нет, хотя сами ребята готовы и проинструктированы. И СМИ под вопросом...»

«Короче, технику пусть пригонит минобороны из верных ему частей. Оружие там же возьмут, и на своих складах, если

что, отобьют. СМИ в первую очередь взять под контроль, а интернет в Москве вырубить».

«Весь?»

«Конечно, пусть люди возмущаются методами Лапина по разгону митинга! Принеси ещё мой костюм парадный. Висит в третьей линии гардероба на специальном месте. Как есть, так и принеси и ничему не удивляйся. И забери меня завтра с тяжёлыми, мне ещё надзирателю по морде надавать надо».

– Где Мари? – спросил Божесов осторожно, но вслух.

– Вещи собирает твоя Мари, – в голосе Орловой слышался металл. – Это она с Красенко сотрудничала и деньги переводила.

– Ну, и умница... – прошептал Божесов с нескрываемой горечью. – Тогда знаешь, что с ней надо сделать.

– Давай в общем, – нарочито громко сказала Орлова. – Адвоката тебе найдём самого лучшего!

Во вторник же произошёл перелом. Пока люди собирались пройтись по Садовому кольцу, пока епископ Евгений пил кофе в своём отеле, а Мари ехала пока ещё на своём автомобиле в аэропорт, войска Специального отдела Минюста, получившие технику Министерства обороны и оружие, начали вставать у ключевых зданий в городе, не привлекая особенного внимания правоохранителей и руководства,

занимавшегося вопросами самого шествия. Госдума, Совфед, Федеральный Банк, все министерства, Лубянка, Администрация Президента, радио и телевидение – каждое здание контролировалось несколькими бронетранспортёрами и автомобилями десанта, ожидая приказа. Как только началось шествие, по всем каналам начали крутить критикующие Лапина передачи, в которых рассказывалось о возможных фальсификациях расследования о «True liberals» и предстоящем жестоком разгоне оппозиционно настроенных граждан. Постепенно передачи становились откровеннее и с нарастающей наглостью обвиняли Лапина и лично Красенко, не вспоминая о Божесове ни слова.

В этот самый момент в Сенатский дворец вместе приехали кортежи Министра иностранных дел и Министра обороны, состоящие не только из привычных правительственных люксовых автомобилей для руководства, но и неожиданно большого числа микроавтобусов–охраны – восемь штук. Максим Петрович первым вошёл в здание и первым делом посмотрел на наручные часы и, перекрестившись, направился в кабинет начальника охраны, передав ему документ. Прочитав приказ, начальник побледнел, а в горле его резко пересохло, и он начал тяжело дышать.

– Как? Это ваше распоряжение?

– Да, генерал–лейтенант. Я приказываю заблокировать Сенатский дворец от сотрудников Службы охраны и силами гарнизона Кремля не допустить их присутствия здесь.

– Вы что хотите устроить? – начал говорить генерал–лейтенант увереннее, вставая в позу верного пса.

– Послушай, – оборвал Министр обороны. – Просто заблокируй Сенатский дворец и на полчаса закрой глаза. Мы всё сделаем законно...

– Максим Петрович, – легко зашла в кабинет Орлова, одетая в полностью белый костюм, закрытый костюм, – Вы не то говорите... Генерал–лейтенант, вот это распоряжение Генерального прокурора и постановление Конституционного суда. Против Лапина начинается процесс импичмента, а вы просто поможете нам вынудить его подать в отставку без вмешательства Службы охраны. Чтобы ваши в наших не стреляли. Хорошо?

– И ещё раз, это приказ! – буркнул Максим Петрович.

Генерал–лейтенант безнадёжно кивнул и сделал звонок своим постам. В этот же самый момент из микроавтобусов выскочило по семь хорошо вооружённых и экипированных спецназовцев в чёрных костюмах и броне без опознавательных знаков.

– Отлично, – улыбнулась Орлова и её зубы совпали в своей белизне с костюмом. – Даниил сообщает, что Правительство, министерства и Парламент взяты под контроль. Вся связь остановлена и интернет отключен!

– Пора к Лапину, – встретил их в коридоре Божесов, тоже доставленный с кортежем. – Мой надзиратель меня в шесть часов поднял, козёл! И кашу принёс. Смотрел ещё так изде-

вательски...

Они поднимались к кабинету Лапина. Божесов был одет очень эпатажно: в белом приталенном двубортном пиджаке прокурора с золотыми пуговицами, блестящими звёздами на погонах и двумя крупными орденами, форменные синие брюки уходили в высокие кожаные сапоги, а вершиной и без того неестественного внешнего вида была тонкая шпага на боку. По лестнице поднимались очень бодро, а Божесов продолжал говорить:

– А потом, когда Игорь меня приехал забирать с распоряжением Смолова, этот надзиратель, как всякий русский мужик так стал вести себя почтительно! Лебезить передо мной и стараться угодить в последний момент. Но я посмотрел на него сурово и сказал: «Ну, ну! Жди расплаты». Представляю, в каком шоке он будет жить, боясь за каждый вздох... А ведь я про него забуду к вечеру.

У дверей в кабинет стояли бойцы личной охраны Божесова (те самые «эскортницы», но в полной боевой красе).

– Он хоть в курсе, что в здании происходит?

– Вряд ли, если и связываются, то только о ходе протеста. Сейчас он работает в одиночестве без помощников.

– Так помешаем ему!

И Божесов ударом своего тяжёлого сапога распахнул дверь и с елейной улыбкой зашёл в кабинет.

– Hello, my friend! – сказал Божесов. – Забыл, как враг будет на английском, но не суть... Не ожидал?

Лапин усталился на вошедших сумасшедшими глазами и, не до конца понимая, что происходит, поздоровался тоже. За мгновения придя в чувства, он начал наливать яростью и кровь стала приливать к лицу.

– Вот и рожа уже красная! Стыдно, да? – издевался Божесов, севший прямо на стол.

– Что происходит?!

Орлова популярно разложила по полочкам всю ситуацию.

– Вот видишь, дорогуша, теперь это ты преступник, а я невинно оболганный. А всё почему? Потому что конкурентов надо сразу устранять вместе с их сторонниками, лопух!

– А ты попробуй провести всю процедуру импичмента через Парламент, не факт, что поддержат, – отреагировал Лапин правильным. – Да и Службу безопасности вас всех закроет к тому времени!

– Ну, ну, ну! Какие мы глупые! Лубянка тоже взята под наш контроль, а господин Красенко ушёл в отставку...

– Миша, чушь не носи...

– А что мне чушь говорить? Катенька пришла со всеми наработками своего отдела, вместе с бойцами и убедила его слиться по-тихому. Он-то не идеалист, в отличие от моих друзей, их свободой от преследования не купишь, а ему только бы уехать в Испанию свою...

– И Катя твоя исполняющая обязанности?

– Это уж Президенту решать. Хочешь тебе, хочешь мне...

– Я о Красенко всё равно не верю, – отмахнулся Лапин. –

У нас всё нормально.

– Да, дорогой. Облажался ты. С утра СМИ поливают грязью, прокурор разбирательство инициировал, Конституционный суд некоторые решения аннулировал, благодать. Ты в дерьме, Серёжа! Давай свою отставку, – промычал последние слова Божесов.

– Так, а смысл в этом? – нагло спросил Лапин. – Мы так долго сидеть будем? Скоро всем под надзором твоих космонавтов сидеть надоест, и они спокойно уйдут из правительственных зданий. А там и генштаб войска пришлёт...

– А против кого? Против решений Конституционного суда? – развёл руками торжествующе Божесов. – Общественность сейчас твоими холуями на Садовом заблокирована и вряд ли поддержит... Так что пиши, Серёжа, пиши.

– Нет, – ответил с достоинством Лапин. – Переворот всё-таки ты устроил, если детально разбираться...

– Давай без морали, – зевнул Михаил Александрович. – Оставь это историкам. А сам подписывай!

– Не буду, что ты мне сделаешь?

– Миш... – окликнула его Орлова, желая сказать что-то сама, но Божесов, находясь в позиции сильного, яростно продолжил:

– Ну, тогда прости, Серёжа... Пристрелить тебя придётся, – и он угрожающе достал из своего кармана аккуратный пистолет Парабеллум.

– Пфф! Миш, клоунаду–то свою оставь, здесь свидетелей

полно, ты же не... – Лапин не успел договорить, потому что пистолет резким выпадом руки оказался возле его ноги, и Божесов выстрелил. Лапин взвыл от боли и заорал благим матом, вскакивая в кресле. Максим Петрович посмотрел на это шокированным взглядом, спецназовцы также удивлённо переглянулись между собой, а в глазах Орловой блеснул хищный огонёк.

– Теперь слушай меня. Следующая пуля в голову, – дерзко заговорил Божесов. – Подписываешься под отставкой, и едешь отвечать за всё по закону. Жене твоей бизнес оставим, а сам будешь в комфортабельной зоне сидеть со всеми условиями. Я тебе даже начальника колонии нашёл... Хотя, не будь я таким добрым, сидел бы ты в общей колонии, там таких как ты любят. Подписывай, подписывай...

– Дорогие друзья, дорогие соотечественники! – звучал по всему городу, из каждого радио, из каждого телевизора голос Божесова с уверенными властными интонациями. – В этот трудный день я собирался подать в отставку из-за несогласия с противоправными действиями Президента Лапина в отношении всех критикующих его политику граждан России и оппозиционного движения «True liberals». Я уже приехал в Кремль, чтобы заявить протест и подключиться к Вашему шествию, но меня ждала новость – Генеральный

прокурор России, Сергей Васильевич Смоллов запустил процесс снятия с Президента его полномочий. Сергей Николаевич подписал заявление о своей отставке прямо на моих глазах, и теперь, согласно 93 статье Конституции, я становлюсь исполняющим обязанности Президента Российской Федерации, как Председатель Правительства.

Божесов сделал паузу в своей речи. На экранах можно было увидеть, как он едва заметно сладко прищурился.

– Видя непростую ситуацию внутри страны, – продолжал он. – И осознавая наличие политического кризиса, я отменяю голосование. Кроме этого, уже сегодня в Государственную думу будет внесён законопроект о досрочных выборах Президента Российской Федерации, которые пройдут осенью... Теперь к сложившейся ситуации в Москве. Участники несогласованного, но справедливого шествия заблокированы сотрудниками правоохранительных органов на Садовом кольце. Уже отдан приказ об открытии коридоров и постепенном выведении граждан с проверкой удостоверяющих личность документов. Прошу вас, не поддавайтесь панике, всё хорошо, это формальная мера.

Божесов вновь сделал паузу, улавливая тишину притихшего города даже из Кремлевского дворца.

– Тем не менее, мы не можем обвинять Президента, пока его вина не будет доказана. Поэтому вся оперативно-розыскная деятельность будет продолжена и в отношении «True liberals», и в отношении возможного фальсификатора, ди-

ректора Службы безопасности Красенко, и в отношении экс-президента Лапина. Вопрос об истинности попыток переворота всё ещё открыт, а потому, видя ситуацию, способную угрожать национальной безопасности и конституционному строю в нынешних обстоятельствах, я ввожу на всей территории России режим ЧП сроком на четырнадцать дней. Во все города с населением более 100 тысяч человек на временном основании будут введены войска со всей полнотой административной власти и введён комендантский час. Также объявляю эти недели нерабочими. В качестве мер финансовой поддержки населения единовременно каждому гражданину Российской Федерации, независимо от возраста, занимаемых должностей и вида деятельности, будет выплачен полуторный МРОТ. Благодарю Вас за внимание; будучи сознательными гражданами своей страны, мы преодолеем все испытания!

Глава VII

Режим, введённый Божесовым, сказался на повышении продуктивности. Казалось, Михаил Александрович совсем не спал все эти две недели – он широким шагом бегал по Кремлёвской резиденции, не расставаясь с неизвестно откуда взявшейся ордой помощников и отправляя частые сообщения, претворяя часть своей идеи «франчизма» в жизнь.

Аппарату:

«Назначить Е. Н. Орлову Руководителем Администрации Президента».

«Назначить И. С. Наклеватко ИО Председателя Правительства. Назначить Даниила Николаевича, руководителя Спецотдела Минюста, Министром иностранных дел. Екатерину Алексеевну – директором Службы безопасности».

«Спецотдел Минюста реорганизовать в Агентство правительственной безопасности с прямым подчинением Президенту».

Генеральному прокурору:

«Лапину и Красенко суд организуй самый быстрый».

«"True liberals" навсегда закрой. Людей отпусти только тогда, когда Люба догадается название на русское сменить. И полностью оправдай, даже дело сожги, сотрудницы одной из экономического отдела – Инги».

«Разморозь все дела на наших противников и проверку в

моей школе устрой».

«По коррупции проверки проведи в регионах».

Федеральному собранию (спикерам палат):

«Всех прокуроров переназначьте по списку... И подумайте о прямом подчинении здравоохранения Центру и реформе МСУ».

«Активнее ребята, поддержки от вас нет. Либералы не дают случайно? Могу помочь увеличением охраны».

Патриарху:

«Фонд епископ Евгений создал превосходный! Думаю, его надо повысить и дать больше свободы».

Министру иностранных дел:

«Успокой всех. Скинь цену на газ и начни разговоры о санкциях. Действуй через еврокомиссара Бийона. Также про Беларусь пару раз упомяни».

Правительству:

«Объявите кредитную амнистию для займов на сумму меньше полумиллиона. Возьмите из резервов».

«Скупите все обанкротившиеся банки через третьих лиц».

«В принудительном порядке, во избежание кризиса и привлечения денег запустите программу «50%+1 акция», по которой установленное в названии число акций компаний с годовым оборотом, превышающим 10 миллиардов рублей, перейдет в госсобственность».

«Налоги для малого бизнеса на три месяца отмените и

быстрый конкурс устройте с 1000 финалистов, которым деньги дадим на развитие».

Екатерине Алексеевне:

«Разберись с предпринимателями, которым жизнь не нравится. Знаешь, как...»

«Уволь всех ставленников Красенко. Полностью перетряхни структуру».

«Переведи Клёнова на Кавказ в Пограничную службу с повышением в звании».

«Мари отпусти на все четыре стороны с новым паспортом. Чтобы на континенте не было».

Патриарху:

«Ты тут?»

Министру обороны:

«В этом году подготовь отмену осеннего призыва. И вообще начни анализировать перспективы отмены всего этого дела. Чтобы через полгода пришли в ГД с готовыми цифрами и весенний стал последним».

Руководителю АП:

«Лиза, займись пересмотром кадров и курированием проекта "Дебюрократизация", в рамках которого штат государственных и муниципальных сократится в два раза, исключив канцелярскую волокиту».

«Начни готовиться к созданию партии. Программу сделай твёрдую и включи все наши социальные меры. Я специально всё не вываливаю сейчас. На Федеральном собрании

объявлю».

«Подготовь национализацию Федерального Банка».

Председателю Конституционного суда:

«Аркаша! Не звони мне по двенадцать раз, я занят. И да, прекрасно понимаю, что выхожу за рамки дозволенного ИО Президента. Поэтому найди мне основания для национализации Банка)».

«Кстати, текст новой Конституции готов? Конституционное совещание собирать по самым сокращённым срокам будем после выборов».

Все:

«ЧП продлеваю»

Патриарху:

«Чё меня игноришь?»

На 17 день после отставки Лапина Lada Vesta епископа Евгения двигалась по пустым улицам Москвы, жители которой хоть и были недовольны длительным заточением, но одобряли решительность Божесова и жёсткость его мер по отношению к сгнившей, по их представлениям, системе. Епископ ехал из Данилова монастыря, где жил после закрытия всех отелей, в гости к Елизавете Николаевне. Ехал без водителя, ехал через центр. Около Госдумы стояла группа солдат, наблюдавшая за вращением по кругу броневедомогиля

«Рысь». Из-за этого епископ не смог миновать пункт контроля. Ему махнули рукой, призывая остановиться. Закончил трюки и броневедомитель. Из него вышел офицер, похлопал кого-то по плечу, словно они спорили, и направился к епископу.

– Добрый вечер, – обратился офицер к Евгению, пока два солдата обходили автомобиль с металлоискателями. – Старший лейтенант Баникин. Вы знаете о введении режима ЧП?

– Здравствуйте, – обезоруживающе медово произнёс епископ. – Очень хорошо осведомлён.

– Я так понимаю, у вас специальный пропуск? – спросил старший лейтенант, с удивлением заглядывая в неродной для отечественного автомобиля салон.

– Разумеется, – протянул Евгений ламинированную карточку с QR-кодом.

– Вам далеко ехать? – поинтересовался офицер, возвратив пропуск.

– Ильинский сквер...

– Хм... вы ещё встретите посты, сегодня Президент обращается к Федеральному Собранию. Сопровожу, чтобы время не теряли.

Не дожидаясь ответа, старший лейтенант показал какой-то знак своим бойцам и запрыгнул в броневедомитель, шепнув Евгению:

– Вы поезжайте через Тверскую и Бульварное. Там постов меньше.

Они стремительно неслись по пустой дороге, но у здания мэрии их неприятно ждала толпа молодых людей, поодаль стояла группа экипированных полицейскими.

«Лжец! Лжец! Лжец!» – скандировали у дверей московского правительства.

– Простите... – виновато сказал Евгению вышедший из своей машины старший лейтенант. – Я спрошу сейчас.

– Конечно, конечно, я даже с вами... – и Евгений вышел из автомобиля, направившись вместе с Баникиным к усатому подполковнику полиции.

– Что у вас?

– Обычное дело, – отмахнулся подполковник, даже не заглядывая на эмблему старшего лейтенанта. – Лето в конце концов, студенты должны развлекаться. Даже, если комендантский час...

– Что будете делать? – деловито спросил подошедший Евгений.

– Посмотрим пока... Как потасовку устроят, тогда вмешаемся.

– Сколько у вас людей?

– Сорок дубинок, – ответил подполковник, шмыгнув носом.

Баникин осмотрел плотные ряды молчаливых «космонавтов», стоящих за щитками.

– А этих?

– Этих чуть больше тысячи.

Баникин достал карманный бинокль, чтобы увидеть лица протестующих.

– Вещает что–то... – произносил он, направляя взгляд на брюнета с правильными чертами лица, вскочившего на крыльцо мэрии. – А зачем им мэрия?

– Ну, у Кремля танки, – повёл головой подполковник. – Какой дурак на них полезет протестовать!

– Точно, – прошипел Баникин. – Надо моих вызывать, подполковник. Здесь возможна провокация из–за послания Собранию и выдвижения Божесова на выборы...

Евгений услышал эту последнюю фразу, но не успел ничего спросить, как вдруг послышалось улюлюканье – толпа то ли случайно, то ли в порыве своего, «толпового» гнева, снесла дубовые двери мэрии.

– Сдержите их пока, – посоветовал Евгений, желая быть полезным, но подполковника рядом не было. Он уже направлял к зданию кучки своих бойцов, но это ни к чему хорошему не привело. Толпа продолжала стоять на своих позициях, а в мэрии уже хозяйничали наиболее активные протестанты. На головы полицейских, раздающих удары направо и налево, летела техника из захваченных кабинетов городских чиновников. Подполковник матерился на подчинённых, которые в какой–то момент отступили от опьянённых пятиминутной потасовкой молодых людей.

– Вызвали? – спросил у Баникина подполковник.

– Так мои и подьедут, – с ехидной улыбкой ответил стар-

ший лейтенант, указывая епископа в сторону Охотного ряда, откуда шла колонна зелёных военных машин, в течение трёх минут заблокировавшая все пути отступления протестующим.

– Ну–с, подполковник, теперь вы свободы. Уводите своих людей.

Полковник с готовностью исполнил приказ.

– А мы тоже поедem, извините за этот форс–мажор, – предложил Баникин, уводя Евгений обратно к автомобилям. – Объедem их через Дмитровку...

В это время спецназ АПБ включил ультразвук, и в ушах епископа, находившегося на значительном расстоянии от мэрии, зазвенело, он услышал вопли демонстрантов, воспринявших звук ещё мучительнее. Очень скоро епископ приехал к дому Орловой. Баникин подошёл к нему ещё раз извиняясь за задержку и прощаясь.

– Благодарю, старший лейтенант, – кивнул Евгений.

Офицер добродушно усмехнулся и на большой скорости рванул обратно к Думе.

– И это вы меня упрекали в использовании чужих средств, – шутил епископ, заходя в апартаменты Орловой в совершенно спокойном расположении духа.

– Ну, мне по статусу положено, – отвечала она воздушно. –

Они прошли в столовую с панорамными окнами.

– У меня здесь хай–тек и минимализм, – говорила Елизавета Николаевна, – А не ваш имперский стиль со скульптурами, мрамором и неофеодализмом... Как вы пережили все события?

– Нет причин жаловаться. Ваш «переворот» я встретил на Садовом, а комендантские часы переживал в монастырях... Лекции правда мои не состоялись, но это даже к лучшему. Трудно говорить с русскими семинаристами, многие из которых старше меня... Любят спорить о жизни, а иногда загоняют что–то о православном социализме. И зубрилок умных терпеть не могу, говорят всё правильно, а думать и рассуждать не умеют. И наивны к тому же, впрочем, это прекрасная черта чистого человека.

– Неужели вы не можете обаять их? – спрашивала Орлова, глазами показывающая домработнице, что нужно подавать на стол.

– Сложно работать в духовном образовании в России... Мои французы проще... Европейцы нашли себя и твёрдо стоят на ногах с уверенностью в своих личных силах и исключительности, для них христианство стало философией, доказывающей, что они совершенные творения. Русские же люди находятся в постоянном поиске себя – они недовольны жизнью, властью, своим характером или внутренним миром. Кто–то слишком эгоистичен, кто–то слишком недоволен собой. Такой слишком широкий охват собственной личности

объясним временами, когда смысл жизни был лишён духовности...

– Вы говорите о Советском времени? Просто мне кажется, что всё, о чём вы сказали, было в русском человеке постоянно.

– Ну, Елизавета Николаевна, вы можете обратиться к классической литературе и тогда вам станет понятно, что к поиску себя были склонны личности, души которых не открывались для Божьего света... Онегин, Печорин, Чичиков, Базаров, Лаврецкий, Вронский, Рогожин, Ставрогин, Верховенский, Грушницкий, Лёвин, Болконский. Все эти персонажи стремились найти себя, конечно, в разных сферах, но концептуально они искали смысл жизни. И увы, никто из них его не обрёл: кто-то желал денег, кто-то семьи, кто-то любви, кто-то страсти, кто-то был просто слабохарактерной личностью, как Лёвин, а кто-то, будучи талантливым и ценным человеком, погрузился в безумный эгоизм и пошёл по пути неправильного самопознания, как Болконский... Потому все эти персонажи плохо кончили.

Орлова не притрагивалась к закускам, с тонкой улыбкой ожидая возможности ответить.

– Вы не менее категоричны, чем ваши семинаристы... Не берусь говорить про каждого персонажа, потому что знаю их судьбы довольно плохо... Но неужели авторы вкладывали именно такой посыл в эти образы? Неужели Чичиков неспособен к исправлению, неужели Вронский не искупил себя на

войне, неужели Ставрогину были чужды муки совести и раскаяние? И вряд ли Болконский пострадал из-за своей эгоистичности, он просто был потерявшимся, побитым жизнью человеком не от мира сего, не склонившим тем не менее головы и потому не отбежавшим от ядра.

Епископ Евгений тоже слегка усмехнулся, понимая, что Орлова не хуже него ориентируется в русской литературе.

– Все эти герои безусловно не представляют из себя авторский идеал, кроме Лёвина, конечно, но там как-то очень нудно... Они слабы либо нравственностью, либо духом, либо умом, либо активностью к жизни. Действительно прекрасна судьба Николая Кирсанова, с его семейным и личным счастьем... Лиза Калитина поступает очень жертвенно по отношению к своей жизни и любви; Шатов, окрылённый искренним чувством к жене, достоин всяческого уважения; вершиной же толстовского «человекописания» является Степан Аркадьич. Его философия замечательна: «надо признаться, что пользуешься несправедливыми преимуществами, и пользоваться ими с удовольствием».

– А вот я, – говорила Орлова, опуская сырный квадратик в мёд, – Считаю шикарным Салтыкова–Щедрина и его Порфирия Головлёва. Это прекрасный образец безнравственного, сладострастного и во всех отношениях мерзкого героя, который вопреки всем своим злодеяниям в конце романа испытывает духовный страх и в глубоком, но едва чуть уловимом раскаянии идёт на могилу загубленной им матери, где

и умирает. И мне кажется, что это позволяет ему спастись. А на ваш профессиональный взгляд?

– Да согласен, наверное... Вообще вся русская литература XIX занимается разработкой христианской философии, кто-то смотрит по-своему, как противоречивый Толстой, кто-то, как Достоевский, основывается на ортодоксальных идеях.

– И все одинаково критикуют попов, – засмеялась Орлова.

– Ну, Елизавета Николаевна, – смутился епископ. – Это у нас так принято из-за исторической несвободы Церкви и обслуживания ею государственных интересов... У меня исследование посвящено различиям социального влияния нашей Церкви и Католической. У них Ватикан – это государство, у нас Церковь – это государственный институт... В том числе поэтому я придумал фонд. Для влияния.

– А книгу-то вы зачем написали? – спросила Елизавета Николаевна после короткой паузы. Евгений немного смутился и с туманной улыбкой нарисовал глазами в воздухе круг.

– Это важная для меня работа. Я многое писал, начиная со школы, и это не лучшее моё произведение. Стиль, речь, подача мыслей, сюжет – неидеальны. Сложный для восприятия текст с высокомерной подачей. Но эта книга как память для меня, с идеями, событиями, чувствами и эмоциями. Конечно, я могу выкинуть оттуда многие моменты, Божесова, разговоры про политику, химичку в конце концов...

– Химичку не надо, – прервала весело Орлова, – Думаю,

вы бы обрадовались, лишив Божесов ее пенсии?

– Как богослов не могу, – улыбнулся Евгений смиренно, впрочем, тут же добавив: – Уверен, что для химичек есть отдельный котел в Аду!

– Ахаха! – засмеялась Орлова вновь, – Ну, у вас много хороших мыслей, которые понравились мне и Божесову, мы их даже для партии взяли! – Евгений мило улыбнулся.

– Я думаю добавить туда действительно важные социальные проблемы – вредные привычки, отношение к криминалу среди школьников, буллинг, нездоровую конкуренцию, общую депрессивность школьного бытия и проблемы поиска будущего. А так это просто интересная и важная для меня история собственного приятного прошлого. Хоть любовные линии тоже нуждаются в доработке...

– Какой же?

– Женщину можно хотеть любить, можно просто хотеть, а можно и просто хотеть, и с любовью...

– Вы вульгарны, – шутливо погрозила пальцем Орлова. – Я так понимаю, медсестра была объектом желания, Римма – поиск родственной души, а вот Инга уже сочетала в себе любовь платоническую, к уму и духу, и любовь страстную?

– Абсолютно верно, Елизавета Николаевна, сексуальной энергии у каждой было много, но душевный мир неподражаемым был именно у Инги... – не стесняясь, подтвердил Евгений. – Кстати, большое спасибо вам за неё. Её уголовное дело было уничтожено...

– Ой, – смутилась Орлова. – А я и забыла, Ваше преосвященство... – сказала она виновато, потому что после триумфа Божесова не думала уже ни о чём. Орлова быстро поняла, что это Божесов, вопреки всем своим словам, дал приказ, а вот Евгений посчитал забывчивость Орловой за скромность.

– Всё равно вы сделали большое дело, Елизавета Николаевна. Ну, а нагрузка у вас и правда большая, проект курируете, партию создаёте...

– Возглавляю и ещё кое-что в перспективе, – светло заулыбалась Орлова, желая уйти от темы своей оплошности. – После послания Божесова поймёте... Вы будете книгу публиковать?

– Нет, нет! Это для внутреннего распространения. Только знающие поймут... Единственная социальная мысль – это как раз божесовщина и важность живого общения между людьми...

– Потому что на расстоянии люди теряют интерес... – закончила за него Орлова, с меланхоличной улыбкой делая паузу. – Ну, а стихи, как сказал Божесов, у вас хорошие... Чувственные и саркастичные местами. С неожиданными метафорами... Наверное, они у вас лучше прозы, хоть вы их и не любите.

– Замечательный комплемент! – отреагировал Евгений заразительным смехом.

– Да не переживайте. Я в поэзии не разбираюсь, да и в чувствах тоже... Надеюсь, вы увидите с Ингой на встрече

выпускников.

– И я, – прошептал Евгений. – Жизнь местами непредсказуема, но моя любовь жива, пусть немного в другой форме, но Инга... *Первая*, единственная настоящая и самая лучшая...

– Пойдёмте, Божесова послушаем, – предложила мягким голосом Орлова, вставая из-за стола.

Они переместились в библиотеку, и Орлова включила трансляцию послания Божесова Федеральному Собранию.

– Он скажет что-то важное?

– О, да! – ответила Елизавета Николаевна оживлённо. – Это просто очередная сенсация...

– Я, кстати, так и не понял, почему у нас ЧП введено?

– Ну, помните, мы с вами в Ницце говорили о необходимости смены системы... Вот он и использует ЧП для потрясений и управленческих переворотов, открывая новую страницу истории.

– Но он действует резко...

– Да не то слово! На Конституцию совершенно не смотрит, всё просит Суд найти лазейки для полного разрушения системы и строительства своей социально-демократической монархии... Франчизма, как помните.

– И откуда у него эта мысль?

– Ну, он книжку читал в 2023 году, Максима Бенгальского... Бред такой, на самом деле, но ему понравилось. А потом в коме ему снился этот мир. Другим человеком вернулся в идейном плане, чётче стал и жёстче...

«Я благодарю Совет Федерации и Государственную Думу за оперативное принятие важных в это трудное время решений, а также за согласие выслушать внеплановое обращение», – начинал говорить Божесов.

– А где он сейчас? – спросил Евгений.

– Бенгальский? В Германию уехал, тяжело стало с нами работать...

«Предпринятые нами меры эффективно предотвращают возможности экономического кризиса и других нежелательных для нас потрясений. Уже за эти 17 дней моей командой были начаты очень амбициозные проекты, способные улучшить жизнь каждого россиянина», – продолжал красоваться Михаил Александрович.

– Смотрите, Евгений, сейчас будет сюрприз, – толкнула задумчивого епископа Орлова.

«Каждому гражданину нашей страны становится очевидно, что именно в эти дни Россия может повернуться и наконец–то после долгих лет скрепности, духовности, молниеносных рывков и умопомрачительных прорывов осуществить по–настоящему успешное преобразование в сторону действительно социально–правового государства. "Времени на раскачку нет" звучало огромное количество раз в этом ве-

ке, так вот, я вам говорю другое – мы по этому времени уже давно ушли в минус...

Я благодарю Государственную Думу и Совет Федерации за одобрение проекта о досрочных выборах Президента. Они состоятся, как и положено Конституцией, через два месяца. Скажу сразу, для всех собравшихся и всех граждан. Я не буду выдвигать свою кандидатуру на должность Президента Российской Федерации. Но от моей команды пойдёт человек, достойный возглавить государство и провести системные реформы», – в зале послышались вздохи истинного удивления и недоумения. Божесов продолжал:

«В скором времени, вы познакомитесь с этим кандидатом, а пока, пользуясь возможностью, анонсирую первые его задачи. Как вы знаете, уже сейчас идёт работа по созданию партии "Новая Федерация" с новыми лицами, свежими идеями и чистыми принципами. Именно поэтому наш Президент в первую очередь объявит о досрочных выборах Государственной Думы и приведёт партию к победе! – парламентарии возмутились подобному, сознавая, что принятие их в ряды партии не входит в планы Божесова. – И, разумеется, поправки Конституции будут приняты, но с немного другим содержанием, которое представит уже избранный Президент.

Много вопросов начнут решать – уже сейчас положено начало оздоровлению экономики, избавлению от олигархических монополий и действенным мерам развития всего малого бизнеса, уже сейчас мы работаем на повышение финансо-

вого благополучия наших граждан, уже сейчас создаём новые рабочие места, уже сейчас развиваем социальную сферу, уже сейчас готовимся к отмене призыва в армию...»

Последняя фраза никак не была воспринята парламентариями, но зрители, как и было надо, посчитали её очень удачной.

«И об армии – это центральная позиция. Срочной обязательной службой мы нарушаем главное право человека – право на самоопределение. Никакой пользы для государства нет в том, что физически слабые, нравственно добрые и мягкосердечные люди ломаются, проходя через год службы. Мы должны положить этому конец, сделав армию добровольной, а соответственно, состоящей из сильных, волевых и готовых погибнуть за Родину мужчин и, конечно же, женщин»...

– Ну, тут он палку перегнул. Погибнуть – ультраправый лозунг, – проговорила Орлова, разделяя страстный огонь глаз Божесова.

«...можно долго перечислять сферы, которые требуют изменений. Но я скажу проще – всё, всё–всё–всё нуждается в изменении. Нет ничего такого, о чём мы можем сказать: "Ну, ещё долго можно не менять". Новая команда политиков будет работать по всем фронтам... А на стандартный скепсис о власти "Голодный хуже сытого", я отвечу просто – нами будет выработана строгая система сдержек и противовесов, сочетающая демократический общественный контроль, беспрекословную власть закона, независимость судов

и взгляд опытных руководителей с безупречной репутацией... Всё это нам даст совершенно новая Конституция!»

– На что он намекает?

– На завершение 45–летнего периода истории России...

– А он «опытный руководитель»? Им он будет в новом периоде?

– Вы спросите об этом у него. Чуть позже... Он и вам место предложит.

– А кто станет Президентом? – не обращая внимания на последние слова Орловой, спросил епископ.

– Я, – был короткий ответ.

«Сегодня московская мэрия, – говорил голос из радио автомобиля епископа, возвращавшегося домой, – Подверглась нападению. Мародёры пытались разграбить здание городского Правительства, но были остановлены спецназом Агентства правительственной безопасности, применившим водомёты и предпринявшим успешный штурм здания. Основная часть преступной группировки была задержана в течение двух часов. Девять человек погибло.

Михаил Божесов анонсировал широкомасштабные изменения в случае победы своего кандидата на выборах. Сам Божесов отказался принимать участие в гонке».

Глава VIII

Стремительно приближался день выборов, а Божесов не устал работать во всю силу. Орлова официально стала кандидатом на пост Президента, возглавила созданную Партию и активно начала демонстрировать свою работоспособность и острый язык, не оставляющий оппонентам на дебатах ни единого шанса, да и просто, давя всех авторитетом, пониманием ситуации и незатёртостью в публичном пространстве своего лица.

В три часа промозглого утра близкого к дате выборов, епископ Евгений стоял под осеннем дождём в аэропорту. Он ждал Божесова. Вокруг чёрного, маленького и блестящего глянецом самолёта Президента копошились сотрудники Агентства, одновременно соннодвигающиеся под крыльями и выражающие своими действиями глубокую личную преданность. На взлётную полосу с огромной скоростью выехал кортеж, промчавшийся до специально устеленной ковровой дорожки, вымокшей под дождём. Из лимузина вышел Божесов в как всегда эпатажной одежде – на нём был серый двубортный костюм в клеточку, чёрный свитер с высоким горлом, а поверх был накинут бордовый плащ с золотой звездой, вышитой на лацкане. В тонких загорелых пальцах одной руки он держал любимую трость с головой собачки, в другой руке был бумажный стаканчик.

– Извините, захотелось за кофе заехать, – вместо приветствия сказал Божесов епископу и повёл его в салон самолёта.

Внутри борт номер один сиял чистотой белоснежных стен. Посередине располагался треугольный стол с мягкими креслами, следом за которыми расположилась барная стойка.

– Располагайтесь, но не слишком основательно, – сказал, скидывая плащ Божесов. – Мы сядем на военном аэродроме под Смоленском и поедem, как простые.

– Очень интригующе, – заключил епископ, снимая свой вымокший плащ. – Но всё же проясните мне самые основные моменты, Михаил Александрович.

– Разумеется, нам много придётся с вами обсудить... Жизнь, литературу, вашу карьеру, мои проекты. Вы завтракали?

– Нет.

– Сейчас исправим! – расплылся в гостеприимной улыбке Божесов, подбегая к барной стойке. – В этом самолёте я летаю без стюардесс, только с пилотами, поэтому готовлю иногда сам...

Божесов достал из холодильника и выложил на поверхность ветчину, два куриных яйца, зелень и листья салата с веточкой помидоров.

– Я бы вам сварил овсянку, но терпеть не могу кашу... – бросил он епископу, приступая к оживлённой готовке, с которой он расправлялся мастерски и с истинным наслажде-

нием.

Через семь минут перед Евгением стояла тарелка с обжаренным тостом, поверх которого лежал яичница, обрамлённая листьями салата с нарезанными на идеальные половинки помидорками и сочными ломтиками бекона. Искушённый ресторанной жизнью епископ положительно оценил манеру сервировки. Михаил Александрович выставил на стол бутылочку минеральной воды и пакет сока. А сам достал цилиндрическую баночку чипсов и газировку из холодильника.

– Бон апети. Знаете, только еда совершенна, Евгений. Остальное легко ломать и считать некрасивое красивым и модернистским, а еда всегда совершенна, даже без артхаусного вида.

– Merci, monsieur le president, – поблагодарил Божесова епископ, проигнорировав его глубочайшую философскую мысль. Самолёт взлетел, в иллюминаторах виднелись полоски света от дорог. – А вы не будете?

– Нет, я лучше съем эту вкуснятину! Представляете, с отставки Лапина ничего не ел вредного... И никаких изменений, анализы такие же. Поэтому смысла от здорового питания нет. Главное, чтобы было вкусно.

– Знаете, что меня интересовало в раннем детстве? – задал вопрос Евгений.

– Что же? – аппетитно хрустел чипсами Божесов.

– Cherry в инстаграме – это вишня или помидорка? – сказал епископ с такой милой юмористической интонацией, что

Божесов развеселился.

– Это прекрасный вопрос, волнующий каждого человека!
Ха–ха–ха!

– Так же, как меня волнует вопрос моего с вами путешествия, – сказал по–деловому епископ.

– Неугомонный вы человек... Смотрите, Евгений, сейчас мы с вами едем в Минск, чтобы разрешить целый ряд вопросов, с которыми со временем столкнётся Орлова, уже в качестве Президента... Выборы уже через три дня, а сегодня у неё последние дебаты.

– По вам можно сказать, что вы очень сильно волнуетесь за результат выборов, хотя всё и так очевидно, Михаил Александрович – Елизавете Николаевне, молодому и энергичному политику, да к тому же ещё и женщине, противостоит тридцатишестилетний бизнесмен–айтишник и семидесяти–трёхлетний член партии «Единство». Победа даже на честных выборах однозначно за Орловой!

– Приятно, что вы нас понимаете, Евгений, – жеманно раскланялся Божесов. – Её победа совершенно предсказуема, как мы с ней и планировали, три года назад...

– Так давно?

– Да, – протянул Божесов. – Нам пришлось долго разыгрывать эту партию со всеми нитями заговора. Так–то мы хотели дотянуть до следующего года, но этот Лапин решил вспомнить о политической конкуренции и русских методах борьбы с нею. Всего лишь канцелярских работник, интриг не ви-

дал...

– А почему же вы не хотите быть Президентом?

– Я не тот человек, который будет управлять. Я геополитик, я идеолог и я хочу творить интернациональный прогресс, – пафосно говорил Божесов. – Мне хочется осваивать Космос и строить государство во всемирных масштабах!

– Ну, это ведь невыполнимо. Да и Президентом быть не мешает, – разумно заметил епископ.

– На первое положение задаю вопрос – почему? – улыбнулся манерно Михаил Александрович.

– Потому что наш мир представляет из себя множество цивилизаций, враждебных друг другу, Михаил Александрович... Есть дисциплинированный китайский мир, есть сложно организованная Индия, есть огромный мир Ислама, который независимо от степени своего радикализма (а есть как предельно миролюбивый, так и очень кровавый) выстраивает строгую иерархию подчинения... И вот. Уже половина населения Земли, которой чужды ваши европейские представления о жизни на уровне менталитета. И я не говорю об Африке, где вас не поймут очень долго, и о Латинской Америке, в которой у населения существуют свои правила... Так что создание интернационального государства невозможно из-за людей и их характеров. Поменять их, конечно, можно, но это кропотливый труд многоуровневой пропаганды и культурного внедрения, труд лет на сто пятьдесят...

– Ну, а хотя бы на мир от Владивостока до Лиссабона у

меня жизни хватит? – спросил даже как-то грустно и Божесов.

– Вполне, это наша цивилизация.

– Вот и Орлова мне тоже самое говорит постоянно. Обидно, знаете ли... – фыркнул Михаил Александрович театрально.

– Так, а что будет, когда Елизавета Николаевна станет Президентом? – спросил настоятельно епископ.

– Мы примем новую Конституцию, – спокойно сказал Божесов. – И в ней будет положение о новой властной структуре... Вернее, надвластном формировании. Я создам некое «Политбюро» из двух Комитетов – Комитета государственного контроля и Комитета нравственности... В первый будет входить семь человек, занимающихся разными сферами политической, социальной и экономической жизни. А во второй войдут представитель религиозных и научных организаций.

– В чём же смысл этой бюрократии, Михаил Александрович? – скептически спросил епископ. Божесов улыбнулся.

– Это сложная многоуровневая работа по созданию «блестительной» власти с неограниченными полномочиями в коллегиальных решениях. Это Политбюро будет включать в себя лишь 15 или 20 человек, общую для всех канцелярию и пресс-службу. Кроме этого, Агентство правительственной безопасности перейдёт в прямое подчинение этой организации... Мы соединим должность премьеры и президента,

немного исправим структуру Парламента, подчистим судебную систему, создадим консультативный орган – Президентский совет – из грамотных юристов, экономистов, политологов и учёных, вместо госсвета из глав субъектов... Заметьте, в целом всё останется как прежде – Президента будут выбирать, максимум на два срока, он будет являться главнокомандующим и обладать теми же полномочиями. Но. Над всеми–всеми–всеми будет стоять моя организация, способная, аки самодержавный властитель с конкретной биполярочкой, – это ироничное высказывание, высмеивающее коллегиальность принимаемых в Комиссии решений, позабавило Евгения, – Отменить любое решение и заменить его на своё... В долгосрочной перспективе я создаю структуру, которая будет отслеживать антинародные решения любых, даже муниципальных, уровней власти и отменять их. Разумеется, эта структура будет подконтрольна народу, став византийской формой демократии...

– И формально всю полноту власти получите вы?

– Формально да. Но я точно не стану вмешиваться в дела Орловой, которая всё равно останется хранителем ядерного чемоданчика.

– И как же будет называться эта структура?

– Мне хочется носить звание Генерального Комиссара, так что назову Комиссией Федерации... Приятно осознавать, что все лавры достанутся Лизе. Столько реформ, столько нового!

– Но ведь вы остаётесь у власти? И власти высокой.

– Да что вы. Я просто хочу сидеть в кабинете, где–нибудь в новом городе с большой красивой рекой, и смотреть ролики на Ютубе. Увижу, что где–то сбили пешехода, а водитель оказался помощником прокурора и его отмазывают усиленно, сделаю звонок и порекомендую внимательнее относиться к такому делу... Благодать!

– Хм... Забавно... Орлова точно поделится с вами?

– Как ужасно, что вы не разобрались в наших с ней отношениях! – смеялся он. – Мы с Лизой просто идеальные политики, которых давно жизнь свела в едином страстном порыве. *Вообще, разобщённо, такие люди как вы, как я и как Орлова обречены на одиночество... Мы можем опереться только на воплощения самих себя...* Нам с Елизаветой повезло, и мы встретились. Да и вам, если верить вашей книге, очень повезло с парой, правда непонятна ваша радикальная форма одиночества...

– Это мои душевные потёмки, что у вас?

– Наши с Орловой потёмки были светлыми, – улыбнулся несвойственно тактично Божесов, решивший не реагировать на тревогу епископа, когда заговаривали о его книге. – Мы были довольно умны и прогрессивны, чтобы понять, что наш брак следует завершить. И не прогадали, как видно сейчас... «Если вы счастливы сегодня, значит, в прошлом вы делали всё правильно», – произнёс Божесов будто цитату, продолжив: – Мы обрели свободу, оставив при этом титаническое

взаимное уважение и восторг друг от друга. Елизавета – талантливый человек, умеющая, кажется, делать всё – она разбирается в программировании, понимает социальную и возрастную психологию, шикарный организатор и управленец, почему-то знает физику и имеет потрясающий взгляд на литературу...

– О, да! – кивнул епископ.

– Скажу, правда, что взгляд у неё излишне стандартный и хоть она и имеет чувство юмора, но начинает серьёзно воспринимать мои самые вольные высказывания о героях, что иногда раздражает... А ведь все беды из-за книг. Книги самый мощный источник пропаганды. Человек примеряет на себя образы, смотрит, как он поступит в тех или иных обстоятельствах. А это фантазия. Она развивается уже к сознательному возрасту и уже тогда мы становимся теми большими героями Достоевского, Гоголя, Чехова, даже Толстого. Мы ощущаем себя лишним человеком. Видим, что совершенно нормально метаться, пытаться найти себя, свой путь, своё призвание, свой смысл, истину, в конце концов... Но это всё пустое. Вся истина уже открылась и уже есть... Вы, между прочим, служитель этой истины, епископ, – Божесов говорил очень эмоционально, а самолёт заходил на посадку.

– Но мы с Орловой, – продолжал Михаил Александрович, – Поддерживаем друг друга в единой цели, потому что она талантливый во всех отношениях человек, имеющий безумно трезвый взгляд на мир и вещи, а я гений политики

с порой иррациональными методами.

– Талантливый человек талантлив во всём... Но гений будет гениален только в одной отрасли, являясь полным профаном в другой, – сказал Евгений.

– Абсолютно согласен! Именно таков наш синтез. Президентом должен быть талант. А идеологом гений! Как у вас там было в книге? *Друг друга гении поймут на полуслове, комфортно им общаться меж собой?* – задорно повторил Божесов стихотворение Евгений.

– Да, Михаил Александрович, – с удовольствием улыбнулся епископ.

– По ритму, рифмам и смыслу это лучшее стихотворение у вас... При чём там есть и подтекст романтических отношений, и подтекст отношений деловых. Впрочем, другие стихи тоже трогательны...

Самолёт совершал посадку на военном аэродроме. Божесов сел в кресло и пристегнул ремень. Епископ сделал то же самое. Над океаном облаков поднималось солнце, пронзая своими лучами в иллюминаторы самолёта, погружавшегося в густую пелену. На земле же было пасмурно, и всё ещё стояла ночь.

– Кстати, Евгений, – сказал Божесов уже перед самым прикосновением шасси с поверхностью полосы. – Я вам хотел предложить войти в Комитет нравственности от Русской церкви. Будете курировать вопросы образования, культуры и просвещения... Вам понравится.

Евгений спокойно посмотрел на Божесова и закивал головой:

– Я подумаю, – ответил он, хоть и знал ответ. Самолёт остановился.

– Думайте, пока мы будем ехать до одного замечательного места... Ваша машина крайняя, – крикнул Божесов, стремительно покидая самолёт, не дожидаясь Евгения.

«Спасибо, Господи, за этот спокойный полёт», – прошептал епископ на трапе.

По Минскому шоссе ехал кортеж Президента. От колёс отскакивали капли недавнего дождя, а в тонированных стёклах отражались бесконечные леса, вызывавшие в душе епископа Евгения, ехавшего в отдельном автомобиле, чувства приятной ностальгии. На переднем сидении автомобиля сидели две молчаливые женщины в военной форме из охраны Божесова. «Странная манера одевать своих телохранителей как военных» – подумал Евгений, хоть и осознавал эстетическую красоту этой формы.

– Можете радио включить, пожалуйста, – попросил Евгений несвойственно робко. Женщина–водитель, не отрывая взгляда, включила радио.

«... желают свободной счастливой жизни. Хотят быть окружёнными заботой и теплом, хотят иметь стабильный за-

работок и уверенность в завтрашнем дне, – звучало из колонок чтение текстов предвыборной агитации. – Уже через два года безработица будет сокращена в два раза, а уровень жизни повысится в четыре. Доступное жильё и здравоохранение – это реальность грядущих лет. Качественное и бесплатное образование всех уровней – реальность месяцев. Всесторонняя поддержка семьи и детей – необходимость завтрашнего дня... В это воскресенье выбирай благополучное будущее. Елизавета Орлова – Благосостояние, Образование, Семья».

На лицах женщин епископ увидел мягкую улыбку.

– Вы пойдёте голосовать? – решительно спросил он.

– Разумеется, – ответила неожиданно приятным голосом одна из них.

– Ваш выбор вполне очевиден, – попытался пошутить Евгений.

– А ваши аналитические способности поразительны, – продолжая смотреть прямо на дорогу, ответила женщина-водитель, тоже нежным голосом, в котором всё равно проскочил сарказм.

– Может быть, вы вообще не голосуете... – оправдался епископ.

– У нас никто не отбирает свободу, Ваше преосвященство. Мы хоть и подневольные в некотором смысле люди, но нас уважают гораздо больше, чем некоторых министров... А голосовать мы действительно будем за Елизавету Николаевну.

– Но ведь вы понимаете, что у неё не совсем яркие при-

зывы? – спросил Евгений.

– Благосостояние, образование и семья – это единственное, чем позволит ей заниматься Божесов, – улыбнулся женщина–водитель, сделав резкое движение и повернув автомобиль на съезд с шоссе. Кортёж остановился у придорожной деревеньки, в большей степени выполняющей функцию мотеля дальнобойщиков.

– Надеюсь, вас не слишком отвлекали мои эскортницы? – поинтересовался у Евгения неожиданно появившийся у двери Божесов.

– Какие–то они слишком либеральные, – усмехнулся, выходя из автомобиля, епископ.

– У них в контракте прописано говорить всякую чепуху... Бывает, оставишь их с пылкими французскими дипломатами, разговоры затянутся, флирт начнётся, а мои девушки глазки построят, множество бесполезной в практическом смысле информации вывалят, но сами получают гораздо больше. Так что всё, что они вам сказали, мне известно, – Божесов дружелюбно посмотрел в глаза епископу. – Но про Орлову они врут. Она сможет делать всё, на что хватит полномочий...

– А вы?

– *А у меня национальные идеи. «Справедливость, образованность, милосердие» – вот на чём можно строить Россию со справедливыми образованными и милосердными юнитами... то есть гражданами.*

Под пасмурным, но уже полностью выплакавшимся небом, они прогулочным шагом двигались к двухэтажному жёлтому домику с тепло горящими окнами за решётчатым забором.

– Именно здесь ночевали дальнбойщики с тремя нашими фурами... – сказал Божесов заговорщически и, оставляя епископа, вошёл в дом, взмахнув своим длинным плащом.

Евгений был уверен в полной безопасности здания, а потому, решил обойти участок. Сзади дома была пожарная лестница на второй этаж, поддаваясь какой-то неожиданной ребяческой мысли, Евгений схватился за перекладины и, опробовав двумя подскоками на прочность лестницу, стал подниматься. На верхних ступеньках он повернул голову назад и увидел тянущееся сквозь тёмные леса шоссе с редкими точками машин. В воздухе начинало разноситься птичье насвистывание... В соседнем окне вспыхнул свет, и епископ поспешил влезть внутрь дома. Коридоры с рваным грязным линолеумом, маленькие испачканные окна, запах металлической воды, большие рои мух, из одной комнатушки доносился детский храп, сливающийся с завывающим звучанием басистого мужчины под двести кило. На лице Евгения проскользнула грустная улыбка... Он подошёл к лестнице, ведущей в кафешку первого этажа из неудобных и маленьких ступенек, на которые не влезала полностью нога епископа.

Внизу он увидел забавную картину – за потрёпанным жизнью столом, над крошками, наспех сброшенными на пол, си-

дел совершенно невозмутимо и по-простому Божесов в своём щегольском наряде и разговаривал с мужичком-хозяином с редкой засаленной бородкой. Подойдя ближе, епископ увидел, что перед Божесовым на тарелке лежит кусочек запечённой куриной грудки и горка жареных грибов с мелкими кусочками золотистого картофеля.

– То есть вообще ЧП ни на что не влияло? – переспросил у мужичка специально для Евгений Божесов, с аппетитом орудуя ножом и вилкой.

– Нет, – махнул рукой мужичок. – Место проходное. Фуры туда-сюда шныряют, а если и контролирует кто-нибудь из полиции, то за деньги глаза закроют... К концу капитан на новой машине приехал!

– Ат мерзавец! – осклабился Михаил Александрович. – В шоке, конечно, я от безответственности людской, Игнат... Ладно, что сейчас в крупных городах все спокойно сидят по домам, боясь высунуть ногу, чтобы не арестовали за нарушения, а в эпидемию как было?

– Да, страшное время... Я чуть не разорился, благо фуры продолжали ездить, – кивал Игнат.

– Ну да, – щёлкнул языком Божесов. – Здоровье было не на первом месте...

Евгений почувствовал в этом тоне Божесова обиду и на неразумное население, и на себя, не способного это население быстро научить.

– Как же так! – продолжал Михаил Александрович, откла-

дывая приборы. – Многие безответственные и в некотором роде эгоистичные люди несмотря на все мои запреты выходили на улицы, ездили в переполненных электричках на дачи, ходили на пробежки и, пытаясь как-то отвлечь себя от одиночества на самоизоляции, обрекались этим только на её продолжение. Про службы на Рождество вообще молчу...

– Вы не совсем справедливы, – попытался шуткой разбавить образовавшееся напряжение Евгений.

– Я договорю. Пусть абстрактному дяди Антону прямо приспичило выйти из дому. Предположим, что у него живёт большой сенбернар, требующий подвижных игр на воздухе. И дядя Антон, положившись на русский «авось», ежедневно нарушает режим самоизоляции. Необходимость – скажите вы; преступление – скажу я...

По большому счёту, хрен с ним, с этим дядей Антоном. Пусть он будет соблюдать все меры – и социальную дистанцию и гулять будет в безлюдных местах, в которых заражение невозможно... Или же наоборот будет активно контактировать с другими друзьями–собачниками – не так важно. Пусть наш дядя Антон искупался на Крещение в проруби, и никакая зараза к нему не пристаёт.

– Ну, вы немного издеваетесь, Михаил Александрович, – не оставлял попыток разрядить обстановку епископ.

– Нисколько, слегка иронизирую... И всё хорошо. Дядя Антон продолжает гулять, ему пофиг на рекомендации властей, а встречающиеся полицейские патрули тоже, вместо

выписывания штрафа по факту первого нарушения режима, отпускают его под честное слово, которое дядя Антон, будучи истинно русским человеком, считает необязательным соблюдать – «чё он, фраер, шоб перед мусорами раскланиваться?» И как бы жизнь дяди Антона идёт своим чередом – сенбернар счастлив, дядя Антон, этот кубический экстраверт, шляется по улицам, и зараза его не трогает.

– Тогда в чём проблема, Михаил Александрович? – улыбнулся Евгений.

– А для Антона проблемы нет. С точки зрения логики его действия вполне адекватны – гуляет, воздухом дышит вместо того, чтобы дома тухнуть, да и не болеет к тому же. «Придумана болезнь» – думает Антон и продолжает нарушать рекомендации властей.

– И?

– И дело в том, что на 7 этаже антонова дома, живёт баба Валя со своей болонкой. И видит баба Валя, что дядя Антон каждый день со своим сенбернаром выходит на улицу и ничего – здоров. И следует баба Валя примеру дяди Антона и тоже выходит на улицу, прикрываясь болонкой... И встречается с бабой Маней из соседнего двора, гуляющей с таксой. «Сколько лет, сколько зим, сколько не видались, а ужас–то какой творится вокруг, мама дорогая!!» И треплются они так каждый день, забывая о социальной дистанции... А у бабы Мани внук в магазин ходит и продукты приносит. И однажды забыл он о технике безопасности и притащил из магази-

на бабе Мане заразу. Стала баба Маня носителем, но с бабой Вале́й всё ещё встречалась, щедро заражая и её... Вот и получается, что с бабой Вале́й, последовавшей примеру дяди Антона, приходит в многоквартирный дом зараза – на ручках, на почтовых ящиках, в лифте и других местах. Весь дом заразился, потому что баба Валя последовала примеру безответственного дяди Антона... Пусть ещё и умер кто-то для драматизму, чтобы совесть дядю Антона замучила.

– Ха-х, вы жестоки!

– Не я, а дядя Антон, который своими эгоистичными действиями, даже соблюдая технику безопасности по отношению к своим прогулкам, послужил примером для старой и глупой бабы Вали... И вы скажите, что дядя Антон не виноват – он с собакой гулял, вроде бы можно. А я скажу, дядя Антон, – Божесов сделал многозначительную паузу.

– Зато сейчас, посмотрите, какая прелесть творилась в городах! Везде солдаты, везде бронетехника, а страх хозяев неожиданно передался собакам – гулять вдруг им стало во все не обязательно! – с ядовитым сарказмом заметил Божесов. – Ни один не считает нужным выйти на улицу... В такие моменты и понимаешь, что людьми всегда движет исключительно страх за свою жизнь. Остальное не помогает... Дядя Антон договорился с полицейскими, чтобы его не штрафовали – договорился. Да даже если бы и оштрафовали, всё равно через день-другой вышел бы вновь на улицу, прикрывая свои личные желания свежего воздуха биологическими

потребностями сенбернара. Свинство, что из-за такой безответственности столько людей заболело. Дядя Антон хоть ничего плохого формально и не совершил, но показывал своим вольным поведением дурной пример... А в этом – попробовал бы дядя Антон выйти с сенбернаром на прогулку. Военные собаку отняли б, а дяде Антону колено прострелили, чтобы недели три ходить не мог. Справедливость... Если бы мне разрешили в 2025 году, тогда заразившихся идиотов было меньше, но увы...

– У меня есть одна мысль, – прервал епископ эти категоричные суждения, с которыми не мог согласиться. – Каким бы человек ни был: интровертом; обиженным на жизнь; пребывающим в депрессии или вечной меланхолии с суицидальными мыслями, – как только его ударят три раза прикладом автомата, разбив лицо в кровь и причинив страшную боль, как только приставят дуло автомата к его лбу... Он сразу поймёт красоту жизни и то, что он потерял, воспевая свои глупые идеи, в которые, как оказалось в страшной ситуации, совершенно не верит...

– Не очень понял, к чему это, – впервые улыбнулся Боже-сов. – К дяде Антону – нарушителю самоизоляции и пассивному убийце это не относится... Но вы правы. Люди многое выдумывают – проблемы, недостатки в себе, своё внутреннее и внешнее несовершенство и даже настроение умудряются себе выдумать... Эту дурь можно выбить из башки либо подарив им светлый смысл существования, что сложно;

либо запугать их, сделав смыслом жизни выживание...

Всё это время нужно было видеть изменяющее выражение лицо Игната, ставшего свидетелем подобных глубинных откровений всегда твёрдого человека. Игнат понимал, что для Божесова это было не самым приятным воспоминанием карьеры – хоть это и была победа, но высокой ценой...

– Ладно, Игнат, – улыбнулся ему Божесов. – Спасибо за ранний и плотный завтрак. Курочка была потрясающая!

Михаил Александрович и Евгений вышли во двор под освобождённое от туч небо. В воздухе пахло сыростью и деревней.

– Да... Пробыло меня на сантименты, – посмеялся Божесов. – Ну, раз заговорили о карантине, придётся сказать пару фраз о вашем литературном творении.

В машине Президента был небольшой столик с тёплым домашним хлебом и мягким сыром. В аккуратненьком термосе, в форме греческой амфоры, дымился ароматный зелёный чай с лесными ягодами (пусть к мягкому сыру и подходит белое вино, но чай Божесов любил больше). Рядышком рассыпались орешки: грецкие, миндальные и кедровые.

– У вас очень здоровый аппетит. За час я вижу еду уже третий раз, – улыбнулся епископ.

– Работа такая. Всё выгорает, – кинул в рот половинку грецкого Божесов. – И опять же, вкусно, хоть и вредно.

– Что насчёт книги? – прямо спросил Евгений.

– Ну, за меня отдельное спасибо. Я не знал, что со сторо-

ны смотрюсь так замечательно! А если разговоры ваших одноклассников обо мне и правда были такими, то это только поддразнивает самолюбие, – Божесов сделал глоток из термоса.

– А что касается вашей жизни, – продолжал он. – Она красивая. Себя вы описали с ещё большим трепетом, чем меня... Конечно, многое остаётся непонятным, епископ, – Божесов оскалил зубы в улыбке. – Но ваш рост и изменение сознания хороши... Да и желание помочь Инге в настоящее время говорит о важности этих чувств.

– Вообще–то любой творческий человек черпает вдохновение из своей первой любви: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Бальзак...

– Стоп, стоп, – отмахнулся Божесов. – Не рассказывайте мне о силе любви. Она никак не поменялась за всю историю существования цивилизованного человечества.

– Ну, здесь вы не правы, – смутился епископ. – Любовь терпела изменения с появлением христианского учения, другой морали, прав женщин...

– Да нет, Евгений. Менялся путь к сексу, а любовь оставалась такой же. Любят сегодня точно с теми же эмоциями, как триста лет назад, а вот раскрепощённость превратилась в обыденность... Впрочем, давайте–ка вздремнём немного. Я всю жизнь влюблён в одну особу женского рода, – закончил Божесов, имея в виду Россию.

– Я тоже... – прошептал Евгений совсем о другом, глядя в

окно и незаметно осеняя себя крестом. Они приближались к государственной границе. За окном проносился вечный русский пейзаж – ёлка–берёзка, ёлка–берёзка, ёлка–берёзка...

Глава IX

В 10 часов утра кортеж Президента, въехавший на территорию Белоруси, продвигался по идеально ровным дорогам республики. Вдоль шоссе уже не было единственного русского пейзажа из ёлок и берёзок, здесь были исключительно сельскохозяйственные поля и луга с жирными коровами.

– Хозяйственно, – сказал Евгений.

– И не говорите... Остатки наследия Лукашенко... Хороший мужик был, – отвечал Божесов, листая ленту Твиттера.

– Вы его знали лично?

– Я да, но он меня предпочитал не знать. Мне до Лукашенко, как Венере до Солнца, – сказал он так, что нельзя было понять о своей ли недосыгаемости он говорит или о недосыгаемости Александра Григорьевича.

– Евгений, вы слышали об организации «Познание»? – спросил он у епископа.

– Смотря где... В своих профессиональных кругах ничего хорошего.

– А в целом?

– Знаю, что это околорелигиозный круг любителей заниматься саморегуляцией, самоисцелением и погружениями в себя для глубинного познания...

– Отлично. А знаете кто такой Виктор Танокович?

– Либо еврей, либо белорус...

– Очень смешно. Это как раз–таки идейный вдохновитель «Познания». Его «монастырь», если так можно сказать, находится здесь, в Витебской области... Но про круг любителей вы ошиблись. У него тысячи последователей. А в «монастыре» более трёх тысяч человек живёт.

– Я на дух не переношу сектантства, – проронил епископ. – К чему это?

– Ха–ха, – проигнорировал вопрос Божесов. – Я тоже терпеть этих дурачков не могу...

– Ну, они не дураки. Вполне умные люди... Другое дело, что они стремятся не к тому... Была у меня история. Однажды в Париже я посетил одно сектантское мероприятие. И был там юноша, по которому сразу было видно, что он ещё на самых ранних стадиях погружения в эту тусовку, астрально не посвящён... И я спросил его, удалось ли достичь состояния духовного просветления, радости и осознанности себя? Он с жаром начал отвечать мне, видимо, исполняя какую–то придуманную миссионерскую работу, что, конечно, разум его очистился, мысли просветлелись, мир становится понятным, себя он вообще полностью изучил и пришла полная осознанность. Говорил он это так одухотворённо, что мне показалось, что ещё чуть–чуть и он над землёй поднимется! Но я остановил его вопросом: а что в твоей жизни изменилось, что изменилось в твоих отношениях с людьми и близкими – ты стал добрее с ними? И он так помялся, ответив, что вроде нет, всё осталось также... Вот такая техника,

лишённая нравственного содержания, способна расширить человеческое сознание, причинить радость, но не способна передать то, что в христианстве называется «благодать», то есть «энергия», идущая от Бога, а Бог есть любовь...

– Интересненько, – промурлыкал Божесов.

– Так к чему это? – спросил Евгений, максимально прикрывая ненавязчивость.

– Знаете, Танокович попался мне в 2027 году на вечере памяти доктора Пичужкина... Сам по себе был психотерапевт, как вы понимаете. Так вот. По иронии судьбы я заинтересовался им и выведал о нём слишком много. Через 5 лет он основал свою секту и снискал огромную популярность среди лохов... А вот мне захотелось планировать госпереворот к году новых выборов. И придумал я гениальный план – заявить Лапину, что пойду баллотироваться, чем вызвать его незамедлительную реакцию. Честно сказать, я не думал, что он захочет меня посадить. Мне просто хотелось, чтобы после принятия новой Конституции он распустил Правительство, и я стал вольной птицей, спокойно занимающейся честной агитацией и авторитетно критикующей его за поправки, а в определённый момент я бы отправил иск в Конституционный суд, который признал действия Лапина путём к диктатуре... А потом бы начались подковёрные игры, создание коалиций в Думе, работа с депутатами и процесс законного импичмента... Но Лапин захотел посадить меня и только потом распустить Правительство. Уже давно на него работала

Мари, – произнёс Божесов с грустью в голосе, – Которая финансировала «True liberals», якобы с моего ведома. А в день моего объявления об участии в выборах, Красенко инициировал операцию по перехвату фур, а откуда они ехали?

– Мне сказали, что как раз отсюда.

– Ну, вот. Это оружие доставил товарищ сектант.

Евгений очень удивился.

– А что тут странного, Ваше преосвященство? – сказал Божесов. – Террорист тот ещё, но об этом вспомним в Минске... Напичкал фуры оружием, накидал химии всякой белорусского производства (оттого и не могли определить происхождение), и отправил по заказу. Задержали, как было надо, и состряпали сомнительную картинку планирования мною переворота...

Он на секунду остановился и закинул в рот орешек, продолжив:

– Но слава Богу, Екатерина Алексеевна узнала о том, что под меня копают, и сообщила мне. Вот тут я и придумал то, что так чудесно осуществилось. Можно сказать, защитил действующий конституционный строй, а Лапин стал преступником, меняющим Конституцию и фальсифицирующим уголовные дела против меня и «True liberals»... Я просто перевернул всё против него.

Епископ Евгений закрыл глаза и просидел в молчаливой позе несколько минут, явно думая о произнесённом.

– Михаил Александрович, вы, конечно, везучий чело-

век, – Божесов как–то наивно–детски улыбнулся от радости.

– Просто у меня есть верная команда, готовая идти до победного конца.

– Франчи́зм? – спросил с улыбкой Евгений.

– Ага... – кивнул Божесов. – Я вам дам прочесть книгу. Должно понравиться.

В окнах каждые полкилометра мелькали белые аисты, символы Белоруси.

– А что вы от «Познания» хотите? – спросил епископ, возвращаясь к первой теме. – Не зря сюда едем, и о ней будете говорить...

– Да, Евгений. Конечно, не только про сектантов будем говорить, но они свою роль сыграют вновь... – произнёс Божесов таинственно.

– Это ведь тоталитарная секта? Труд, насилие, культ вождя...

– Да я знаю... По Таноковичу трибунал плачет. И людей жалко. Потерявшиеся, мечущиеся в поисках истины. А гармонии всё равно не обретут. Увлечены такими психотерапевтическими техниками по расширению сознания, пытаются найти лёгкий путь, без изучения истин своей души!

Епископ ничего не отвечал, а смотрел в окно на ровные ряды картофельного поля и гордодвигающихся аистов. *Его увлекала мысль о человеческой морали и противоречивости людских взглядов на жизнь. Хорошо ещё, если человек имеет какое–то мнение по этим вопросам, а если он никогда и*

не задумывался над своим моральным обликом и принципами? И ведь невероятно трудно жить в мире, где у каждого есть собственная философия, основанная исключительно на личном опыте. Отношение к воровству, убийству, сексуальное поведение, межличностные отношения, предательства, измены, дружба, любовь, власть, богатство, успех, польза образование, необходимость труда – всё это индивидуально в нынешнем мире и оттого людям сложно договариваться между собой. Каждый несёт что-то особенное и ни на что не похожее...

Насколько лучше жить в мире, существующем в рамках определённой нравственной идеологии. Будь христианский, исламский или коммунистический идеал жизни – не важно. Важно то, что система морально-нравственных ориентиров у всех примерно одинакова. Степень отношения к одним и тем же событиям у людей равна. Люди обладают одной системой взглядов на брак, воспитание, политику, деньги и просто одинаково уважают друг друга, не считая себя чем-то высшим. Вот это очень счастливый мир, где между людьми если уж и возможна вражда, но также неотвратимо и взаимное понимание.

– Истину трудно найти, Михаил Александрович, – произнёс наконец епископ. – Не всем везёт быть одарёнными силой характера уверенностью в собственной правоте от рождения. А эффективно делиться своей философией жизни нельзя ни через сообщения, ни через телефонные разгово-

ры и даже ни через беседы в живую... Сейчас следите за моей мыслью, она тавтологична, но верна – каждый обретает смысл совместно с близким человеком, с родственной душой, и находит его в каком-то определённом атмосферном месте. А для этого секты не нужны, нужна любовь к людям, человечность и общая мораль...

– Соглашусь с вами, Евгений, – меланхолично проронил Божесов. – Если истина – это Бог, а Бог – любовь. Тогда и истина открывается через любовь...

Они приближались к Минску.

Глава X

Центральные улицы Минска были перекрыты. Божесов и епископ Евгений проезжали мимо красивых зданий, любуясь чистыми улицами и огромным количеством зелени. Через Минскую арену, минуя парк Дрозды, кортеж, сопровождаемый местной милицией, двигался по проспекту Победителей.

– Вот вроде бы спальный район, а «Кремль» прямо напротив, – сказал Божесов, когда кортеж въезжал в ворота Дворца Независимости – шедевре архитектурного модернизма.

Божесов, переодевшийся из своего casual-костюма в стандартный тёмно-синий двубортный пиджак с агрессивным пурпурным галстуком, лицедействовал перед толпами журналистов в холле с блестящим глянцем мраморным полом. Под тяжеловесными люстрами его встречал Президент республики с натянутой улыбкой славянского гостеприимства.

Епископу Евгению сотрудник службы протокола передал записку на плотной бумаге: «Официальная часть быстро пройдёт. На разговор за закрытыми дверями вы приглашены». Евгения отвели из людной части Дворца во внутренние коридоры. Там царила гнетущая тишина. Из гигантских окон падал дневной свет, от которого золотые элементы декора помещений начинали играть переливающимися бликами. Епископ поспешил выйти из этого символа вульгарного

богатства. Открыв дверь, он очутился в чуть более скромном помещении. Это был длинный коридор с редкими дверями. Из одной вышел курчавый подросток в домашней одежде. Он остановился и с любопытством посмотрел на епископа.

– Из России? – спросил он нагло.

– Ага.

– Заблудился, поп? – в его голосе звучала хамоватая манера, свойственная детям глав государств.

– Я не поп, а епископ, – отвечал с достоинством Евгений, внутри желая ударить подростка.

– А мне – то наплевать. Я в Бога не верю, – говорил подросток с антиклерикальным вызовом, провоцируя Евгения.

Он стал ждать оправдательной реакции от епископа, но Евгений лишь смерил его сочувствующим взглядом и, сделав шаг вперёд, произнёс шёпотом:

– Да... Если честно, то я тоже.

Президентский сын, не встречая за свою практику троллинга священноначалия такого ответа, сбивчиво залепетал:

– Да? Но как же? Вам хотя бы положено притворяться!

– Знаешь, в того Бога, в которого не веришь ты, в того и я не верю... Потому что, когда ты говоришь: «Бога нет», в сознании всплывает фигура седовласого старца, сидящего на облачке и посылающего молнии на лысины грешников. Такого мне не надо. А вот если ты откроешь учебник догматического богословия, то, возможно, не будешь так скептически относиться к вере...

Подросток удивлённо посмотрел на епископа и хитро улыбнулся, оценивая ответ Евгения, как вполне достойный.

– Ах, вот вы где! – крикнул из-за спины сотрудник службы протокола. – Переговоры в другом крыле...

Он увёл Евгения из домашних помещений президентской резиденции. Взглянув на уведомления в новостной ленте, епископ увидел публикацию ВВС–News: «Божесовская Белорусь: интеграция или интервенция?»

В скромном зале с маленьким белым столиком по центру сидели друг против друга по три представителя от каждого государства – Президент, министр иностранных дел и министр обороны. Божесов, ожидая пока его коллега отдаст распоряжения службе протокола, сидел и насвистывал: «Ясная, светлая, чистая, нежная – белая, белая Русь»...

– А это кто? – спросил недоумённо белорусский Президент, с лица которого исчезло благостное выражение официального приёма.

– Это мой политический советник по вопросам Европейской политики, – придумал на ходу Божесов, садясь за стол вперёд хозяина вечера. Евгений положительно оценил такой ответ.

– Да ты не парься, Саныч. Мы к тебе с открытым сердцем приехали, – потянулся Божесов, как будто вот-вот и закинул

бы ноги на стол.

– И границами... – пробубнил Президент. – С чего мне вообще с тобой договариваться об интеграции? Ты последние дни досиживаешь, потом с Орловой и её Администрацией всё будем решать.

– Ой, не советую, – зевнул Михаил Александрович.

– Елизавета Николаевна не так стоворчива, как мы, – пояснил Даниил Николаевич своему коллеге, но предназначалась эта фраза для всех.

– Она же чиновник, – продолжил Божесов. – Это я тебе чайный сервиз в подарок привёз и делегацию из двух ключевых министров и представителя интеграционного Комитета, – назвал новую должность епископа Божесов. – А Орлова привезёт с собой весь Комитет и двадцать тысяч страниц планов и дорожных карт. Засядете с ней за этим столом всей гопкомпанией и выйдите только тогда, когда каждое слово этой писанины по морфемам разберёте... Оно тебе надо?

– Ну, я с Елизаветой Николаевной попытаюсь договориться, – юлил белорусский лидер.

– Батюшки мои! Саныч, а я–то куда исчезну из политического бомонда? Да и что за мода, не дожидаясь условий, начинать отказываться? – манера переговоров у Божесова была странной, он полностью брал под контроль сознание всех присутствующих, рассеивая внимание на мелочи своего вольного поведения и убирая концентрацию с предмета обсуждения.

– Ладно, Михаил Александрович... Что на этот раз требуете?

– Да я разве Лапин, чтобы требовать? Я всё на взаимовыгодных условиях, – он толкнул локтем министра обороны.

– Кхм... – достал Максим Петрович толстую папку. – Мы хотим военную базу в Брестской области... Контингент в две с половиной тысячи военнослужащих, аэродром на десять истребителей, пятьдесят единиц бронетехники, не считая транспортные единицы.

– Я ещё хотел бункер там копать, – добавил Божесов задорно. – Но это какой-то моветон.

– Хорошо, – задумчиво сказал Президент, бегло пробегая глазами страницы и передавая папку своему министру обороны. – Мы изучим этот вопрос. Дальше?

– В Гомельской области мы предлагаем построить космодром, – сказал министр иностранных дел. – Вложив достаточное количество средств, мы сможем обслуживать запуски не только свои, но и международные. Это престижно и выгодно для вас.

– Так, – заинтересовавшись гораздо больше, протянул Президент. – Приятное предложение.

– А то! – согласился Божесов, демонстративно наливая воду в стакан. – Через три года построим, ещё через два на Луне сделаем научно-исследовательский центр... – он подал ещё одну папку.

– Но ты же понимаешь, что наши партнёры так просто ми-

ряться не станут с нами?

– Ну, по сути, что они нам могут сделать? – Божесов подался вперёд с этим вопросом. – Война? Брось. У нас масштабных конфликтов быть не может. Санкции реальнее, разумеется, но что нам санкции? Я за эти три месяца национализировал достаточное количество предприятий, чтобы обеспечивать всех всем необходимым – от гречки до валенок... Я даже думаю создать Европейскую космическую корпорацию и пригласить туда заинтересованных, будем осваивать Космос вместе. А не согласятся – ещё раз, я не Лапин, газ и нефть с лёгкостью перекрою, не моргнув глазом.

– Ты нас на кризис обрекаешь!

– Экономика – самая пустая на свете вещь! Только те, кто играют по правилам, страдают от кризисов. А мне на правила плевать.

– Уверен слишком ты... – скептически произнёс Президент. – Ладно, мне в целом нравится, так что пусть министры профильные начнут оба предложения обсуждать... Правда база – это трудно...

– Не бойся НАТО, – прервал Божесов. – Повторяю, бомбить тебя никто не станет. Вы не Югославия, да и мы близко. К тому же им сейчас не до наших империалистических планов.

– Ага... Что про интеграцию предлагать будешь?

– Всё прозаично и просто. В течение этого года окончательное создание единого экономического рынка, формиро-

вание общего Банка, валюту сделаем одну и потом, года за два, создадим стандартные правовые нормы для экономических процессов, бизнеса и прочего. Это все мои предложения по экономике.

– А таможня?

– Саныч, рынок–то один. Из Владивостока в Гродно восемь тонн тушёнки прогнать можно также, как из Вологды в Краснодар... Тут изложено всё, короче.

Вновь началось перелистывание страниц.

– Но ведь всё это нужно принимать двусторонними соглашениями или через какой–то общий орган власти? Парламент придётся создавать или ещё что–то.

– Неа, – игриво помотал головой Божесов. – Все решения оформим единым документом и вынесем по пунктикам на всенародный референдум. Так что в экономике обойдёмся без Парламентов.

– Удивил... Так это просто модернизация того, что уже есть.

– Ну, не совсем... Ещё я предлагаю слить наши армии в одну организацию, – тут наступило короткое молчание, спешно прерванное самим Божесовым. – Штаб будет, конечно, сборный. Министры будут ответственными за свои страны, а главнокомандующими Президенты не будут...

– А кто будет?!

– Другой институт, о нём позднее. Призывная система у нас схожая, так что без проблем... отменим её друг у друга.

Вот, кстати, и повод прекрасный! – повернулся Божесов к Максиму Петровичу.

– Извините, – прервал белорусский министр обороны. – Но хочу сказать сразу, что такое сращивание может привести к непониманию офицерского состава и деморализации, как наших войск, так и ваших...

– Я об этом думал, – ответил учтиво Божесов. – И сразу скажу, что подобное сращивание займёт несколько лет... Поэтому предлагаю организовать некий Континентальный альянс, в который войдут наиболее сочные военные подразделения.

– Нас точно партнёры не поймут, – категорично заявил Президент.

– Поймут. Мы обставим это, как одну из ступеней интеграции... К тому же штаб–квартиру мы сделаем в Крыму...

– Ну уж нет! Тогда Украина нас не потерпит.

– Может быть ты и прав... Хотя я, как и любой социальный философ, не разбираюсь в общественных отношениях, но вы всё равно живете по моим правилам. Поэтому потерпят. Мы референдум повторный там планируем. Я договарюсь...

– Но для создания этого Альянса нам нужен повод, – справедливо заметил министр обороны.

– Верно, – улыбнулся Божесов. – Поэтому предлагаю нам провести совместную военную операцию!

– Какую? – спросил оживлённо Президент.

– Ты знаешь о коммуне в Витебской области? Там сектантская деревенька есть.

– Конечно, слышал.

– Ну, вот. Это центр терроризма. Лапин оттуда оружие привёз.

– Да?

– Ну, вид, что не знал, делать не стоит, – ухмыльнулся Божесов. – Так что предлагаю провести совместную операцию по противодействию терроризму и экстремизму... Создадим сводную группировку и проведём несколько рейдов. А через полгода полноценный Альянс сделаем.

Епископ Евгений по изменившемуся лицу Максима Петровича понял, что этот план был придуман Божесовым только что, в процессе разговора.

– Что ж... Убедительно. А про новый институт управления ты хотел рассказать?

– Ну, пока что это моё ноу–хау для внутреннего пользования. Вот Орлова выиграет свои выборы, а потом Конституционную реформу завершит, с новой поправкой о создании специального органа власти... Все карты раскрывать не буду. Сам увидишь скоро, но это что–то вроде Политбюро.

– То есть формально ты всем будешь рулить? – оскалился Президент в хищной улыбке.

– Нет, – уверенно отрезал Божесов. – В моих руках будет только возможность влиять на ситуацию, используя свои рычаги по всем направлениям... И скорее всего, именно этот

институт будет руководить союзным государством.

Президент Белоруси посмотрел пристально на Божесова, понимая, что тот травит его этим руководством.

– То–то я вижу, что у Орловой программа такая простенькая, – решил задеть он Михаила Александровича. – А вот оно в чём дело!

– Ну, не соглашусь. У Елизаветы Николаевны очень большие планы. Она добьётся гораздо большего и лишь из–за того, что зрит в самый корень проблемы – в семье и образование.

– Ну, с образованием уже вы справились на славу! – подмасливал Президент.

– Это да, – позволил прислушаться к лести Божесов. – Но Орлова планирует улучшать науку. Наконец–то Россия сможет соревноваться с Лихтенштейном! Кроме этого, мы ждём поддержку института брака, борьбу с домашним насилием и развитие материнства и детства. Словом, довольно гуманистическая программа, до которой руки политиков–мужчин не доходили. При этом повторяюсь, дисциплина и введливость у неё будет ужасающая! Я перед её работоспособностью лапоть! Просто мне достаётся всё легко, везучий...

– Тогда на чём мы останавливаемся? После выборов мы встретимся с Елизаветой Николаевной, окончательно решим вопрос космодрома и военной базы и наметим стратегию создания Альянса и единого рынка?

– Да. А после создания для меня должности, подпишем

все соглашения втроём.

– Ну, тогда на пресс–конференцию, а потом в баньку!

– Ох, Саньч... Шашлык?

– А как же!

Вечером возвращались в Москву в самолёте МИДа. Ни епископ Евгений, ни Божесов не были восприимчивы к алкоголю, а потому, невзирая на большой запас увеселительных напитков Президента Белоруси, сидели в очень трезвом состоянии за столиками и, эмоционально уставшие, отдыхали, листая ленту новостей.

– Видите какая она, политика? – продолжая смотреть в экран, спросил Божесов.

– Весело, весело... У вас всё–таки имперские амбиции, – также ответил Евгений. – Стиль правда забавный.

– Ну так! Я просто говорю с ними, как будто они хозяева своих стран, тешу самолюбие, говоря такие вещи, которые им никто не говорил. Тут легко было, он себя царём считает. А вот с европейцами сложнее, «менеджер» не всегда их покидает...

– Пишут, что дебаты Елизаветы Николаевны великолепны. Она всех раскидала.

– Да. Потому что они валили её через меня. Начали критиковать образовательную реформу, но зря, – Божесов улыб-

нулся. – Мало кто знает, но она одна из тех, кто ратовал за коллективное образование. 47% школ–пансионов это её забота полностью. А они на её детище захотели нападать! Дурочки...

– Не на неё, а на Пушкина, – заметил весело епископ, тут же поясняя свои слова: – Эту педагогическую утопию воспитания сформулировал именно он... Сказал, что дети в России в домашнем воспитании только растлеваются, а настоящее воспитание – лицейское. Чтобы спасти ребёнка, нужно оторвать его от семьи.

– Довольно циничная фраза для епископа, – задумался Михаил Александрович.

– Ну, это же Пушкин... Хотя доля правды здесь есть. Нам бы сильно помог условный Хогвартс... Кроме коллективного воспитания ничто не придаст такого толчка общественной идеи и гражданскому обществу, иначе возможные «Гарри Поттеры» сгниют в семьях «Дурслей».

– Хм... Предлагаете отрывать детей от родителей, епископ?

– Никогда! Семья – это святое. Но вот воспитывать детей по системе пушкинского лицея будет очень правильно.

– Что ж. Тогда будем увеличивать число пансионов, – рассудил Божесов.

Они вновь замолчали. Стюардессы принесли напитки.

– Михаил Александрович, – окликнул епископ.

– А?

– Я согласен.

– На что?

– Входить в ваш Комитет нравственности...

Божесов ничего на это не ответил. Ему звонила Орлова, с которой он начал разговаривать о принятых решениях и смешных ситуациях на переговорах, делаясь впечатлениями с искренностью ребёнка. Закончив, он спросил у епископа сонно:

– Вы с Лизой говорили о смысле жизни в бессмертии, так? В Монако когда были... – сонно обратился к Евгению Божесов, когда закончил разговор по телефону.

– Да.

– Интересно, конечно, но мне кажется, что философия Толстого самая верная: «Прав тот, кто счастлив». Прав человек, любящий музыку, презирующий химию и проводящий время в блаженном существовании лентяя, и человек, любящий химию, уважающий труд, и считающий музыку и искусство неправильным иррациональным способом досуга. И правы они, если в своих убеждениях находят счастье.

Божесов откинул кресло, аккуратно зевнул и закрыл глаза, сохраняя на лице осмысленное выражение, епископ подумал: «Ты–то точно и счастлив, и прав». Он посмотрел из иллюминатора океан облаков, окружающий их полёт, и в голове повторились недавние слова Божесова: «Бог есть истина, Бог есть любовь, истина есть любовь».

Эпилог

1

«На прошедших в эту субботу выборах в Государственную Думу явка составила 48,43%. По результатам подсчёта голосов в Нижнюю палату Парламента прошли четыре партии: ЛПР, набравшая 14,6% голосов; Коммунистическая партия с 20,45%; партия «Единение» набрала рекордно низкие для себя 23,8%, а оставшиеся 41,15% голосов забрала партия «Новая Федерация», созданная командой Михаила Божесова и возглавляемая Президентом России Елизаветой Орловой. Уже за эти два месяца Елизаветой Николаевной была начата реализация всех проектов, заложенных в её программе.

Скоро в Думу будет внесён проект закона о Конституционном совещании, чтобы инициировать работу над новой Конституцией, в которой будет заложен новый институт власти – Комиссия Федерации, занимающаяся общим надзором за всеми направлениями деятельности власти, руководящая обороной страны и контролирующая финансовую деятельность Федерального Банка. Генеральный Комиссар, возглавляющий Комиссию, будет избираться всенародным голосованием на 10 лет и проходить процедуру одобрения деятель-

ности каждые два года. В Конституции будет заложена сложная система выбора кандидатов, но в первый раз они будут допущены к участию в выборах после утверждения Федеральным собранием.

Кроме этого, по сообщениям источников, близких к Администрации, после принятия Конституции возможно проведение референдума о создании Союза в составе России и Белоруссии».

Евгений слушал новости в автомобиле на парковке аэропорта, ожидая прибытия своих одноклассников, за жизнь которых взял ответственность Клёнов. Знакомства Евгения и вытекающая из них политическая карьера сделали главное – самолёт выдало Правительство России, отель был полностью снят при содействии посольства, а власти Департамента Приморские Альпы на безвозмездной основе предоставили два автобуса.

Ценность предстоящего мероприятия уже угасла в глазах Евгения. Если раньше, оно предоставляло возможность для воспоминаний и ленивой рефлексии о делах давно минувших дней, то сейчас голова епископа начинала забиваться практичными мыслями о своей работе – каждый день он вчитывался в программу политической партии «Новая Федерация», читал работу Божесова «Основы идеологии франчизма» и понимал, что ближайшее десятилетие, пока Орлова является Президентом, а Божесов Генеральным Комиссаром, будут перестроены все принципы существования российско-

го общества и созданы приоритеты развития. Он понимал, что перед всеми открывалась эпоха необходимой социально-ориентированной диктатуры нежадных, справедливых и образованных людей, которые поведут страну в будущее и глобально изменят систему, не затрагивая при этом свободулюбие людей и позволяя им жить в условиях социальной справедливости, верховенства права и ценностей демократии... И в этом Евгений будет принимать участие! О каких собственных переживаниях, какой личности и каком собственном духовном опыте может идти речь, если в твоих руках часть судьбы Великой страны и населяющих её Великих людей? Да, человек и его Эго важны, но есть люди, меняющие комфортную жизнь в удовольствиях на то, чтобы другим этот комфорт был доступен...

– Саша, – постучал в стекло автомобиля Артемий. – Уснул что ли? Мы уж прилетели!

Евгений встряхнул головой и открыл окно.

– Тём, там автобусы стоят. Департамент туризма подарил много разных поездок на неделю, придумай что-нибудь с этим, раз уж вызвался быть массовиком-затейником...

– Но мы на три дня рассчитывали?

– Ничего страшного, с работодателями наших договоримся. Кого-то может и переманим на госслужбу, – шутил Евгений, но внутри чувствовал волнение от предстоящей встречи. – Короче, запусти всех в автобусы. В отеле их встретят, а сам возвращайся ко мне, поедem проверять мою виллу...

– Точнее виллу Нарьевича, – передразнил их давний разговор Клёнов.

– Неа, – покачал головой Евгений. – Божесов национализировал русские активы «АннаBank», а особняк мне удалось приписать к фонду «Благословение». Поэтому громить ничего нельзя!

Артемий с весёлой придурковатой улыбкой убежал от автомобиля Евгения, оставив его наедине с водителем и продолжающим работать радио.

«Суд приговорил экс–президента Лапина к 17 годам лишения свободы, а экс–директора Службы безопасность Красенко к 21 году. Данное решение не подвергается пересмотру и обжалованию. Наталья Лапина месяц назад попросила политического убежища в Германии. Напомним, что в отношении компании Лапиной ведётся проверка на предмет выявления коррупционной и иной преступной деятельности. В отношении руководителей Движения "True liberals" также вынесены обвинительные приговоры, но Президент Орлова уже заявила в Твиттере о своём намерении помиловать их, а также выразила надежду слышать голос оппозиции в Правительстве».

Клёнов сел рядом с Евгением.

– Красота, конечно, – сказал он. – Все радостные такие, будто свободу вдохнули...

– Разве нет? С работы отпросили, перелёт оплатили, проживание бесплатное, место хорошее, а компания самая–са-

мая ценная...

– Да, всё–таки с однокурсниками не так весело, как с одноклассниками.

– Говори за себя, – впервые засмеялся епископ. – Твои однокурсники полицаи, верные слуги режима!

– Сам–то на кого начал работать?

– Да я ж шучу, Тём. Просто одноклассники – это те, с кем всегда весело и беззаботно, а однокурсники люди серьёзные (наши с тобой точно), с ними приятно говорить о важных вещах... Твои–то как успехи?

– Да потихоньку... Обжился в этой кавказской ссылке.

– Ну, ничего. Контрабанду и наркотики бери смело. Божесов сейчас криминал прижимает, да и я, если что, помогу тебе. Через годик в Москву вернёшься...

– М–да, – причмокнул Артемий. – Помню, говорил, что твоё богатство не в деньгах, а в визитках...

– А теперь сам эти визитки раздаю, – похлопал Артемия по плечу епископ. – О чём говорили хоть, пока летели?

– Да так... Вспоминали всякое. О работе в основном. Семьи и дети не у всех есть...

– Боже, вот плоды хорошей школы. Людям по тридцать лет, а семей нет! Не люблю качественное образование, – иронично возмутился Евгений.

– Про голосования ещё говорили, самая животрепещущая тема. Никто и не догадывается о моём участие во всём этом...

– А о моём?

– Тем более. Удивятся, когда узнают, что ты войдёшь в Комиссию Федерации... Тебя точно допустят до культуры и образования?

– Знаешь, Тём, – улыбнулся Евгений для борзого ответа. – Когда я последний раз разговаривал с Божесовым, он мне сказал, что моё назначение так же верно, как то, что в гардеробе любой девушки есть бюстгалтер белого и красного цвета.

Клёнов поперхнулся, превратно понимая такой оборот речи будущего диктатора.

– Хах, Божесов, конечно, одиозная фигура, с ним никто не соскучится и точно избиратель поддержит... Его речь весьма своеобразна.

– Да... – задумчиво протянул Евгений на дифирамбы Артемия. – А Инга как?

– Просто прекрасно! Никакой разницы не увидел, – бодро проговорил Клёнов гораздо легче. – О её околополитической карьере тоже никто не знает.

– То есть сейчас она технически свободна от работы? – встрепенулся Евгений.

– Вроде да. Конечно, такому специалисту, – в этой характеристике всё равно чувствовалась внутренняя неприязнь Клёнова к Инге. – Уже предлагают работу по профилю, но она пока взяла перерыв. После таких событий не мудрено, «True liberals» арестовывали с помпой, да и судьба не была

ясна...

– А она знает о моём участие в её освобождении?

– Нет. Мне говорили, что даже следователи удивились, когда им пришли бумаги из четырёх разных ведомств с приказом прекратить в её отношении все следственные действия. И в Генпрокуратуру материалы по ней отправить... Хорошо твоя Орлова постаралась!

– Нет, не она, – покачал головой епископ. – Оказывается, она забыла о ней совсем, а вот Божесов помнил... Так Инга не знает обо мне? – переспросил Князев.

– Да нет, нет.

– Ну, и правильно, – отвернулся от Клёнова епископ и мрачным взглядом посмотрел на дорогу...

Встреча проходила весело. Как и любая встреча старых знакомых, которых жизнь и собственные интеллектуальные способности раскидали в разные уголки, и только во время символического мероприятия внутри каждого мог проснуться настоящий юный школьник, не знающий проблем с начальством и самое главное со здоровьем (ах, как к тридцати годам начинает заботить вопрос вреда от сидячей работы). Словно на вечеринке в особняке Гэтсби около сорока человек заполнили всю виллу Евгения и беззаботно болтали, наслаждаясь чудесными видами на извилистое побере-

жье и горы из освещённого огненными прожекторами сада, проходя вдоль длинных столов с белоснежными скатертями, на которых стояло множество закусок национальной кухни и неисчисляемое количество охлаждённых провансальских вин. Вспоминали прошлые события, прочно оставшиеся в коллективной памяти, обсуждали судьбы, не забывали об успехах и неудачах, смеялись над жизнью, российской политикой и просто забавными ситуациями из публичной и историями из собственной жизни.

– Я с помощью мер господдержки увеличил производство, – хвастался Буднин, одетый в какую-то безумную по своей экстравагантности одежду. – Теперь, благодаря правительственным программам, мой хлеб можно будет купить в любом городе!

– Жаль, что только членам правительства этот хлеб по карману, – шепнул не без удовольствия Клёнов Евгению.

– О, эти шутки никогда не устареют, – радостно скорчил гримасу епископ и чокнулся бокалами с Артемием. – За Буднина и его экологически чистый хлеб!

Они стояли чуть поодаль от остальных, на лестнице у террасы замка. Собачка Фрэнк, стоящая у ног Евгения, безумными глазами смотрела на гостей, порываясь сорваться и перекусать всех топчущих газоны её владений, но натренированная епископом выдержка и собачье самоуважение оставляли её безмолвной созерцательницей происходящего беспредела.

– Ладно, Тём... Веселитесь тут, а у меня как-то настроения нет. Лучше пойду вещи собирать, а то завтра уже в Москву ехать.

Клёнов с сомнением посмотрел на Евгения и понимающе кивнул.

– Я в библиотеке буду. Если получится, невзначай направь туда Ингу...

У Артемия всё получилось, и Инга, ведомая непонятной мотивацией, через час после завершения разговора, оказалась в библиотеке замка, где епископ с Франей, сидящей рядом, перебирал бумаги письменного стола, некоторые мял, а другие складывал в четыре стопочки. Его взгляду попала маленькая бумажка распечатанной переписки с Ингой.

«Дорогая Инга! Надеюсь, что одним из первых поздравляю Тебя – С Днём рождения!»

В нашей жизни есть только 7 точек, достойных трепетного ожидания – 10-летие, 14-летие, 16-летие, 18-летие, 21 год, 35 лет и плавающий возраст выхода на пенсию. Остальные, по моему скромному мнению, не обладают никакими особенными чертами, позволяющими делить динамичную жизнь на годовые этапы...

Тем не менее, полная уголовная ответственность открывает Тебе новые горизонты удивительного мира преступле-

ний и наказаний... А поэтому, во-первых, пусть эта сторона бытия останется совершенно непознанной)

Во-вторых, немного пожеланий. Почему немного? Потому что ум, красота, уважение, доброта, искренность, дружба, радость, одаренность – это то, чем Ты и так владеешь в полной мере...

Обладаешь тонкой (и лично для меня притягательной) аристократичностью, интересными взглядами на мир, безусловной работоспособностью, редким терпением и умением слушать других, а также очаровательным творческим талантом и эстетическим вкусом – просто продолжай, "оставайся сама собой", и желаемое счастье придёт к Тебе.

В-третьих, желаю Здоровья... И не просто крепости телесной, а еще и чистоты душевной. Заполняй внутреннее пространство моральными идеалами, смелыми и дерзкими планами, благородными желаниями и стремлениями к всеохватывающему познанию.

Весь мир только начинает открывать себя, так наслаждайся им, разбирай его вкус и ощущай только теплые лучи его Света.

Поздравляю! Учись, совершенствуйся, двигайся вперед, ешь, люби, но не забывай отдыхать. С Новым годом)

Вечно пафосный, улыбающийся, любящий, добрый, преданный, самоироничный, просто самый-самый –

Я»

– Отправлено в 00 часов 01 минуту, – слабо улыбнулся

епископ, думая, как поступить с этим документом. – Да, не очень оригинально, но, наверное, приятно... Меня тоже ведь поздравила сразу с наступлением дня рождения? Да, прекрасная девушка...

Евгений с теплой улыбкой свернул бумажку и положил ее во внутренний карман. Продолжил разбираться с бумагами. Из граммофона звучал Дебюсси.

– Привет, Саш... – прозвучал сладкий голос из-за спины епископа, и внутри у него началось бурление, и дыхание участилось.

– Заблудилась? – резко развернулся он лицом к Инге, натянул хитрую улыбку и, как умел, потушил глаза, не давая погрузиться в своё сознание. – Немудрено. Особняк большой.

Он невозмутимо и чуть жеманно опустился в кресло, предлагая Инге сделать то же. В мыслях уже было осуждение самого себя за такое вызывающе надменное поведение, лишённое правдивой лиричности. Евгений смотрел на Ингу своим непроницаемым взглядом, лишь учащённое дыхание могло выдать его трепет.

– Ты чудесно выглядишь, – произнёс Евгений, любуясь Ингой. – Столкновения с системой не сминают работоспособных, исполнительных и талантливых людей, готовых бороться за себя.

– Как ты много знаешь о моей жизни! – улыбнулась Инга, и её лицо стало ещё очаровательнее. – Да и эти вечные эпи-

теты моей характеристики...

– Разве я виноват, что вижу в тебе проявление сильной личности?

– Может быть...

У епископа зазвонил телефон, заставивший Евгения сделать лицо недовольным и с грубой стремительностью ответить: «*Я перезвоню. Сейчас очень занят*».

– Кто это в такое время тебе звонит?

– Божесов, – спокойно ответил Евгений. – Ты наверняка знаешь, что я теперь работаю с ним... Но ты гораздо важнее Божесова.

– Тем не менее ответил ты грубо.

– Ну, хотя бы ответил, – усмехнулся епископ, – В отличие от некоторых я на звонки привык отвечать, даже когда мне неудобно.

– Ой, Саш, ты будешь говорить об этом бесконечно! – ответила Инга, чуть задетая таким подколом.

– Как обещал, дорогая, такие вещи не забываются! – развёл руками Евгений с доброй улыбкой. – Звонившего человека всегда нужно предупреждать, что ты не можешь говорить, иначе это хамство или даже предательство. Вдруг звонящий готовится с моста спрыгнуть, и ты единственный, кто способен отговорить?

– Ты с моста не прыгал.

– Откуда знаешь? Ради тебя были разные мысли, – продолжал иронизировать Евгений, не в силах остановиться и

настроиться на новый лад.

– Ладно, стоп. Закрываем эту тему...

Евгений улыбнулся, а его глаза заблестели, открывая его внутреннее торжество:

– Да... Эта фраза из твоих уст звучит очень сексуально, –

Франия посмотрела на Евгения, наклонив свою мордочку.

– Ты по мне очень соскучился, вижу? – усмехнулась Инга.

– Просто безумно... Мы с тобой виделись когда? Лет семь назад?

– Ну, да. Но ничего серьёзного не сделали.

– Не скажи, – понизил голос Евгений. – Эта встреча меня очень мотивировала... Как и любая встреча и разговор с тобой независимо от содержания. Ты единственный человек, заставивший меня меняться.

Инга не знала, что ответить на эту вырвавшуюся из глубин души фразу и продолжила смотреть на Евгения. Франия, положив голову на лапы и накрыв их длинными ушами, наблюдала за людьми своими круглыми чёрными глазами, ожидая развязки. Ей не хотелось лаять и бросаться на Ингу, в ней она чувствовала что-то знакомое, что-то похожее на хозяина. Они сидел друг против друга под музыку Дебюсси, и Евгений смотрел на Ингу, будто не только видит все изгибы её тела и красоту лица, но и чувствует мягкую тонкую шею, нежность пальцев и гладкость рук. Она, как и всегда для него, была прекрасной и аристократичной, и он бы просидел, любясь ею, очень долго...

– Ты теперь без работы? – невозмутимо спросил Евгений, очнувшись.

– Да. Пока отдыхаю...

– Ой, знаю я тебя, – мягко улыбнулся Евгений. – Ты чахнешь от безделья.

– Ну, в отличие от тебя я бы не смогла просиживать днями в этом кабинете, занимаясь литературой и работой, без контактов с людьми и живыми эмоциями, – заметила Инга.

– Я вообще–то в Москву переезжаю. Буду работать в системе управления, – будто оправдывался Евгений. – С Божесовым... Хочешь, тоже можешь работать там?

Эти слова были сказаны очень робко. Так, что даже Франя разочарованно отвернулась и покачала головой, ругая малодушие хозяина.

– Работать в системе, которая чуть было меня не посадила?

– Ну, ты прекрасно понимаешь, что в это издержки политики... К тому же Орлова хочет формировать Правительство вместе с силами несистемной оппозицией. Я с лёгкостью найду тебе интересную работу и в Правительстве, и в Администрации Президента, и в создаваемой Божесовым Комиссии... Ты ведь прекрасный специалист!

– Хорошо, хорошо, Саш, – тихо ответила Инга. – Спасибо большое, ты всегда готов помочь...

Франя фыркнула на диване.

– Чем же ты будешь заниматься в «системе управле-

ния»? – продолжала Инга.

– В Комиссии буду работать, – ответил Евгений, улыбаясь. – Хотя связь в стране нормальную сделаю, чтобы на звонки можно было отвечать спокойно, а не так, что для соцсетей интернет есть, а сотовой связи нет! – эти актуальные слова немного, но вполне справедливо, задели память Инги. Евгений продолжал уже мягче:

– И конечно же, буду стараться сделать так, чтобы никто и никогда не попал в ужасную ситуацию неотвратимой разлуки с близкими и любимыми людьми... Конечно, карантин не самая жестокая несправедливость в моей жизни. Но самая болезненная... Я был дураком, эгоистом. Те наши нечастые разговоры были для меня просто способом позабавиться и поболтать. А надо было держаться тебя и поддерживать интерес, а я разочаровал твоё представление о романтических отношениях... Чёртов карантин! Сколько он уничтожил!

– Саш, ты так и не научился отпускать ситуации... – произнесла она понимающе.

– Ситуации научился, но тебя отпустить не могу... Помню всё. И наш первый взаимный интерес друг к другу, когда в апреле ты попросилась на абитуриент по русскому языку с моим классом, а не со своим, и мы с тобой сидели вместе, заслушивая попытки сочинений моих одноклассников...

Франя, наконец дождавшаяся откровенных речей хозяйина, прыгнула с дивана и, не желая мешать, убежала из библиотеки, повернувшись перед дверью посмотреть на непо-

движно сидящих в темноте напротив друг друга людей.

– Вообще, – продолжил Евгений, – Написав книгу и пропустив через себя все события, все эмоции, я понял, что наши с тобой отношения не случайны и не продиктованы сиюминутной прихотью, а вполне закономерны и, наверное... перспективны, – Евгений хотел сказать ещё что-то, но от волнения прервал эту мысль, перейдя сразу к итогу: – Поэтому я тебя люблю по-настоящему. Ты всегда со мной и в сердце, и в подаренном термосе, – последнее Евгений произнёс с улыбкой, но в голосе звучала грусть. Молчание заполнял Дебюсси.

– А зачем ты пошла в «True liberals»? – заполнил неловкую паузу Евгений, акцентируя внимание на любимом вопросе рационалиста «зачем».

– Просто... – тихим голосом ответила Инга, почувствовавшая теплоту слов Евгения и как всегда понявшая его настроение. – Мне это нравилось...

Евгений посмотрел на Ингу светлым и радостным взглядом с тенью лёгкой тоски, переместился к ней на диван вплотную, их лбы соприкоснулись, и взгляд Евгения устремился в её выразительные серо-голубые глаза, в которых читалась чистая и понимающая всё душа.

– Спасибо, что дошла до этого простого ответа на «зачем?». В этом твоя новая жизни, и новая страница для нас, а я... я теперь всегда буду рядом...

2

В спальню Евгения пробивались жаркие лучи летнего солнечного света. С большим неудовольствием епископ открыл глаза, понимая, что он находится в любимой комнате своего особняка. Он знал, что всех его гостей уже доставили в город. Посмотрев на часы, не вставая с кровати, он убедился в этом. Епископ скинул с себя одеяло и быстро вскочил с приятно помятой постели, упав на колени перед большим окном с видом на побережье.

– ...Спасибо, Господи, – прошептал он, жмурясь от солнечного света.

Евгений торопливо прошёл в ванную комнату и простоял под душем пятьдесят минут. Освежившись под струями горного водопровода, он завершил процедуры причёсыванием своих волос. Семь минут прошло, и он копался в шкафу. Сегодня Евгений решил надеть обыкновенный льняной подрясник, белые мокасины и белую шляпу. В таком виде епископ вышел из своих комнат, прихватив маленький чемоданчик. По коридору разносились звуки уборки и французский говор.

– Жорж! – по-русски крикнул епископ. – Напоминаю, что сегодня я уезжаю в Париж, потом буду в Москве очень долго. Ты здесь с четырьмя помощниками, остальных можешь отпустить.

Жорж кивнул и пробубнил фразу, переводить которую епископу было лень. Он зашёл в столовую, взял приготовленную вазу с фруктами и графин свежего сока и вышел из замка. Воздух был очень жарким, но ветер с побережья доносил мягкую прохладу. Евгений направился к столику на террасе, поставленному у самого обрыва, под зонт, отбрасывающий хорошую тень, из-под которой можно было безопасно смотреть на долину, исчерченную виноградниками, деревнями и дорогами. Епископ открыл свой чемоданчик и выложил на стол листы бумаги и несколько ручек. Забросив в рот виноградинку и налив в стакан немного сока, он начал писать:

«Самая обидная форма эгоизма – самопожертвование», – вывел он перьевой ручкой витиеватые буквы и тут же перечеркнул предложение. Не понравилось.

«Есть люди, выражающие свои чувства любви (или намекающие на её наличие) стихами или даже романами с непонятными мыслями и сюжетами, дающими, в первую очередь автору, хоть какое-то моральное удовлетворение», – опять не понравилось. Он перечеркнул и встал со стула. Начал ходить вдоль террасы, нашептывая себе под нос:

– За свою жизнь я заметил одну очень интересную вещь, – надиктовывал он. – Все люди ограничены своим миром... Человеческая жизнь – это огромный небоскрёб, на каждый этаж которого ведёт множество лестниц...

Это ему понравилось, и, ухватившись за мысль, он подбежал к столу, продолжив записывать: «Печально с одной сто-

роны – ведь именно этот эгоизм мешает людям менять мир к лучшему, учитывая потребности каждого и удовлетворяя их. Увы! Жесток тот мир, где люди не служат своей стране, предпочитая получить в этой же стране образование и умотать за границу. Что это, если не предательство Родины?

При этом направление деятельности человека важно. Сравните две вещи. Есть русский историк, который преподаёт в американском вузе историю России. Он занимается полезным делом? Да, он рассказывает американцам о менталитете и реальностях Северной холодной страны. А есть русский биолог, работающий в лаборатории, тоже американской. И участвует в программе по созданию вакцины от какой-нибудь болезни. Полезное дело? В масштабах всего человечества безусловно. А для России пользы было бы больше, если б этот человек делал вакцину на Родине. Особняком стоят айтишники – польза их деятельности ограничена рынком, а он весьма интернационален... Хотя «утечкой мозгов» называют почему-то уезжающих из страны – с каких пор люди, покидающие своё отечество, стали априори интеллектуалами и гениями? Предатели, не желающие бороться за счастье Родины.

Михаил Божесов желал изменить Россию к лучшему, сделать её богатой, надёжной и перспективной для своих же жителей. В наше время редко кто хочет работать на благо своей страны, чаще всего на неё машут рукой с мыслью о том, что ничего сделать уже нельзя. Божесов был другим».

Пробежав текст быстрым взглядом, епископ со скептической улыбочкой убрал лист бумаги в чемоданчик и вернулся в дом.

– Машина вас ждёт, – сказал ему Жорж на плохом русском. – Желаем вам удачи.

– И вам не хворать! – кивнул всем Евгений, садясь в Мазерати.

Автомобиль выехал из ворот поместья, и Евгений с тоской взглянул на этот дом, понимая, сколько произошло здесь важных событий... В деревне он попросил водителя остановиться у разговаривающего с кем-то священника Дироша.

– Падре, – окликнул его епископ. Старичок повернулся.

– А, Кардинал, – шутливо отвечал он на французском. – Уезжаете от нас?

– Да. Мне нашли общественно важное применение!

– Ну, дорогой мой, это просто прекрасно! Надеюсь, у вас всё будет хорошо!

– Да. Вы знаете, вчера я наконец победил. Встречи выпускников не проходят даром!

– Я вам всегда говорил, что с прошлым надо встречаться безбоязненно!

– Ну, ну, ну. Признаю свои ошибки... Жить стало приятнее, – епископ улыбался. Дирош улыбался тоже.

– Чем же вы займётесь?

– Моралью, образованием, семьями, ещё лекции читать буду... Книгу, кстати, начинаю новую.

– Да?

– Божесов попросил в нашем последнем разговоре.

– Ну, всего хорошего. Да хранит вас Дева Мария! – ласково пробубнил старичок.

– Спаси Господи! – помахал рукой Евгений и выехал за пределы деревни.

Автомобиль нёсся по той же дороге, которой вёз епископ Орлову к себе в гости. Какие интересные события произошли из-за этого визита – определённно, и Орлова, и Божесов, и он сам были очень редкими и удивительными людьми... Проезжая мимо виноградников, Евгений вспоминал с тёплой улыбкой свой вчерашний день и тот длинный разговор с самым важным для него человеком, в голове появились простенькие строчки:

*Мы со школьной скамьи
Были рядом друг с другом.
Загоралась любовь
Поднимаясь к натугам.*

*Я был счастлив и ты
Тоже вряд ли страдала,
Но жестокая жизнь
Нас чуть-чуть разыграла.*

Не достоин твоей

*Я любви оказался.
Но в тебя продолжал
Безнадёжно влюбляться.*

*Хоть теперь мы друзьям,
Но любить продолжаю,
И огромный наш Мир
Для тебя создаю...*

Да. Вчерашний разговор хоть и разрешил у Евгения все сомнения, противоречия и отменил самобичевания за свои прежние ошибки, но он чётко осознавал, что весь его дальнейший труд, всё его служение будет только ради Неё, той прекрасной, светлой, доброй *первой любви*...

И гнал автомобиль в Париж по автостраде, и легко было на душе у Евгения, понимающего всю суть будущего существования. Он вновь открыл чемоданчик со своими литературными набросками, ещё раз пробежался по написанному тексту, скомкал и выбросил этот лист и, подумав буквально несколько секунд, на новой странице вывел заглавие «Божесов» и начал писать мелким почерком: «*Прозвенел третий звонок. Зрители заняли места согласно купленным билетам...*»

Рука Евгения торопливо бежала по бумаге, стремясь рассказать всё–всё–всё также быстро, как Мазерати летела в будущее, наполненное счастьем, любовью и благодарным тру-

дом на благо новой, расцветающей страны и возрожденной жизни.